КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

МАРТЪ

1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ПАМЯТИ Ѳ. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА.

(ПО ПОВОДУ ДЕСЯТИЛѢТІЯ СО ДНЯ ЕГО СМЕРТИ).

12-го марта 1898-го года истекаетъ 10 лѣтъ со дня смерти основателя и перваго редактора-издателя нашего журнала, *Ѳеофана Гавриловича Лебединцева*. Его труды, затраченные имъ при организаціи этого дѣла и при веденіи его въ теченіе *первыхъ шести лѣтъ*, его талантливая редакторская способность, выразившаяся во всѣхъ разнообразныхъ функціяхъ редакторства, его умѣлая дѣятельность, направленная къ привлеченію какъ сотрудниковъ, такъ и подписчиковъ, наконецъ, его большой умъ, знанія и литературный талантъ—все это заставляетъ насъ, преемственно замѣстившихъ его въ трудномъ дѣлѣ редактированія спеціальнаго мѣстнаго органа, не только сохранять въ своей памяти его почтенное имя, но позаботиться и о томъ, чтобы въ средѣ нашихъ читателей это имя сочеталось съ представленіемъ о лучшихъ сторонахъ въ жизни общественнаго дѣятеля. На страницахъ нашего журнала уже нѣсколько разъ появлялись краткія замѣтки о Ѳ. Г. Лебединцевѣ, преимущественно касавшіяся его редакторской дѣятельности (см. 1888 г. № 5-й: „Къ редакторской дѣятельности Ѳ. Г. Лебединцева" В. Г.; 1889 г., № 3-й: „Памяти Ѳ. Г. Лебединцева" Н. Сумцова), а частію и учено-литературной (см. 1888 г., № 4-й: „Къ литературной дѣятельности Ѳ. Г. Лебединцева"). Въ настоящее время, когда исполняется 10 лѣтъ со дня его смерти, мы считаемъ, что лучшимъ выраженіемъ нашего по-

чтенія къ трудамъ покойнаго будетъ опубликованіе тѣхъ матеріаловъ, которыми болѣе всего характеризуется личность съ ея разнообразными стремленіями, завѣтными думами и выработанными жизнью идеалами,—это переписка съ лицами, по своему положенію дававшими поводъ, не стѣсняясь обстоятельствами, открыто дѣлиться съ ними всѣмъ тѣмъ, что выражаетъ внутренній міръ души человѣка. Переписка Ѳ. Г. Лебединцева со многими лицами и по разнообразнымъ вопросамъ, мы надѣемся, будетъ опубликована въ свое время. Мы-же теперь, благодаря любезному вниманію сына покойнаго, А. Ѳ. Лебединцева, получили право напечатать ту часть писемъ его къ брату, Петру Гавриловичу Лебединцеву, которая касается очень интереснаго періода въ жизни его—времени служенія въ Холмской училищной дирекціи въ качествѣ начальника ея. Письма эти были приготовлены къ печати еще самимъ Петромъ Гавриловичемъ и снабжены нѣкоторыми его примѣчаніями. Мы опускаемъ въ нихъ все то, что имѣетъ частный, семейный характеръ, и печатаемъ только ту часть ихъ (значительно большую), въ которой Ѳеофанъ Гавриловичъ является предъ нами съ его общественными и національными чертами.

Печатая эти письма, мы тѣмъ самымъ даемъ возможность будущимъ біографамъ Ѳеоф. Гаврил. имѣть тотъ матеріалъ, безъ котораго всякая біографія носитъ только внѣшній характеръ, не освѣщая предъ нами души человѣка. А біографія Ѳ. Г. Лебединцева, весьма интересная уже потому, что на его долю выпала въ жизни почтенная роль *ученаго, педагога и литератора*, до сихъ поръ не только не разработана, но, можно сказать, почти не начата. Въ то время какъ въ печати мы можемъ найти теперь нѣсколько прекрасныхъ страницъ изъ біографіи братьевъ его, Петра и Даніила Гавриловичей (см., напр., „Кіев. Епарх. Вѣдом." 1897 г. № 5, 6, 7, 9 и 11 статью свящ. *І. Гордіевскаго*: „Памяти каѳедральнаго протоіерея П. Г. Лебединцева"; или: его-же: „Даніилъ Гаврил. Лебединцевъ"—тамъ-же № 19),—о жизни Ѳеофана Гавриловича мы имѣемъ только самыя краткія свѣдѣнія, которыя и сообщаемъ здѣсь.

Ѳ. Г. Лебединцевъ родился 12-го марта 1828 года въ с. Зеленой Дубровѣ, звенигород. у., кіевск. губ., и принадлежалъ къ семьѣ сельскаго священника. О годахъ дѣтства и о характерѣ жизни въ семьѣ мы можемъ составить понятіе по тѣмъ даннымъ, которыя опубликованы въ вышеназванныхъ статьяхъ свящ. І. Гордіевскаго о его братьяхъ. Какъ проходили годы школьнаго ученія Ѳ. Г-ча, мы пока ничего въ печати не знаемъ; знаемъ только, что онъ окончилъ курсъ Кіевской Духовной Академіи въ 1851 году и сейчасъ-же поступилъ преподавателемъ въ Воронежскую семинарію, откуда вскорѣ былъ перемѣщенъ преподавателемъ же въ Кіевскую семинарію. Къ этому послѣднему періоду относится и редактированіе имъ въ свое время очень интереснаго журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей", основаннаго по его-же иниціативѣ. Въ этотъ періодъ редактированія журнала (съ 1860 по 1863 годъ) имъ напечатанъ былъ въ немъ рядъ статей, касающихся мѣстной исторіи. Въ 1864 г. Ѳеоф. Гавр. получаетъ мѣсто экстра-ординарнаго профессора въ Кіевской Духовной Академіи по каѳедрѣ раскола. Въ этомъ году онъ напечаталъ два тома „матеріаловъ для исторіи православія въ западной Украинѣ въ XVIII ст., съ обширнымъ предисловіемъ: „Архимандритъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій". Не долго пробылъ Ѳ. Г-чъ въ Кіевѣ, т. к. съ 1865 году онъ былъ назначенъ начальникомъ Холмской дирекціи. Здѣсь, какъ видно и изъ печатаемыхъ писемъ, онъ не игралъ исключительной роли казеннаго чиновника, а желалъ на дѣлѣ примѣнить ту любовь къ родному, національному, которую обнаруживалъ онъ и раньше (см. его статейку на малорус. языкѣ въ Основѣ: „*О ярмаркахъ*; до сильскихъ парафіянъ"; или: „Поученіе въ день Новаго года"—въ Кіев. Епарх. Вѣд. 1863 г., № 1) и которая, конечно, была причиной, натолкнувшей его, послѣ выхода въ отставку, приступить въ 1882 году къ изданію журнала, считающаго своей нравственной обязанностью сохранять благодарную память о Ѳеофанѣ Гавриловичѣ Лебединцевѣ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать самый органъ.

Письма Ѳ. Г. Лебединцева къ брату въ Кіевъ.

(1865—1867 г.г.).

Ѳ. Г. Лебединцевъ, основатель и первый редакторъ „Кіевской Старины“, до 4 декабря 1864 года состоялъ экстраординарнымъ профессоромъ Кіевской духовной академіи, а сего числа высочайшимъ приказомъ назначенъ исправляющимъ должность начальника вновь открываемой Холмской учебной дирекціи, съ окладомъ жалованья по 3000 р. и на разъѣзды по 1000 р., всего по 4000 р. въ годъ, а 30 ноября 1865 года утвержденъ въ этой должности. Избраніе его на это мѣсто, а также Е. М. Крыжановскаго, бывшаго баккалавромъ той же духовной академіи по каѳедрѣ русской словесности, на вновь открывшееся мѣсто начальника Сѣдлецкой учебной дирекціи состоялось предъ выѣздомъ изъ Кіева бывшаго Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа Ѳедора Ѳедоровича Витте на должность главнаго директора Комиссіи Народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, въ томъ предположеніи, что лица съ высшимъ богословскимъ образованіемъ, стоя во главѣ учебныхъ заведеній двухъ губерній съ русскимъ населеніемъ, насиліемъ польскаго правительства отторгнутымъ отъ православной церкви въ римскую унію, будутъ болѣе соотвѣтствовать видамъ правительства къ поддержанію русской народности въ этомъ краѣ и охранѣ ея отъ вліянія римско-католическаго духовенства. Соображенія эти были высказаны въ частной бесѣдѣ законоучителя Кіевской 2 гимназіи съ директоромъ той-же гимназіи В. В. Вилуевымъ (нынѣ тайнымъ совѣтникомъ, состоящимъ при Варшавскомъ генералъ-губернаторѣ), приглашеннымъ уже г. Витте на должность началь-

ника Варшавской учебной дирекціи, и симъ послѣднимъ доведены до свѣдѣнія г. Витте почти наканунѣ его отъѣзда изъ Кіева, съ указаніемъ тѣхъ лицъ, которыя съ большею пользою могли бы занять вышеупомянутыя должности. Вполнѣ одобривъ мысль о таковомъ предположеніи, г. Витте пожелалъ только немедленно знать о согласіи предложенныхъ кандидатами на эти мѣста Ѳ. Г. Лебединцева и Е. М. Крыжановскаго и затѣмъ, не имѣвъ даже времени лично познакомиться съ ними, поспѣшилъ представленіемъ о ихъ назначеніи съ увольненіемъ изъ духовнаго вѣдомства. Раскаиваться въ этомъ онъ не имѣлъ впослѣдствіи никакого повода, сохранивъ къ нимъ довѣріе и расположенность до самой кончины своей въ 1880 году. Издаваемыя письма Ѳ. Г. Лебединцева къ брату, кромѣ братскихъ и семейныхъ отношеній, вызывались въ значительной степени и потребностью замѣстить благонадежными въ учебномъ и нравственномъ отношеніи русскими лицами вакансіи въ существовавшихъ и вновь открывавшихся гимназіяхъ, прогимназіяхъ, педагогическихъ курсахъ и народныхъ училищахъ довольно обширной Холмской учебной дирекціи.

Ѳеофанъ Гавриловичъ отправился изъ Кіева въ Царство Польское 17 Января 1865 года, вмѣстѣ съ Ефимомъ Михайловичемъ Крыжановскимъ, направляясь чрезъ Брестъ въ Варшаву для представленія новому своему начальству въ качествѣ начальниковъ учебныхъ дирекцій и полученія отъ него словесныхъ и письменныхъ инструкцій. (П. Г. Лебединцевъ).

Письмо 1.

Итакъ я уже въ Варшавѣ. Пишу противъ обыкновенія коротко; писать пространно и некогда, и совершенно неудобно.

Витте принялъ насъ такъ любезно и внимательно, какъ и ожидать трудно было. О томъ, что мы запоздали прибытіемъ, едва упомянулъ, но совершенно безъ упрека или замѣчанія, и тотчасъ выдалъ намъ подъемныя—мнѣ (1200 р.) и Ефиму Михайловичу (800 рублей). Меня избрали въ Холмъ потому, что

тамъ резиденція уніатскаго епископа, тамъ уніатская семинарія, дьячковская и вмѣстѣ учительская уніатская школа, и тамъ же хотятъ устроить русскую полную гимназію. Холмъ скверный городокъ; говорятъ, даже квартиру трудно найти. Вся надежда на будущее. Я не тужу. Богъ дастъ, устроимся какъ-нибудь.

Вчера были мы въ засѣданіи Коммиссіи Народнаго Просвѣщенія. Намъ прочитали бумаги о нашемъ назначеніи и затѣмъ привѣтствовали насъ цѣлованіемъ всѣ бывшіе тутъ члены, русскіе—отъ души, а поляки—едва-ли искренно. Это называется здѣсь инсталляціей или введеніемъ въ должность. Тутъ же вручили намъ кипу бумагъ по нашимъ новымъ должностямъ. Работы будетъ бездна. Сегодня и завтра дѣлаемъ визиты, по указанію Ѳ. Ѳ. Витте, князю Черкасскому [1]), Кошелеву [2]), Фундуклею [3]), Трепову [4]) и проч. и проч. На завтра приглашены на обѣдъ къ князю Черкасскому; завтра же будемъ представляться Намѣстнику Царства Польскаго Бергу, послѣзавтра будемъ обѣдать у Витте. Бывши вчера въ греко-уніатской коммиссіи, познакомились мы съ Холмскимъ уніатскимъ бискупомъ-номинатомъ [5]). Простой старичекъ и на видъ невзрачный.

24 Января 1865 г., г. Варшава.

Письмо 2.

Слава Богу, надежды наши на будущее проясняются. Рѣшено открыть въ Холмѣ гимназію, и мнѣ поручено заняться этимъ дѣломъ; самое же открытіе состоится въ іюлѣ настоящаго года. И такъ я могу окружить себя и свою семью своими же людьми—образованными и намъ сочувствующими. По открытіи гимназіи, вѣроятно, тамъ появятся и другія учебныя заведенія. Выборъ учителей Витте предоставляетъ мнѣ; вчера сказалъ:

---

[1]) Кн. В. А. Черкасскій—Главный Директоръ Комиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ дѣлъ въ б. Царствѣ Польскомъ.

[2]) Кошелевъ—Глав. Директоръ Комиссіи Финансовъ.

[3]) Фундуклей—Предсѣдатель Кодификаціонной Комиссіи.

[4]) Треповъ—Варшавскій Оберъ-Полиціймейстеръ.

[5]) Ксендзъ Калинскій—избранный, но еще не посвященный въ епископы.

кого вы изберете, тотъ и будетъ утвержденъ. Особенную надежду возлагаетъ онъ на воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній, рекомендуя искать кандидатовъ между своими. Предполагается открытіе русской гимназіи и въ м. Бѣлой, съ преобразованіемъ гимназіи Сѣдлецкой, въ дирекціи Ефима Михайловича. Тамъ, въ Холмѣ, хотимъ мы создать „русскій центръ", говорилъ мнѣ князь Черкасскій, и на мой вопросъ: „скоро ли это предполагается сдѣлать?", отвѣтилъ: „хоть бы и завтра; вамъ предстоитъ большой трудъ, но вы можете оставить по себѣ памятникъ". Витте и Михневичъ обѣщали хлопотать о томъ, чтобы въ Холмской гимназіи были положены высшіе оклады для учителей, чѣмъ въ прочихъ польскихъ гимназіяхъ. Мнѣ, наконецъ, обѣщаютъ дать помѣщеніе въ какомъ-либо изъ закрываемыхъ въ Холмѣ католическихъ монастырей, которые и поручаютъ осмотрѣть немедленно по пріѣздѣ въ Холмъ. Дирекція моя считается въ числѣ пяти старшихъ; мѣстность, говорятъ, тамъ прекрасна, безъ болотъ, воздухъ чистый и здоровый.

Время проводимъ здѣсь нескучно, но суетливо. Въ воскресенье обѣдали у Кошелева, главнаго директора Комиссіи Финансовъ. Въ понедѣльникъ были на обѣдѣ у князя Черкасскаго, куда были приглашены Бѣлозерскій [1]) и Кулишъ [2]), а послѣ обѣда князь предложилъ намъ свою ложу въ оперу. За обѣдомъ мнѣ пришлось сидѣть подлѣ князя и вести съ нимъ бесѣду: удивительно умный человѣкъ. Во вторникъ обѣдали у Витте: хозяева были весьма внимательны и любезны съ нами. Помѣщенія у этихъ господъ такія, что приводятъ въ удивленіе, особенно у Кошелева. Это дворцы въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Графъ Бергъ принялъ насъ наскоро, съ общими фразами, такъ какъ онъ всегда сильно занятъ. Пробудемъ здѣсь еще недѣли двѣ.

27 января 1865, г. г. Варшава

---

1) В. М. Бѣлозерскій, прежній издатель Основы,—былъ Правителемъ Канцеляріи Учредительнаго Комитета.

2) П. А. Кулишъ былъ короткое время чиновникомъ въ Канцеляріи Учредит. Комитета.

Письмо 3.

Послѣ обѣдовъ у князя Черкасскаго, Кошелева и Витте, мы обѣдали еще у I. Г. Михневича [1]), который принималъ насъ такъ радушно, что, прощаясь, я невольно сказалъ, что у нихъ я совершенно забылъ Варшаву, чувствуя себя какъ бы въ Кіевѣ. У Вилуева были нѣсколько разъ: онъ въ душѣ добрый человѣкъ. Бѣлозерскій принималъ меня съ особенной любовію; Кулишъ сперва оттолкнулъ меня своею холодностію, но потомъ самъ зашелъ ко мнѣ и заговорилъ совсѣмъ иначе—такъ, что любо было. Прощаясь, Витте сообщилъ намъ, что князь Черкасскій очень доволенъ нами и очень радъ такому удачному выбору. Бѣлозерскій также говорилъ мнѣ на прощаньи, что и предъ нимъ князь Черкасскій отзывался съ большою похвалою о мнѣ и Ефимѣ Михайловичѣ. Однимъ словомъ, пріемъ былъ вездѣ такой удачный и пріятный, что я могъ бы опасаться упрека въ хвастовствѣ, если бы писалъ къ кому-либо другому.

Побывавъ на балу у Витте, въ театрѣ и въ оперѣ, между бездѣльемъ занялись и дѣломъ. Самымъ важнымъ было совѣщаніе объ устройствѣ гимназіи въ Холмѣ. Положили было жалованья учителямъ только по 1000 руб., несмотря на мои возраженія. На другой день мнѣ удалось исхлопотать еще по 200 р. для 4 учителей. Содержаніе инспектору гимназіи, который будетъ и преподавателемъ одного изъ предметовъ, опредѣляется въ 2750 рублей, при казенной квартирѣ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ. Главному учителю Педагогической Школы положили 1500 руб. при казенной квартирѣ. О кандидатахъ на эти и прочія гимназическія мѣста нужно крѣпко подумать.

Изъ Варшавы выѣхалъ я въ среду утромъ и на другой день въ 6 часовъ утра прибылъ въ Люблинъ, натерпѣвшись днемъ и ночью отъ холода въ пути.

15 Февраля 1865 г., г. Люблинъ.

---

[1]) Ос. Гр. Михневичъ б. помощникъ попечителя Кіевск., а потомъ Варшавскаго учеб. округа.

Письмо 4.

Люблинъ очень милый городокъ, но небольшой. Для губернскаго города еще многаго недостаетъ, и я не очень жалѣю, что не пришлось жить въ немъ. Окрестности Люблина очень красивыя и довольно уже напоминаютъ Украину послѣ равнинъ и болотъ Польши. Холмъ, въ который я прибылъ сегодня въ 11-ть часовъ, по мѣстоположенію удивительно красивъ. Просто душа возрадовалась, когда увидалъ. Окрестности несравненныя; но и только. Населеніе незначительное, постройки бѣдныя; вдобавокъ онъ два раза погорѣлъ. Типъ его польскій, и въ этомъ его достоинство. Здѣсь есть, напр., двѣ цукерни, есть нѣсколько колодцевъ, гдѣ вода накачивается насосами легко и скоро, есть портные, сапожники, башмачники, столяры—все съ вывѣсками, лавки съ бакалейными и красными товарами. Квартира, которую я занялъ на первыя сутки, гораздо лучше, чѣмъ въ какой мы душились въ Варшавѣ. Два покоя и предпокой стоятъ 5-ть злотыхъ. Готовили постное, безъ рыбы, очень пріятно и прилично. Что будетъ далѣе,—не знаю, а отъ перваго впечатлѣнія я еще не тужу, что попалъ въ такое мѣсто, которое во многихъ отношеніяхъ большое захолустье. Жиды, услыхавъ прежде меня объ устройствѣ гимназіи, заявили намѣреніе строить дома; безъ гимназіи жъ и тѣ, говорятъ, дома оставались пустыми, какіе есть.

Сегодня я успѣлъ побывать только у военнаго начальника и бургомистра (т. е. городничаго) и оставить первому свой паспортъ, а второму предписаніе губернатора объ оказаніи możliwéj pomocy iak w wyszukaniu, tak też w wrządzéniu lokalu [1]). Обоихъ не засталъ дома. Чрезъ полчаса явился бургомистръ во всей формѣ и разыгралъ роль чуть не городничаго въ Ревизорѣ. Мнѣ особенно страннымъ казался титулъ превосходительства, которымъ онъ поминутно подчивалъ меня, принимая въ то же время соотвѣтственную позу. На счетъ ліокаля онъ предложилъ два изъ закрытыхъ монастырей, какой угоденъ будетъ моему превосходи-

---

[1]) Возможнаго содѣйствія мнѣ, какъ въ отысканіи, такъ и во внутреннемъ устройствѣ квартиры.

тельству, обѣщалъ и мебель дать. Предъ вечеромъ приходилъ и военный начальникъ, съ извѣстіемъ между прочимъ о томъ, что квартира отыскана въ піарскомъ монастырѣ и будетъ состоять изъ трехъ комнатъ. Завтра посмотрю, что это за квартира. Послѣ обѣда явился ксендзъ Зѣневичъ, [1]) профессоръ здѣшней семинаріи, а въ слѣдъ за ними еще три профессора, и между ними извѣстный Войцицкій. Любезные люди; но я берегусь ихъ, еле можно. Почему то они очень совѣтовали, чтобы я занялъ квартиру въ базиліанскомъ, также закрытомъ, монастырѣ, гдѣ живутъ нѣкоторые изъ нихъ, и гдѣ квартира можетъ быть изъ четырехъ большихъ комнатъ. Неловко и опасно, можетъ быть, съ ними; но и у піаровъ сосѣди—одинъ ксендзъ и великое множество солдатъ. Очень жалѣю, что не засталъ Кокошкина: [2]) онъ уѣхалъ на три дня въ Красноставъ чрезъ полчаса по моемъ пріѣздѣ, а ждалъ меня долго и съ нетерпѣніемъ. Мнѣ тѣмъ болѣе пріятно его сосѣдство, что онъ племянникъ или двоюродный братъ княгини Черкасской и посвященъ во всѣ тайны правительственныхъ плановъ относительно уніатскаго населенія.

Теперь самый главный интересъ—нужно строить канцелярію. Рѣшаюсь взять Иляшевича, сына Катерины Павловны, какъ обѣщалъ, и Крыжановскаго, [3]) котораго рекомендуете вы и Андрей Г.,—перваго письмоводителемъ, втораго дѣлопроизводителемъ. Письмоводителя я опредѣляю самъ, о второмъ долженъ представить на утвержденіе Коммисіи. Итакъ, скажите Иляшевичу, чтобы онъ, взявъ билетъ изъ консисторіи на жительство въ Польшѣ, немедленно, по полученіи сего письма моего, ѣхалъ въ Холмъ. Жалованья ему 300 р. с. Такъ какъ дол-

---

[1]) Протоіерей, а въ послѣдствіи архипресвитеръ уніатскій и администраторъ Холмско-уніатской епархіи. Онъ обучался въ Кіев. дух. Академіи вмѣстѣ съ двумя товарищами—Холмскими уніатами: Бѣгановскимъ и Лебединскимъ. Зѣневичъ впослѣдствіи былъ отставленъ отъ должности и посланъ въ сельскій приходъ священникомъ, Лебединскій—былъ приходскимъ свяш іенникомъ въ селѣ, Бѣгановскій былъ въ свѣтскомъ званіи при Холм. семинаріи и впослѣдствіи бѣжалъ за границу, во Львовъ.

[2]) Мѣстный комиссаръ по крестьянск. дѣламъ, тоже что мировой посредникъ

[3]) Иляшевичъ, неокончившій курса духовн. семинаріи, Крыжановскій съ аттестатомъ объ окончаніи курса той-же дух. семинаріи.

жность его не классная, то, кажется, можно пока и не уволь-няться изъ духовнаго званія. Если понадобится увольненіе, подастъ прошеніе отсюда. Нужно непремѣнно метрическое свидѣтельство и увольнительное изъ семинаріи. Прогоновъ не могу теперь дать ему, ибо на этотъ предметъ нѣтъ теперь ассигновки; но могу потомъ просить Коммисію, или и самъ онъ доѣдетъ въ надеждѣ на значительное по его положенію жалованье. На наемъ квартиры для канцеляріи отпускается 200 р. с. Кажется, что можно будетъ и помѣстить его въ канцеляріи. Если бы до его пріѣзда я уѣхалъ по дирекціи, то на счетъ его оставлю диспозицію. Пусть только явится къ военному начальнику съ билетомъ. Гдѣ буду находиться я, здѣсь будутъ знать. Жалованье съ того дня, какъ будетъ опредѣленъ мною. Что до Крыжановскаго, то пусть пришлетъ прошеніе на мое имя объ опредѣленіи на должность *дѣлопроизводителя Холмской учебной дирекціи*, приложивъ метрическое свидѣтельство, аттестатъ и увольнительное изъ духовнаго званія свидѣтельство. Если бы послѣднее могло быть выдано не скоро, то пусть пропишетъ только, что онъ подалъ объ этомъ прошеніе, и вышлетъ немедленно по полученіи. Когда подастъ прошеніе, то опредѣленіе несомнѣнно; слѣд. и увольненія изъ духовнаго званія опасаться нечего. Жалованья ему 750 р., должность классная, кажется, въ IX классѣ. Если будетъ хорошъ, предоставлю ему должность учителя церковнаго пѣнія въ гимназіи или въ педагогической школѣ съ жалованьемъ въ 300 р. с. О прогонахъ представлю Коммисіи вмѣстѣ съ представленіемъ объ опредѣленіи на должность. Сколько дадутъ, тогда узнаемъ: вѣроятно не менѣе 200 р. Можетъ-ли онъ писать по польски? Счетныя или экономическія дѣла здѣсь на польскомъ языкѣ ведутся. Прошеніе должно быть на гербовой бумагѣ; но здѣсь особый гербовый сборъ, а потому право не знаю, у мѣста ли тутъ будетъ гербовая русская бумага. Знаю, что кто пишетъ на простой, съ того потомъ взыскиваютъ слѣдуемую пошлину. Пусть наконецъ поспѣшитъ присылкою прошенія. Коммисія требуетъ скоро, да и мнѣ необходимо. Иляшевича буду ждать съ нетерпѣніемъ: письма очень много, самъ не успѣю, да и не прилично все самому писать.

Жаль мнѣ Поставскаго; но, признаться, я, думая, объ немъ, опасался, чтобы консисторскія привычки не сказались здѣсь, да притомъ и польскій языкъ непремѣнно нужно знать.

Что съ моими актами дѣлаютъ? [1]) Попросите М. В. Юзефовича, чтобы выслали по экземпляру Кулишу, Бѣловерскому и Кокошкину. Кулишъ—членъ Коммисіи, Бѣлозерскій присылалъ Юзефовичу Основу, а Кокошкинъ... знакомый Юзефовича, и занимается разработкою уніатскаго вопроса.

Объ уніатахъ буду писать; но пока и самъ объ нихъ ничего не знаю. На завтра пригласилъ изъ Красностава архитектора для осмотра монастырей и снятія плановъ, а потомъ донесу Коммисіи, гдѣ и какъ можно будетъ помѣстить гимназію, и чего будетъ это стоить. Помышляю о женской гимназіи; но пока буду молчать и ждать. Надо сейчасъ писать увѣдомленія о вступленіи въ должность. Бискупъ все еще въ Варшавѣ; Черкасскій выжимаетъ изъ него послѣдніе соки. Онъ дѣйствительно лукавый, и если я писалъ, что онъ простой старичекъ, то понималъ это въ смыслѣ его необразованности. Шиманскій [2]) руководитъ имъ; уніаты клянутъ, разумѣется тѣ, которые далеки отъ латинства.

Путешествіе по дирекціи хочу устроить такъ, чтобы отъ времени до времени возвращаться въ Холмъ. Какъ скоро поѣду, еще не могу опредѣлить. $^{15}/_{27}$ Февр. 1855 г.

О Дахновичѣ [3]) послано чрезъ три дня оберъ-прокурору и митрополиту кіевскому.

---

[1]) Разумѣется часть 1-я томъ III Архива Юго-Западной Россіи, въ которомъ напечатаны акты, относящіеся къ состоянію Украинскихъ православныхъ церквей въ половинѣ 18 вѣка, съ предисловіемъ Θеоф. Гавр-ча, о чемъ сказано выше.

[2]) Шиманскій—католическій епископъ въ Подлясьѣ (Восточная часть Сѣдлецкой губ.), населенномъ по преимуществу уніатами. Смотр. стр. 14-я.

[3]) Магистръ Богословія, воспитанникъ кіев. дух. академіи. Дахновичъ—бывшій преподаватель Кіев. дух. семинаріи; былъ вызванъ кн. Черкасскимъ на должность преподавателя словесности и церковно-славянскаго языка въ Холмской уніатской семинаріи; впослѣдствіи перешелъ на службу въ Варшавскій учеб. округъ, былъ учителемъ въ гимназіяхъ Холмской, Варшавской 1-ой, Люблинской и директоромъ гимназіи Ченстоховской.

Намѣстникъ утвердилъ на другой день. Надѣюсь къ Пасхѣ видѣть Дахновича уже въ Холмѣ.

Письмо 5.

..Теперь что нибудь о своемъ житьѣ. Живу все еще въ цукернѣ. Ѣмъ постное, но безъ рыбы, такъ какъ этихъ вещей здѣсь нѣтъ. Квартиру окончательно избралъ въ базиліанскомъ монастырѣ, визави съ Калинскимъ. Четыре большія, хотя и грязныя комнаты. Двѣ занималъ военный докторъ, другія двѣ ксензъ-базиліанъ: обоимъ даютъ другое помѣщеніе. У піаровъ такъ грязно и столько солдатъ, что жить невозможно. Я не настаивалъ на отводѣ квартиры,—все дѣлается по бумагѣ, которую я привезъ отъ губернатора и которой очень испугались. Кое-какую мебель далутъ отъ города; переберусь послѣ завтра. Тамъ и канцелярію устрою, потому что нанять положительно невозможно. Дахновича, кажется, можно будетъ посадить у базиліанъ. Позавчера осматривалъ зданія піаровъ и реформатовъ; у послѣднихъ отличный садъ, и тамъ я хочу устроить педагогическую школу и самъ въ послѣдствіи помѣститься. У піаровъ предполагаю устроить гимназію. Зданіе піаровъ въ 2 этажа устроено буквою Н, одинъ конецъ длиннѣе и соединенъ съ костеломъ. По совѣту Кокошкина, хочу хлопотать, чтобы на другой сторонѣ піарской усадьбы выстроили такой-же корпусъ для женской русской гимназіи, о которой русины гвалтъ кричатъ. Кокошкинъ обѣщаетъ отъ себя хлопотать у Черкасскаго. Если это состоится—піарскій костелъ обратятъ въ уніатскую церковь для обѣихъ гимназій, вся постройка будетъ имѣть великолѣпный видъ. Нужно однакожъ тысячъ 70 на постройку корпуса и передѣлку и отдѣлку реформатовъ и піаровъ. Кокошкинъ увѣряетъ, что для русскихъ не поскупятся. Завтра обо всемъ этомъ пишу формально и частно Витте и, вмѣстѣ съ Кокошкинымъ, Черкасскому. Иду съ визитами къ уніатамъ послѣ обѣдни. Въ Холмѣ пробуду, кажется, еще недѣли двѣ. Много дѣлъ.

20 февр.—4 марта 1865 г.

Письмо 6.

Благодарствую за письмо отъ 24 февр., полученное мною вчера; благодарю въ особенности за хлопоты о письмоводителѣ и дѣлопроизводителѣ для меня. Иляшевича жду со дня на день. Безъ него, какъ безъ рукъ. Письмá пропасть. Пригласилъ двухъ здѣшнихъ православныхъ причетниковъ, изъ которыхъ одинъ окончилъ курсъ семинаріи. Работаемъ втроемъ съ 9-ти до 2-хъ и 3-хъ часовъ, вечерами также что нибудь дѣлается, и при всемъ томъ едва половину бумагъ очистилъ; а тутъ каждый день подходятъ все новыя бумаги. Выданныя Иляшевичу деньги я, конечно, возвращу. Если я ему не выслалъ прогоновъ, то потому что таковыхъ и не полагается; надо будетъ особо представлять, да и то едва-ли дадутъ. Постараюсь что-нибудь придумать для покрытія этого расхода. Что касается дѣлопроизводителя, то пока прошу не безпокоиться пріискиваніемъ. Поставскаго мнѣ очень хотѣлось имѣть; но теперь по всему вижу, что ему самому не сходно было бы перейти на это мѣсто. Служба на пенсію 35 лѣтъ, такъ какъ эта должность не учебно-педагогическая, вычетъ въ эмеритуру 10 процентовъ по той-же причинѣ, чистаго жалованья только 675 р. и затѣмъ доходовъ никакихъ. Итакъ пусть лучше остается въ Россіи, тѣмъ болѣе, что, какъ пишете, ему представляется другая какая-то служба. Въ прошломъ письмѣ я писалъ, какой мнѣ нуженъ дѣлопроизводитель. Кандидатовъ или просителей было нѣсколько; но все не по моему вкусу. Наконецъ, дня четыре назадъ сему со мною случилось чуть-чуть не видѣніе, конечно, отъ напряженныхъ думъ. Заснувъ въ 2 часа ночи, я проснулся въ 5-ть, почувствовалъ, что во снѣ меня давила какая-то неизвѣстная мысль, а когда очнулся, то первая мысль была о Бочковскомъ, вмѣстѣ съ Правиковымъ уволенномъ изъ академіи за вольнодумство, такое впрочемъ, за которое теперь можно бы пожалуй и всѣхъ студентовъ уволить. Бочковскій былъ, по общему признанію, одинъ изъ болѣе даровитыхъ студентовъ; но, будучи въ высшей степени честнымъ и благороднымъ человѣкомъ, онъ не пустился, подобно Правикову, на *промыслъ* и остался доселѣ въ низкой долѣ—

учителемъ русскаго языка въ Радомысльскомъ училищѣ. Объ немъ я всегда жалѣлъ, теперь особенно стало мнѣ жаль его, и я тотчасъ всталъ съ постели и написалъ къ нему приглашеніе въ дѣлопроизводители. Жду теперь отвѣта отъ него и очень желалъ бы, что бы онъ согласился. Что онъ товарищъ мой, этого я не боюсь,—онъ человѣкъ мягкій, деликатный, работящій и исправный. Со временемъ я думалъ бы провести его, если возможно, въ гимназію, или семинарію. Отлично читалъ бы лекціи. Польскій языкъ ему почти родной, какъ подолянину, русскимъ онъ владѣлъ отлично еще въ академіи. Горькая доля не убила его: я видѣлъ его три года назадъ тому,—тотъ же свѣтлый взглядъ, понятія свѣжія, и читалъ, видно, много. Далъ бы Богъ, чтобъ я ему былъ полезенъ, а онъ мнѣ.

Что сказать Вамъ о Холмѣ и моей жизни въ немъ? Пока, пустѣйшій городишко, и если бы не дѣла пропасть, можно бы умереть съ тоски. Уніаты, тѣ самые, которые хлопочутъ о возстановленіи своей народности и не испугались бы православія, мелкій и слабый оченъ народъ. Черкасскій это понимаетъ и хочетъ усилить здѣшнихъ уніатовъ вызовомъ изъ Россіи и преимущественно изъ Галиціи, а въ Галиціи на такія приглашенія спрашиваютъ обыкновенно: а когда православіе принимать—сейчасъ, или немного погодя? Галичане далеки отъ православія, и отъ народности великорусской еще далѣе. Тамъ образовалась недавно партія красныхъ: ругаютъ на чемъ свѣтъ стоитъ московщину въ прозѣ и въ стихахъ. Такъ называемая хохломанія—тамъ великая сила и развивается съ неудержимою быстротою. Наука тамъ принимаетъ популярное направленіе. Одного изъ галичанъ, именно протоіерея Криницкаго, человѣка умнаго, дѣльнаго и образованнаго, вызываютъ въ Холмъ ректоромъ семинаріи. Нынѣшній ректоръ старикъ, отжившій свой вѣкъ, но въ тоже время ярый латинистъ. Былъ я въ здѣшней каѳедральной церкви. Шла обѣдня-шептана; тѣмъ временемъ два мужика и три бабы, сидя на скамейкахъ, пѣли *рожанецъ* [1]). Смѣхъ и горе!

[1]) У уніатовъ, какъ и у католиковъ, кромѣ обыкновенной обѣдни съ пѣніемъ, совершалась въ церквахъ обѣдня тихая, которая вся была читана тихо, почему въ просторѣчіи ее называли шептанкой. Обыкновенно она совершалась предъ обѣдней пѣтой и въ это время молящіеся, сидя на скамьяхъ, пѣли нарочно составленныя пѣсни на польскомъ языкѣ, называемыя годзинками и рожанцами.

Долго ходилъ я по церкви, разсматривалъ иконы, алтарь, восемь боковыхъ престоловъ, устроенныхъ совершенно по католически; былъ потомъ на поздней спѣваной обѣднѣ, вглядывался, вдумывался въ богослуженіе, служащихъ, предстоящихъ, и чуть не расплакался въ самой церкви, а потомъ такъ тяжело было весь день, что я не зналъ, куда дѣваться. Что за странная смѣсь! Искаженіе, безобразіе такъ и видишь въ каждой мелочи. И чего стоила эта микстура? Крови, потоковъ крови и мукъ тяжкихъ. Православіе—точь въ точь, какъ въ погребальной пѣснѣ поется: и вижу во гробѣхъ лежащую, по образу Божію созданную нашу красоту, безобразну и безславну, не имущую вида; а надъ нею, какъ погребальный покровъ, унія, а въ сторонѣ католичество, какъ страшный призракъ смерти всепожирающей. Грустно... Былъ у бискупа. Великій плутъ; но такъ простъ и не далекъ, что не вѣришь глазамъ своимъ, что видишь предъ собою архіерея. Въ немъ особенно видишь жалкое положеніе уніи. Онъ получаетъ жалованья 6000 р., но доходовъ никакихъ, а дѣтей 12-ть, а было всѣхъ 20-ть. Ja iuż podziękuie, a pan dyrektor niech będzie iuź na moiem mieyscu... [1]) говорилъ онъ мнѣ. Ale kłamie... Былъ въ школахъ холмскихъ—польской и уніатской. Въ первой 72 уч., во второй 6-ть; тамъ ксендзъ каждый день ходитъ на урокъ, а здѣсь никто не бываетъ. Такъ вѣдь и у насъ: Русь вездѣ та же Русь, православная-ли она или уніатская. Хочу употребить всѣ усилія для поднятія русской [2]) школы и начинаю съ того, что перевожу ее съ отдаленнаго болота въ средину города.

4—16 Марта 1865 г.

---

[1]) Я скоро уже поблагодарю (за службу,) а господинъ директоръ пусть остается вмѣсто меня... говорилъ онъ мнѣ, но говорилъ лживо.

[2]) Названія: русины, русинскій совершенно тождественны по значенію съ названіями: уніаты, уніатскій. Названіе русины изобрѣтено въ Галиціи поляками въ пятидесятыхъ годахъ, когда въ русскомъ населеніи этой страны стало развиваться сознаніе своей національности и представители интеллигенціи русской стали рѣшительно заявлять въ печати, въ мѣстныхъ и центральныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ, что они не поляки, но составляютъ особую національность, отлич-

Письмо 7.

Благодарю васъ за ваши хлопоты по пріисканію мнѣ хорошаго дѣлопроизводителя. Хотя я и писалъ вамъ, что послалъ приглашеніе къ Бочковскому; но какъ и доселѣ отъ него нѣтъ отвѣта, то можетъ быть, что и Сочинскій мнѣ пригодится. Какъ ни хотѣлось бы мнѣ Бочковскаго, но я опасаюсь, что онъ не согласится, не потому, чтобы мѣсто было невыгодное, а потому, что онъ, говорятъ, сталъ упорно довольствоваться малымъ и очень щекотливъ. Подожду еще немножко, но не далѣе Пасхи, а, пріѣхавши въ Кіевъ, могу лично пригласить Сочинскаго, если Бочковскій откажется. Иляшевичемъ я очень доволенъ, но безъ дѣлопроизводителя слишкомъ тяжело: самъ перечитай всякую бумагу до мелочей, самъ обдумай, какъ и что съ нею сдѣлать, самъ пиши черновыя и переписанное внимательно читай. Самому также смотрѣть надо за входящею и исходящею, а польскія бумаги самому и записывать. А всякую мелочь помнить надо, что исполнено, что неисполнено, что нужно предпринять, и проч. и проч., и ни съ кѣмъ посовѣтоваться нельзя.

Пріѣхать на Пасху въ Кіевъ я не оставилъ намѣренія и сегодня даже послалъ докладную записку объ отпускѣ. Отказать—не откажутъ, но боюсь, что отпускъ запоздаетъ, и что мнѣ придется, пожалуй, первые дни въ дорогѣ пробыть и во-

---

ную отъ польской. Въ видѣ уступки поляки придумали для русскихъ галичанъ названіе русины (Rutheni), признавъ, что сіи русины не поляки, но и не русскіе, какіе обитаютъ въ предѣлахъ Русскаго государства, въ сосѣдней Волыни и Подоліи. Это названіе пришлось по вкусу тогда и галичанамъ русскимъ. Такъ какъ населеніе Холмской земли (губернія Люблинская и Сѣдлецкая) въ этнографическомъ отношеніи то же, что и населеніе Галиціи, Волыни, Подоліи—малорусское, но въ религіозномъ отношеніи, а также по языку и обычаямъ болѣе близко къ населенію Галиціи, то и холмскихъ уніатовъ, даже въ русской печати, называли русинами, ихъ церковную обрядность, языкъ—русинскими. Эти названія просуществовали не долго: уже въ началѣ 70-хъ годовъ рѣдко можно было услышать эти названія и то въ приложеніи къ уніатамъ Галицкимъ, а не Холмскимъ. Къ тому времени какъ Холмскіе уніаты рѣшились присоединиться къ православной церкви (1876 г.), и Галицкіе ихъ братья сознали нелѣпость навязаннаго имъ поляками названія—русины и стали безбоязненно называть себя и въ обыденной рѣчи, и въ печати настоящимъ именемъ—русскіе.

зиться съ пьяными ямщиками. Подумайте, отъ Варшавы до Холма бумага идетъ иногда 5-ть и 6-ть дней, —всего 216 верстъ, притомъ по шоссе. А пріѣхать въ Кіевъ мнѣ необходимо по многимъ причинамъ: надо съ вами и другими посовѣтоваться на счетъ учебниковъ, надо книги и деньги за акты получить у Юзефовича, если онъ не отдалъ вамъ доселѣ, надо вербовкой заняться и о томъ посовѣтоваться, за отправкою мебели наблюсти и, наконецъ, въ семьѣ и на родинѣ душу отвести въ праздничное время и отдохнуть немножко послѣ тяжелой работы. Семейства взять теперь не могу по разнымъ причинамъ, а главное потому, что нѣтъ удобнаго и приличнаго помѣщенія. Хлопочу всѣми силами о казенномъ помѣщеніи, прошу за деньги дать, а въ частныхъ домахъ, если бы и вышли военные, нигдѣ нельзя помѣститься, бо, по секрету сказать, въ цѣломъ Холмѣ нѣтъ дома болѣе, какъ изъ 4-хъ комнатъ, а переднихъ вовсе не полагается, и выходитъ человѣчество прямо или въ сѣни или на улицу. Важный городъ!

Новаго у насъ, конечно, ничего, если не считать распоряженія Черкасскаго о введеніи проповѣди на русинскомъ языкѣ. Изъ Варшавы не даютъ никакихъ вѣстей о гимназіи: писалъ, не отвѣчаютъ. Сегодня снова пишу, чтобы добиться какого-либо извѣстія.

(Даты нѣтъ, получено 27 Марта 1865 г.)

„Наума“ Михаила Ал. [1]) хочу купить нѣсколько сотъ.

Письмо 8.

Собрался писать къ вамъ, когда и выѣзжать надо, и тормошатъ со всѣхъ сторонъ. Напишу, сколько успѣю, ибо сегодня непремѣнно нужно послать письмо. И такъ уже совѣстно предъ вами, а отложу, снова не скоро соберусь.

Начну съ гимназіи и педагогической школы. По всему видно, что Витте и Черкасскій распинаются, чтобы устроить

---

[1]) Разумѣется „Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ“—соч. М. А. Максимовича.

это дѣло къ августу, но какъ тутъ успѣть, когда только что смѣта составляется. Вчера получилъ отъ Витте запросъ, могу ли прибыть къ 20-му мая безъ помѣхи составленію смѣты. Сегодня отвѣчаю, что смѣта готова будетъ къ 20-му, самъ могу пріѣхать къ 24 или 25, такъ какъ смѣту нужно завезти въ Люблинъ на разсмотрѣніе Губ. Правленія. Вызываютъ пока меня, Ефима М. и Теодоровича [1])—для разсужденій объ устройствѣ греко-уніатскихъ школъ. Дѣло это считаютъ очень важнымъ и спѣшнымъ, а у меня еще не готовы всѣ свѣдѣнія объ уніатскихъ школахъ. Надо ѣздить и собирать. Выѣзжаю сегодня или завтра,—какъ успѣю.

Безъ дѣлопроизводителя бѣда. Отъ Мурковскаго и доселѣ отвѣта нѣтъ, а потому я послалъ къ житомірскому учителю Гродецкому предложеніе. Что дѣлать? Удобство то, что онъ уволился уже изъ духовнаго званія,—все таки скорѣе можно перетащить.

Гріельскій [2]), какъ вы знаете, почти отказался и даже принялъ мое предложеніе какъ-то равнодушно и холодно. Ругаетъ Губера [3]) и опасается, какъ его, такъ и Витте. Послѣднее его слово было—сказать объ немъ Витте; тогда онъ подумаетъ. А жаль,—онъ хорошій человѣкъ.

Грушевскому, Пономареву [4]) и прочимъ ничего не могу сказать опредѣленнаго о томъ, съ какого времени начнется гимназія. Въ Варшавѣ узнаю приблизительно и тогда напишу. Кандидаты на учительскія мѣста являются со всѣхъ сторонъ. Мушинскій и Моссаковскій изъ минской семинаріи прислали письма и послали прошенія Витте. Даніилъ Г. рекомендуетъ какого-то Ѳедоровскаго, художника, въ учители русск. языка,—изъ харьковскихъ семинаристовъ. Полякъ—докторъ [4]), о кото-

---

[1]) А. Г. Теодоровичъ въ это время былъ начальникомъ Люблинской Учеб. Дирекціи; по упраздненіи этой Дирекціи посредствомъ присоединенія части ея къ Холмской, а другой части—къ Сѣдлецкой, Теодоровичъ былъ начальникомъ Калишской Дирекція, а затѣмъ Директоромъ русскихъ гимназій въ Варшавѣ—мужской и женской. Вышелъ въ отставку въ 1871 г.

[2]) Бывшій учитель Бѣлоцерковской гимназіи.

[3]) Бывшій правитель канцеляріи кіев. учеб. округа—при Витте.

[4]) Преподаватели кіев. дух. семинаріи.

[5]) Докторъ Ентысъ, полякъ, былъ назначенъ на должность врача въ Холмскую гимназію.

ромъ я разсказывалъ, добивается усиленно: былъ въ Варшавѣ и просилъ ходатайства люблинскаго губернатора. Даже подрядчикъ приходилъ сегодня—подрядъ снять, а кузнецъ кузницу нанять. Но со всѣмъ надо ждать.

Въ Кіевѣ я забылъ книгу, „Народовѣщаніе“ [1]). Вышлите вмѣстѣ съ Еп. Вѣдомостями, которыхъ доселѣ не получено съ 3-го №. Она мнѣ очень нужна къ отъѣзду въ Варшаву. Если получится послѣ, скажу Иляшевичу все-таки выслать отсюда. Кстати: тутъ и типографію собирается открыть какой-то Гольдшмитъ. Былъ уже у меня и просилъ ходатайства о дозволеніи.

Деньги на вспоможеніе школамъ за два квартала я уже получилъ; но книгъ для школъ не закупаю. Поѣду въ Варшаву и тамъ испрошу разрѣшеніе. Букварн Золотова, Главинскаго и Лермантова пересмотрѣлъ;—не годятся въ настоящемъ видѣ, галиційскіе лучше, и не только буквари, сколько катихизисъ и св. исторія. Повезу ихъ въ Варшаву и попрошу разрѣшенія. До того времени прошу выслать мнѣ 1,000 экземпляровъ Наума, о чемъ я уже говорилъ, и 200 букварей М. А. Максимовича. За сотню букварей я уже заплатилъ ему, а на другую сотню и тысячу Наума пришлите счетъ на бланкѣ редакціи, а я вышлю сейчасъ деньги. Счетъ нуженъ для отчета. Букварь лаврскій забылъ въ Кіевѣ, кажется у васъ, а по памяти не знаю, каковъ онъ. Часословцы и псалтири необходимо будетъ изъ Кіева покупать, ибо въ Почаевѣ типографіи нѣтъ теперь, а прежній запасъ истощился.

Изъ Галиціи не даютъ ни епископа, ни ректора для семинаріи Холмской. Все интриги Калинскаго [2]) и Шиманскаго [3]). Писали ажъ до Риму, а папа въ Вѣну. Даже ставленниковъ не принимаютъ. Цѣль та, чтобы вынудить посвященіе Калинскаго. Но—дудки! $^{7}/_{15}$ Мая 1865 г.

---

[1]) Уніатскій пространный Катихизисъ съ примѣрами изъ житій св. отецъ, изданный въ 17 вѣкѣ.

Изданъ вновь въ Холмѣ послѣ 1870 г. и распространенъ въ приходахъ Холмской епархіи.

[2]) Епископъ-номинатъ.

[3]) Епископъ Подлянскій римско-католической епархія, вновь открытой въ Сѣдлецкой губерніи предъ возстаніемъ 1863 года съ цѣлью окатоличенія уніатовъ

Письмо 9.

Двѣ недѣли просидѣлъ я въ Варшавѣ на этотъ разъ. Надоѣли, какъ и въ первый разъ,—пуще всего обѣды въ 5-ть часовъ и засѣданія. Вамъ интересно будетъ знать, какъ рѣшили дѣло объ устройствѣ греко-уніатскихъ школъ, равно,—что съ гимназіями Холмскими. Много было толковъ и споровъ по первому дѣлу: Черкасскій возставалъ противъ вызыва учителей для элементарныхъ школъ изъ имперіи и сильно настаивалъ на томъ, что учителями должны быть дьяки [1]), а смотрителями-священники уніатскіе; мы были противъ этого, хотя и не совершенно. Наконецъ, послѣ пяти засѣданій, на послѣднемъ изъ которыхъ присутствовалъ самъ Черкасскій, кое-какъ сошлись, и мнѣ поручено было составить записку о результатахъ совѣщаній. Сущность этой записки въ томъ, что учителями могутъ быть и дьяки, и вызванные изъ имперіи, и даже галичане, а къ завѣдыванію школами можно приглашать благонадежнѣйшихъ изъ священниковъ, по сношенію съ греко-уніатскимъ управленіемъ. Я старался согласить противорѣчія и въ то же время оградить себя на всякій случай. Другая записка была объ учебникахъ галиційскихъ, которые Черкасскій порѣшилъ принять безусловно, хотя мы вовсе не настаивали на этомъ. Обѣ записки пущены уже въ ходъ, и скоро Учредительный Комитетъ постановитъ по нимъ свое рѣшеніе. Большія пособія обѣщаютъ уніатскимъ школамъ: отпускъ матеріала на постройку и топливо—безвозмездно, а денегъ—безвозвратно. На каждую изъ двухъ дирекцій хотятъ отпускать по 10-ти тысячъ, т. е. для пособія уніатскимъ школамъ. Но вмѣстѣ съ этимъ насѣдаютъ, чтобы какъ можно скорѣе, какъ можно больше школъ открыть и какъ можно лучше ихъ устроить. На это было три особыхъ Высочайшихъ повелѣнія.

---

[1]) Въ Холмѣ при уніатской семинаріи была школа дьяковъ, церковныхъ чтецовъ и пѣвцовъ. Это было почти элементарное училище, въ которомъ главными предметами обученія было чтеніе церковныхъ книгъ и церковное пѣніе. Воспитанники этого училища, поступая въ дьяки при церквахъ, были весьма мало пригодны для учительскихъ должностей.

Что до гимназіи и педагогической школы, то ихъ хотятъ открыть непремѣнно въ августѣ; но успѣютъ ли, Богъ знаетъ. Разомъ же и женскую гимназію хотятъ открыть. Досталось мнѣ изъ-за этихъ гимназій отъ Черкасскаго. Дѣло вотъ въ чемъ. Я привезъ смѣту на передѣлку піарскаго зданія. Смѣта эта была составлена въ объѣздъ мой по дирекціи, котораго Витте требовалъ настоятельно. Когда я воротился въ Холмъ 20 мая, ни одна строчка изъ смѣты не была переписана, а 21-го нужно было выѣзжать. Взялъ 12-ть семинаристовъ, и едва успѣли переписать въ одинъ день 40 листовъ. До того ли тутъ было, чтобы поправлять и сокращать. Между тѣмъ архитекторъ разогналъ смѣту на 46 тысячъ. За это-то и напалъ на меня Черкасскій, доказывая, что смѣта не должна превышать 10-ти тысячъ. Никакія оправданія и объясненія не помогали. Спасибо, Витте вступился, Бѣлозерскій и другіе. Послали отсюда архитектора на мѣсто сокращать смѣту. Дай Богъ однако жъ, чтобы къ половинѣ іюля приступили къ работамъ.

А между тѣмъ набираютъ штатъ учителей; отъ насъ потребовали кандидатовъ. На инспекторство я предложилъ Гріельскаго; но и Витте возсталъ противъ него, а Михневичъ и руками замахалъ: и старый, говорятъ, и вялый, и мало знающъ, и капризный,—словомъ: рѣшительно забраковали. Тогда остался мнѣ выборъ между двумя: Пономаревымъ и Г. Я сдѣлалъ большой рискъ, за который вы долго будете журить меня, и въ которомъ, можетъ быть, самъ когда нибудь раскаюсь, именно: выбралъ Г.

Пономарева я предложилъ въ инспекторы педагогической школы, Грушевскаго учителемъ русской словесности, Леушинскаго изъ Минска—на русскій языкъ, Амулина, академическаго регента, переуступилъ Ефиму Михайловичу на нѣмецкій языкъ, Аристова—на греческій языкъ и Черкунова, шурина Денковскаго, оканчивающаго курсъ въ кіев. университетѣ—на естественную исторію. Бочковскаго забраковали, и я не настаивалъ; на исторію попросился изъ Галиціи нѣкто Лопатинскій. Такъ какъ за тѣмъ у меня не доставало еще двухъ на математику и одного на чистописаніе, да Ефиму М. нужно было также

человѣка, то Витте и Черкасскій, какъ для этого, такъ и для другихъ дѣлъ, рѣшили командировать меня въ Львовъ, куда и долженъ я отправиться недѣли черезъ двѣ. Командировка сколько пріятная, столько же и опасная, ибо на мнѣ будетъ лежать отвѣтственность за выбранныхъ, а тамъ есть такіе мазурики, что чортъ ихъ разберетъ. Боюсь не только ляховъ, но и крайнихъ хохловъ; да и трудно будетъ говорить съ старою и молодою партіями,—того и гляди, пропечатаютъ.

Вчера пріѣхалъ Бергъ. Ждутъ многихъ новостей и великихъ реформъ. О предположеніяхъ, какія существуютъ на этотъ счетъ, трудно сказать что-нибудь вѣрное. Ждутъ *wielenia* [1]) и раздѣленія на 10-ть губерній; тогда и Холмъ попадетъ въ число губернскихъ городовъ. Но въ числѣ предсказаній есть одно непріятное и тревожное для насъ, именно замѣна Витте Гильфердингомъ. Объ этомъ какъ въ барабанъ бьютъ, и самъ Витте не скрываетъ своихъ опасеній, да и Гильфердингъ не даромъ тутъ сидитъ и даже былъ на одномъ изъ нашихъ засѣданій. Съ Гильфердингомъ мы познакомились у Черкасскаго: какой-то холодный и далеко не такъ привѣтливъ и простъ, какъ Витте. Жаль и очень жаль будетъ Витте.

Письмо 10

Настоящее письмо, по краткости времени, будетъ, кажется, чисто дѣловое. Прежде всего благодарю васъ за присылку Наума. Деньги 100 р. с. при семъ посылаю. Изъ комитета грамотности мнѣ прислали безмездно 750 книгъ разныхъ названій, преимущественно букварей Студитскаго. Пишутъ, что могутъ и еще прислать. Раздаю направо и налѣво: благо есть что раздавать. Букварн Студитскаго мерзкіе, какъ и Главинскаго, Лермантова и прочей братіи; но и этому я радъ. Жаль, что не прислали вы букваря Максимовича. Впрочемъ, время терпитъ, такъ какъ

---

[1]) Т. е. включенія Царства Польскаго въ составъ Росс. Имперіи.

теперь вездѣ почти ученіе прекращено. Со временемъ и галицій-скихъ дождемся, хотя я всетаки буду мѣшать ихъ съ русскими.

Число школъ сильно растетъ, а учителей нѣтъ. Мнѣ сдали 64-ре прошенія желающихъ изъ Россіи, и я держу ихъ у себя, не давая пока имъ никакого ходу. По самой большей части просится все дрянь: пустить ее, значитъ осрамить Россію и здѣсь испортить дѣло. Я говорилъ Витте, что гораздо лучше на первый разъ выписать самое небольшое число окончившихъ курсъ семинаріи и самыхъ лучшихъ, между прочимъ для того, чтобы и Черкасскому показать, что наши лучше его дьяковъ-уніатовъ, не умѣющихъ даже читать по-славянски. Витте вполнѣ согласился на это, и, какъ окончившіе желаютъ большаго жалованья, то онъ разрѣшилъ намъ выдавать каждому изъ нихъ сверхъ 150 р. жалованья еще столько-же наградныхъ или добавочныхъ изъ тѣхъ 10 т. р. с., которые предоставлены будутъ въ наше распоряженіе. Ко мнѣ въ Кіевѣ при васъ приходили четыре окончившихъ курсъ въ семинаріи проситься въ учители, а прежде еще два приходили; но и тѣ, и другіе просили жалованья больше, чѣмъ 150 р. Я обѣщалъ извѣстить и теперь прошу васъ оповѣстить въ семинаріи приватнымъ образомъ вызовъ на 10-ть человѣкъ, объявивъ желающимъ, чтобы они предварительно прислали прошенія прямо ко мнѣ, и не на гербовой бумагѣ, а на простой, но съ метрическими свидѣтельствами и аттестатами объ ученіи. Каждый изъ нихъ получитъ обѣщанные Коммиссіею 50 р. с. прогоновъ, и затѣмъ будетъ получать штатнаго жалованья 150 р. и добавочныхъ также 150 р. Я хочу помѣстить ихъ невдалекѣ отъ Холма для того, чтобы и имъ удобнѣе было обращаться ко мнѣ со всякими нуждами, и мнѣ легче надзирать за ними. Трудно напередъ угадать, какое впечатлѣніе произведетъ появленіе православныхъ учителей въ средѣ уніатовъ. Толкуютъ объ этомъ различно. Въ Варшавѣ, какъ я, кажется, писалъ уже вамъ, порѣшили въ тѣхъ школахъ, гдѣ будутъ православные учители, преподаваніе закона божія поручать уніатскимъ ксендзамъ съ жалованьемъ отъ правительства по 50 р., но я прибѣгну къ этому способу тогда только, когда примѣчу неудовольствіе и ропотъ отъ назначенія правосл.

учителей, ибо иначе что тогда дѣлать учителямъ? Учить читать и писать, да первымъ четыремъ дѣйствіямъ ариѳметики? На этомъ не разойдется самый дѣльный учитель и не заслужитъ хорошей репутаціи. Приглашая кандидатовъ на учительскія мѣста, вы потрудитесь, конечно, собрать объ нихъ свѣдѣнія. Тѣхъ, которые при васъ приходили ко мнѣ, я не помню по фамиліямъ; но изъ прошлаго курса еще въ генварѣ просились Петръ Яковлевъ и Владиміръ Татаровъ. Первый не особенно боекъ, но второй весьма дѣльный малый. Впрочемъ, обоихъ я принялъ бы съ удовольствіемъ: Яковлевъ хорошъ тѣмъ, что знаетъ ноту и имѣетъ очень хорошій голосъ. Гдѣ они теперь, не знаю; въ консисторіи, я думаю, извѣстно. Предстоитъ еще одинъ вопросъ: какая карьера ждетъ тѣхъ, которые изъявили бы желаніе поступить сюда учителями? Во всякомъ случаѣ не худшая той, какую они сдѣлали бы, поступивъ учителями въ духовныя уѣздныя училища; но, можетъ быть, и гораздо лучшая: отсюда выходъ во всѣ стороны на службу въ Польшѣ, гдѣ такъ нуждаются въ русскихъ чиновникахъ и преимущественно ищутъ поповичей. Губернаторъ нѣсколько разъ жаловался мнѣ на недостатокъ русскаго люду въ его управленіи: то же слышишь отъ комиссаровъ и уѣздныхъ начальниковъ. Со временемъ, кажется, заведутъ въ Холмщинѣ вездѣ дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ, а Холмъ сдѣлаютъ центромъ русскаго управленія. Теперь даже можете поздравить Холмъ съ повышеніемъ: распоряженіе о пожалованіи его въ уѣздные города уже сдѣлано, а не-задолго станетъ, кажется, и губернскимъ городомъ.—Изъявившіе желаніе на учительство должны быть уволены изъ Кіевской епархіи, о чемъ я отнесусь, по полученіи отъ нихъ прошеній, въ консисторію. Мнѣ кажется, что тутъ вовсе не нужно поднимать вопроса объ увольненіи изъ духовнаго званія, такъ какъ духов. званіе существуетъ только въ Россіи, а здѣсь даже названія этого нѣтъ, и самое понятіе о немъ тутъ неприменимо.

Прошу васъ также разыскать студента академіи Ивана Соломоновскаго и предложить ему мѣсто учителя образцоваго начальнаго училища, которое будетъ при Холмской гимназіи или

точнѣе при педагогическихъ курсахъ, съ жалованьемъ въ 300 р. с. Онъ проситъ у меня именно подобнаго мѣста; но само собою разумѣется, что со временемъ я могу дать ему и большій ходъ. Если согласенъ, то пусть подастъ прошеніе объ увольненіи изъ академіи, а затѣмъ прошеніе ко мнѣ съ метрикою и аттестатомъ. Прогоны, конечно, получитъ, но въ какомъ размѣрѣ, навѣрное не знаю, разумѣется, не менѣе 50 р. Соломоновскій рѣшительно не хочетъ быть въ академіи, а я былъ бы очень радъ этому весьма дѣльному человѣку, съ отличнымъ слогомъ и прекраснымъ почеркомъ. Онъ ждетъ теперь моего отвѣта на его просьбу [1]).

Дѣлопроизводителя, наконецъ, я получилъ въ лицѣ извѣстнаго вамъ Кухаренка [2]). Сегодня или завтра онъ будетъ уже въ Холмѣ. Дѣло это сдѣлалось случайно и стоило мнѣ и Коммиссіи большихъ хлопотъ. Когда я представилъ Мурковскаго, Витте и Михневичъ дали мнѣ рѣшительный совѣтъ поискать другого, такъ какъ о Мурковскомъ переписка должна итти не менѣе 4-хъ мѣсяцевъ, а дѣла уніат. школъ требуется вести какъ можно скорѣе. Говорили резонъ, и я выбралъ Кухаренка; но тутъ уперлись Фундуклей и Орловъ [3]): дѣло перешло даже въ Совѣтъ Управленія, который и присудилъ Кухаренка мнѣ. Я очень обрадовался этому; и мнѣ легче будетъ, и дѣла быстрѣе пойдутъ, а то просто невыносимо становилось. Не знаю, что дѣлать теперь съ Мурковскимъ, который доселѣ ждетъ моего отвѣта. Думаю, не опредѣлить ли его штатнымъ учителемъ педагогич. курсовъ; тутъ жалованье 800 р. с. [4]).

---

[1]) По увольненіи изъ Кіев. Академіи Соломоновскій былъ опредѣленъ учителемъ образцоваго училища при педагогическихъ курсахъ въ Холмѣ, потомъ былъ штатнымъ учителемъ Педаг. Курсовъ въ разныхъ городахъ и составилъ и издалъ нѣсколько руководствъ для преподаванія рус. языка, весьма пригодныхъ для народныхъ школъ Варшав. Округа; вышелъ въ отставку въ должности Инспектора (Начальника) Учительской Семинаріи, какъ названы потомъ педагогич. курсы.

[2]) По окончаніи курса Кіевс. Духов. Семинаріи, былъ учителемъ въ школѣ м. Малина, кіевск. губерніи, открытой кіевс. учеб. округомъ, по переходѣ въ Царство Польское, былъ дѣлопроизводителемъ Холм. Учеб. Дирекціи, потомъ учителемъ въ Учительскихъ Семинаріяхъ и въ должности Инспектора Солецкой Учительской Семинаріи (въ Радомской губ.); вышелъ въ отставку, выслуживъ срокъ на пенсію.

[3]) Директоръ Варшав. русской гимназіи, открытой д. тайн. сов. И. Н. Фундуклеемъ.

[4]) Мурковскій, бывшій учитель кіев. женс. духов. училища, въ это время поступилъ въ Университетъ для высшаго образованія.

Изъ Варшавы не получилъ никакихъ новыхъ свѣдѣній, хотя тамъ теперь именно готовятся великія реформы для Царства, а для насъ русскихъ, здѣ служащихъ, великія льготы. Кухаренко писалъ, что дѣло идетъ тихо и такъ секретно, что ничего нельзя вывѣдать.

Недостаетъ мнѣ помощника инспектора: не поѣхалъ ли бы разомъ и С. на это мѣсто? Жалованья по должности учителя можно дать 1200 р., да помощническихъ 300 р. и казенная квартира. Теперь и академическимъ есть разсчетъ итти сюда, ибо скоро, кажется, удвоятъ число дирекцій.

Хотѣлъ сегодня послать Вамъ деньги за Наума, но не приняли,—на воскресенье отложили. Когда бы еще хоть немножко букварей лаврскихъ: просятъ иногда, а дать нечего. Изъ Комитета грамотности мнѣ прислали 750 разныхъ книжекъ; но букварі Студитскаго плохи. Что Максимовичъ?—пишетъ-ли о Холмщинѣ? Витте и Черкассkій очень довольны заказомъ. Объ уніатахъ много набралось у меня свѣдѣній; но вотъ бѣда—и въ гору николы глянуть.

24 іюня—6 іюля 1865 г. Холмъ.

...Черкасскій сильно негодуетъ на то, что въ катедрѣ холмской играютъ на органѣ. Воротившись въ Холмъ, я узналъ, что играютъ ученики школы дьяковъ, и какъ это дѣлается во время классовъ, то наложилъ запрещеніе. Хотѣли было семинаристы играть, но я объявилъ то-же. Съ тѣхъ поръ органъ молчитъ. Органиста нѣтъ, и жалованья ему не положено, а попросить не посмѣютъ. Слышалъ, что хотятъ продать органъ. Туда ему и дорога.

Вотъ вамъ новость: съ нынѣшняго или слѣд. года уніатскимъ священникамъ будетъ жалованье 300—500 р. с. Приходы дѣлятся на 3 класса, и въ 1-мъ 500, во 2-мъ 400, а въ 3-мъ 300 р. съ сохраненіемъ земель и доходовъ. Каково! Это не то, что у насъ [1]). Наши позавидуютъ. Но Черкасскій упол-

[1]) Въ юго-запад. краѣ тогда получали священники приходовъ 1-го класса 160 руб., 2-го 150 руб., 3-го и 4-го 140 р., 5-го 120 р. 6-го 100 р. и 7-го 80 р. въ годъ. Теперь получаютъ всѣ по 300 р., въ Привислянскомъ краѣ по 1200 руб. въ годъ.

номочилъ насъ распространять всюду, что жалованье будетъ выдаваемо только тѣмъ, которые станутъ говорить проповѣди по русски или по русински. Ну и распространяемъ; морщатся ксендзы, но иные теперь уже пристаютъ на русскій языкъ.

Письмо 11.

Спѣшу писать къ вамъ, чтобы обмѣняться еще разъ-другой письмами, пока вы отправитесь съ митрополитомъ въ объѣздъ по епархіи.

Кума я просилъ, чтобы онъ пріискалъ мнѣ двухъ учителей на математику, одного на латинскій и одного на греческій языкъ. Прошу васъ и объ этомъ. На Галичанъ остатняя надежда погибла, хотя, признаться, мнѣ не хотѣлось ихъ. Назначеніемъ учителей теперь надо торопиться, чтобы всѣ съѣхались къ началу сентября, когда, можно надѣяться, и гимназія будетъ открыта. Смѣты и планъ утверждены; 19 іюля ст. ст. торги, а къ 1-му августа работы начнемъ. Насяду на подрядчика всѣми силами, чтобы по крайней мѣрѣ зданіе мужской гимназіи было готово къ 1-му сентября. Пономареву и Грушевскому ничего болѣе опредѣлительнаго сказать не могу. Дѣло объ ихъ квартирахъ будетъ зависѣть не только отъ времени открытія, но и отъ того, когда уволитъ ихъ Синодъ, а Синодъ теперь думаетъ, вѣроятно, думу горькую, видя, что такъ многіе бѣгутъ изъ его вѣдомства....

Нѣтъ ли учителя чистописанія и рисованія? Жалованья 500 р., подъемныхъ рублей 300, должность въ IX кл. Я писалъ Даніилу Г., чтобы предложилъ это мѣсто тому художнику, который просился на русскій языкъ; но онъ что-то не отвѣчаетъ, да едва ли и тотъ согласится? Нѣтъ ли также учителя въ педагогич. курсы на 800 р. с. жалованья и должность въ VIII кл.?

Букварей, часослововъ и псалтырей крайне нужно. Когда бы Лавра выслала на коммисію хоть по сотнѣ часослововъ и псалтырей, а букварей русско-славянскихъ обѣщали изъ Коммисіи Нар. Просвѣщенія выслать. Двѣ сотни букварей Макси-

мовича, за которыя я ему и деньги заплатилъ, прошу выслать, оставивъ всякія опасенія. Я дѣлаю опыты, который букварь лучше придется, и мнѣ нужны всякіе буквари, а до того, что въ нихъ есть что-либо по малороссійски, мнѣ нужды мало. Вездѣ пока галиційскіе учебники, а никто объ нихъ ни слова. Ефимъ М. выписалъ ихъ на 400 р. Я удержался, но дотолѣ, пока вопросъ объ нихъ рѣшенъ будетъ Учредительнымъ Комитетомъ, а это рѣшеніе не за горами. Кокошкинъ говорилъ, что Петербургская партія вообще не любитъ Черкасскаго и Милютина; но дѣло въ томъ, что Милютинъ въ великой силѣ у Государя. Итакъ до поры до времени слѣженіе за сепаратизмомъ здѣсь не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій, пока иниціатива того, что тамъ можетъ казаться сепаратизмомъ, будетъ исходить отъ Милютина и Черкасскаго.

Соломоновскому прошу объявить, чтобы онъ по полученіи увольненія немедленно прислалъ свое свидѣтельство увольнительное и метрику. Опредѣлю я самъ, но въ коммиссію нужно написать о выдачѣ прогоновъ.

Начальницы для женскаго училища не пришлютъ изъ Петербурга. Витте именно мнѣ поручалъ пріискать. За совѣтъ не поручать женщинѣ всего управленія очень благодаренъ; буду хлопотать.

Еп. Вѣдомости были получены; но Иляшевичъ затаскалъ было ихъ куда-то, а потомъ я съ удовольствіемъ прочелъ церковно-арх. замѣтки и многое другое. Дѣйствительно, ихъ вѣра въ томъ, чтобы вотъ на счетъ сердцовъ не было перемѣны и проч.

Калинскій сильно работаетъ въ Австріи: опять не дали ректора и другихъ, и на этотъ разъ запретилъ самъ нунцій.

P. S. Типографія у насъ, кажется, скоро будетъ.

$^{18}/_{30}$ іюля 1865 г.

Письмо 12.

Теперь о гимназіяхъ. 19-го нашего августа онѣ должны быть открыты, а учителя ни одного, начальства никакого. Не-

знаю, что-то будетъ. Прошу васъ покорнѣйше выискать въ университетѣ тѣхъ кандидатовъ, о которыхъ я уже писалъ, т. е. двухъ на математику, одного на латинскій, одного на греческій языкъ и учителя чистописанія и рисованія. Двумъ жалованье по 1200 р., двумъ по 1000 р., а учителю чистописанія 500 р. Подъемныхъ 300—400 р. Какъ бы это поскорѣе, какъ можно скорѣе. Пусть посылаютъ прошенія къ Витте—съ документами, а вынапишите Витте о тѣхъ, кто будетъ вами выисканъ, я же отъ себя напишу, чтобы опредѣлилъ, не спрашивая меня, для сокращенія времени. Нашихъ духовныхъ не дождешься и до зимы, да и довольно ихъ приглашено. До свиданія! Ѣду въ Красноставъ.

21 іюля (2 августа) 1865 г. Г. Холмъ.

Письмо 13.

Почта отходитъ ночью, теперь 6-ть часовъ, а тутъ народъ ждетъ еще съ экзаменами на учительскія мѣста.

Сегодня строительный нашъ комитетъ имѣлъ первое засѣданіе. Комитетъ состоитъ изъ 6-ти членовъ: меня, архитектора, присланнаго изъ Варшавы, двухъ уніатскихъ ксензовъ, бургомистра и одного мѣщанина уніата. Послѣдняго я нарочно выбралъ потому, что онъ хозяинъ, имѣлъ собственный каменный домъ, который самъ строилъ, и потому знаетъ толкъ во всемъ. Трудно и даже страшно; но, Богъ дастъ, какъ-нибудь управимся.

Срокъ отдѣлки классовъ для гимназіи—15-е польское сентября. Не знаю однакожъ, успѣетъ ли подрядчикъ. Женское училище положено окончить къ новому году. Окончательный срокъ для всѣхъ работъ 1-е іюня слѣдующаго года. Церковь хотятъ устроить въ зданіи піаровъ; но я хлопочу, чтобы отдали одинъ костелъ, безприходный и никому ненужный [1]).

28 іюля (9 августа 1865 г., г.

---

[1]) Костелъ этотъ былъ смежный съ зданіемъ, предназначеннымъ для женской гимназіи. По закрытіи монастыря католическаго, которому принадлежало зданіе и костелъ, послѣдній оказался безприходнымъ и ненужнымъ. Впослѣдствіи ходатайство Ѳ. Г. Лебединцева было уважено, и костелъ былъ передѣланъ въ церковь уніатскую, а съ 1876 г.—православную. Нынѣ—прекрасный храмъ при женскомъ учебномъ заведеніи.

Письмо 14.

Послѣдніе три дня я получалъ каждый день по письму отъ васъ. Сейчасъ только принесли послѣднее. Читалъ и дивился; тѣмъ не менѣе спѣшу написать, чтобы Вы не безпокоились вслѣдствіе слуховъ, которыхъ ни въ какомъ случаѣ не могу считать вѣрными.

Откуда эти слухи дошли до васъ, я знаю, хотя вы и не пишете. Дѣло въ томъ, что за три или четыре дня предъ этимъ я получилъ точно такое же письмо отъ Ефима М. Не сомнѣваюсь, что онъ написалъ прежде вамъ, а потомъ мнѣ. Но не въ томъ собственно дѣло: какое основаніе для этихъ слуховъ—вотъ главный вопросъ. Коснусь, прежде всего, самаго важнаго извѣстія, будто профессоры семинаріи ѣздили къ Черкасскому съ жалобою на меня и съ просьбою о перемѣщеніи меня изъ Холма. Холмъ не Кіевъ и не Петербургъ, гдѣ живущіе въ одномъ концѣ города не знаютъ, что дѣлается въ другомъ. Здѣсь извѣстно не только, кто, когда и куда выѣзжаетъ, но даже, кто куда идетъ. Знаю поэтому несомнѣнно, кто изъ профессоровъ, когда и куда ѣздилъ. Въ Варшаву, вскорѣ по прибытіи моемъ оттуда, ѣздилъ Войцицкій[1]), одинъ, по случаю болѣзни дочери своей, учащейся въ Варшавскомъ пансіонѣ. Войцицкій извѣстенъ здѣсь и въ Варшавѣ. Что Войцицкій могъ сказать что-нибудь дурное обо мнѣ, въ томъ не сомнѣваюсь; но что я ему не подалъ ни малѣйшаго повода къ тому, это также несомнѣнно. Былъ онъ у меня съ визитомъ, и я у него былъ тотъ часъ же. Былъ онъ у меня разъ вечеромъ, а я у него ни разу—за недосугомъ. Встрѣчались нѣсколько разъ; но при каждомъ свиданіи, кромѣ, самаго большаго вниманія, почтенія и любезности, онъ ничего другого отъ меня не встрѣчалъ. Былъ потомъ въ Варшавѣ, проѣздомъ за границу для рукоположенія, Лебединскій: самъ онъ человѣкъ очень добрый, да и я съ нимъ обходился въ троекратное свиданіе самымъ радуш-

[1]) Войцицкій, профессоръ уніат. семинаріи, ксендзъ-каноникъ (протоіерей) впослѣдствіи, по удаленіи Калинскаго. ему поручено было, по представленію кн. Черкасскаго, управленіе Холмской епархіей и данъ титулъ архипресвитера.

нымъ образомъ.—Проѣхалъ недавно чрезъ Варшаву за границу экономъ семинаріи—ксензъ Панасинскій, который больше всѣхъ мнѣ нравится, и съ которымъ потому я найлюбезнѣйшимъ образомъ обращался.—Былъ недавно профессоръ Поцей:—этому я первый сдѣлалъ визитъ и затѣмъ, встрѣчаясь нѣсколько разъ, относился съ полнымъ уваженіемъ и любезностію. Говорить противъ меня онъ ничего не имѣлъ, да и не захотѣлъ бы, такъ какъ и ѣздилъ въ Варшаву за тѣмъ, чтобы упроситься въ гимназію. Больше никто не ѣздилъ въ Варшаву. Съ тѣми, которые здѣсь, я въ самыхъ пріятнѣйшихъ отношеніяхъ, особенно съ вицеректоромъ [1]), съ которымъ цѣлуюсь не меньше 6-ти разъ при каждомъ свиданіи, хотя въ душѣ не очень высокаго объ немъ мнѣнія. Вообще ни съ кѣмъ изъ здѣшнихъ профессоровъ я не только не имѣлъ никакихъ столкновеній, но и никакихъ объясненій, которыя могли бы подать поводъ къ нареканіямъ на меня. Кромѣ полной вѣжливости, почтенія и любезности, они не видѣли отъ меня ничего другаго. Одно, на что они могутъ указывать и изъ чего могутъ выводить неблагопріятныя заключенія и, пожалуй, даже клеветать на меня, это то, что я не бываю почти ни у кого изъ нихъ; но за то я ни у кого и никогда не бываю, и предъ всѣми вообще и предъ каждымъ въ частности извиняюсь и твержу всегда, что бывать мнѣ рѣшительно некогда. Въ этомъ отношеніи я не дѣлаю различія между православными и уніатами; равно какъ они не могутъ не вѣрить моимъ словамъ, ибо всѣ они не только не видятъ меня гдѣ-либо въ гостяхъ, но рѣдко видятъ гуляющимъ, а кто приходитъ ко мнѣ, тотъ всегда застаетъ меня за бумагами, въ какую пору ни пришелъ бы ко мнѣ.

Итакъ, что *профессоры* семинаріи *ѣздили* жаловаться на меня, это совершеннѣйшая ложь. Трое изъ нихъ *разновременно* были въ Варшавѣ,—каждый по своимъ обстоятельствамъ. Очень можетъ быть, что кто нибудь изъ нихъ сказалъ обо мнѣ, что я

---

[1]) Должность вицеректора въ уніат. семинаріи соотвѣтствовала должности инспектора. Вицеректоръ, ксендзъ Гарасовскій, былъ слишкомъ ополяченный и окатоличенный уніатъ; по удаленіи Калинскаго былъ также удаленъ на приходъ въ село.

держу себя съ ними далеко, холодно, даже, пожалуй, гордо,—все на томъ основаніи, что я доселѣ не могъ быть ни у кого изъ нихъ болѣе, какъ по одному разу; но чтобы тутъ была общая, нарочитая жалоба, чтобы кто-нибудь могъ пожаловаться на мою неделикатность, негуманность, проще,—грубость, сердитость и т. под., этому я не могу повѣрить на томъ основаніи, что ничего подобнаго не замѣтилъ въ своихъ отношеніяхъ къ нимъ. Думаю такъ отчасти и потому, что Витте въ одномъ письмѣ передавалъ, говоря его словами, просьбу, точнѣе же, приказъ Черкасскаго—стать въ возможно близкія отношенія къ уніат. духовенству; когда-же я отвѣтилъ, что забочусь объ этомъ всѣми силами и представилъ на это нѣкоторые факты, то онъ, объявляя, что сообщитъ объ этомъ Черкасскому, прибавилъ въ то же время, что Черкасскій почему-то былъ другаго мнѣнія, но и *только*. Будь какая-либо положительная и серьезная жалоба, — я не сомнѣваюсь, что ни Черкасскій не скрылъ отъ Витте, ни тѣмъ болѣе Витте отъ меня.

Что сельскимъ іереямъ я нигдѣ и никакой непріятности не сдѣлалъ и ни малѣйшаго не подалъ повода къ нареканіямъ, это также совершенно вѣрно. Былъ, правда, у меня одинъ ксендзъ уніатскій изъ Подлясья, котораго Сидорскій[1]) представилъ, какъ отчаяннаго брехуна и высочайшаго подлеца: его я принялъ не такъ радушно, какъ другихъ, можетъ быть даже нѣсколько холодно, но это потому, что въ оба раза онъ заставалъ меня за самою экстренною работою и долго мучилъ меня самою нелѣпою просьбою—ходатайствовать о томъ, чтобы ему дали лучшій приходъ. Разумѣется, что такой просьбы я не принялъ и объяснялъ лишенному за разныя проказы прихода ксендзу, что лучшее средство поправить свои дѣлишки и репутацію, это показать на дѣлѣ ревность объ уніатствѣ и русинствѣ недопущеніемъ совращеніи въ латинство и проповѣданіемъ на русскомъ или русинскомъ языкахъ. Ксендзъ этотъ—блуждающая комета, и едва ли не онъ пустилъ въ Подлясьѣ то, о

[1]) Управлявшій греко-уніатскими дѣлами при кн. Черкасскомъ; умеръ въ 1895 г. въ должности (въ послѣдствіи) директора канцеляріи оберъ-прокурора св. Синода.

чемъ писалъ мнѣ Ефимъ М., именно—будто я „держу себя гордо, не сочувствую нуждамъ уніат. духовенства, не забочусь объ немъ и люблю только властвовать". Но этотъ же ксендзъ разсказывалъ по всему Подлясью, что когда онъ *въ каретѣ* подъѣхалъ къ Коммиссіи Внутр. и Дух. Дѣлъ, то Черкасскій выбѣжалъ къ нему на встрѣчу, а Черкасская просила познакомить ее съ его женою, и опять—Черкасскій предлагалъ будто ему принять православіе, тогда какъ было совершенно наоборотъ, и пр. Вообще изъ разсказовъ Ефима М. и Сидорскаго я заключилъ, что уніатское духовенство, брехливое вообще, брехливое особенно на Подлясьѣ. Нигдѣ столько не бываетъ толковъ и слуховъ, часто поразительныхъ своею нелѣпостью, какъ на Подлясьѣ, что и здѣшніе уніаты подтверждаютъ, а Ефимъ М. имѣетъ охоту слушать. Извѣстія, теперь переданныя имъ, какъ самъ пишетъ, заимствованы отъ какихъ-то ксендзовъ съ одной и отъ Жозефа съ другой стороны. Источники одинаково мутные. Всего вѣроятнѣе, что поводомъ къ этимъ слухамъ послужило извѣстное представленіе Калинскаго о томъ, какъ понимать отношенія директора къ дѣлу проповѣдничества, посланное по тому случаю, что я просилъ у ректора для прочета проповѣдь одного семинариста послѣ того, какъ она прошла законную свою цензуру и была произнесена въ церкви. Проповѣдь эта давно возвращена мною и, разумѣется, что ни на ней, ни объ ней я не сдѣлалъ никакихъ, ни письменныхъ, ни словесныхъ замѣчаній или отзывовъ. Это неосторожное любопытство, хотя я имѣлъ для него полное основаніе въ возложенномъ на меня наблюденіи за семинаріею, возбудило неудовольствіе Черкасскаго, который поручилъ Витте предостеречь меня, чтобы я былъ какъ можно осторожнѣе въ отношеніи къ семинаріи; но на томъ дѣло и кончилось. Кто-то изъ двухъ, ректоръ или Калинскій, въ бытность здѣсь Сидорскаго, говорилъ ему, что я будто всякія дѣла по семинаріи рѣшаю; но нелѣпость этого самъ Сидорскій призналъ, такъ какъ я былъ однажды только въ семинаріи—на полчаса, и ничего не сдѣлалъ, ничего даже не сказалъ. Семинарію и Калинскаго покоробило постановленіе Учр. Комитета о наблюденіи со стороны директоровъ, но вовсе

не мои къ ней отношенія, ибо я кромѣ упомянутаго посѣщенія былъ еще только одинъ разъ на экзаменѣ и также ни слова не сказалъ. Въ этомъ смыслѣ я писалъ и еще напишу и Витте, и Сидорскому. Въ Люблинѣ не уніаты, а распустили было слухъ про Теодоровича, что его вовсе увольняютъ, по случаю дѣйствительно крутой его переписки съ предсѣдателемъ коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ.

Пишу все это для успокоенія вашего; но не думайте, чтобы я былъ равнодушенъ къ сообщеннымъ мнѣ слухамъ, или же былъ слишкомъ самоувѣренъ въ своей непогрѣшимости и безпечности. Вообще здѣсь надо быть въ высшей степени осторожнымъ, и я стараюсь объ этомъ всѣми силами; но бываютъ случаи, когда выдумаютъ изъ ничего, какъ это и Ефимъ М. испыталъ.

Что узнаю изъ Варшавы, о томъ напишу, а теперь не могу не благодарить васъ за ваши замѣчанія и совѣты, которые внушены братскою любовью.

6—20 авг. 1865 г., г. Холмъ.

P. S. Позавчера я получилъ письмо отъ Сидорскаго, который увѣрительно пишетъ, что скоро имѣютъ послать меня въ Львовъ—посмотрѣть тѣхъ уніатовъ, которые просятся на учит. мѣста въ Холмъ, „не говоря имъ ничего положительнаго." Написать это поручили ему Витте и Черкасскій. И изъ этого я заключаю, что слухъ о перемѣщеніи моемъ—чистая выдумка.

Работы двигаются съ возможною быстротою, и я надѣюсь, что классы будутъ отдѣланы къ сроку. Я каждый день, и по нѣскольку разъ, бываю на работахъ и смотрю во всѣ глаза, чтобы не прозѣвать чего-либо. Присланный изъ Варшавы архитекторъ, кажется, добросовѣстный человѣкъ.

Въ назначеніи учителей такая теперь путаница изъ-за галичанъ, что я просилъ уже Витте назначать, не спрашивая моего мнѣнія. О рекомендуемой Поляковой [1]), женѣ священника, также ничего не могу теперь сказать, ибо Витте писалъ мнѣ только высматривать классныхъ дамъ, но не давать имъ рѣ-

[1]) Полякова—начальница Фундуклеевской женской гимназіи въ Кіевѣ.

шительныхъ обѣщаній, такъ какъ штатъ не утвержденъ, и самое открытіе женской гимназіи послѣдуетъ только съ новаго 1866 г.

Письмо 15.

Уніаты такія небылицы разносятъ о комъ угодно, даже о Черкасскомъ, что превзошли въ этомъ отношеніи *Часъ* и *Ойчизну* [1]). *Это подлѣйшій, омерзительный народъ, въ десять разъ хуже поляковъ* [2]). Витте пишетъ, что меня рѣшили послать въ Львовъ, но только позже, когда будетъ открыта гимназія. На счетъ слуховъ *о несближеніи* моемъ съ духовенствомъ уніатскимъ, о чемъ прежде была рѣчь, замѣчаетъ, что Черкасскій успокоился его увѣреніемъ, что это ложь, прибавляя къ тому: *„во мнѣ всегда найдете ограду, защиту“*. Кажется, что все дѣло именно въ томъ, что кто-то шепнулъ Черкасскому, будто я далеко держусь отъ ксендзовъ уніатскихъ. Сегодня же я послалъ письмо Витте собственно о слухахъ, сообщенныхъ вами, прося не говорить Черкасскому, если это слухи пустые, въ чемъ и высказалъ я свою увѣренность. По этой же причинѣ не буду писать Сидорскому. Подожду, что напишетъ Витте.

Учредительный Комитетъ рѣшилъ вызвать для гимназіи изъ Галиціи не болѣе 2 или 3-хъ учителей, и то, когда истощатся всѣ средства къ отысканію русскихъ учителей, для народныхъ же школъ 10—15 учителей на двѣ дирекціи, но съ величайшею осмотрительностію и самою крайнею осторожностію относительно ихъ политическаго направленія. Витте просто называетъ это узкимъ взглядомъ и формализмомъ, а опасенія на счетъ сепаратизма чуть не дурачествомъ. Вотъ, что значитъ честный нѣмецъ.

---

[1]) Польскія газеты, издававшіяся въ Краковѣ и Львовѣ; въ нихъ чуть не ежедневно печатались удивительныя измышленія о русскихъ и ихъ дѣятельности въ Польшѣ.

[2]) Какъ ни рѣзокъ этотъ отзывъ объ уніатахъ, но онъ справедливъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи подлясскихъ уніатовъ.

Касательно учебниковъ Учр. Комитетъ постановилъ допускать изъ галиційскихъ изданій только книги духовнаго содержанія, всѣ же прочія книжки должны быть непремѣнно на русскомъ языкѣ. Бѣдный Ефимъ М.! Вѣдь онъ выписалъ на 400 р. с. галиційскихъ учебниковъ. Слава Богу, что я уберегся и терпѣливо ждалъ рѣшенія Учр. Комитета! Любопытно однако жъ было бы заглянуть въ душу Учр. Комитета, чтобы знать, какими понятіями руководился онъ, разрѣшая *духовныя* книги и не разрѣшая *недуховныхъ*.

Образà для гимназіи я предлагалъ выписать изъ Кіева, но Черкасскій нашелъ это неудобнымъ и требуетъ, чтобы они заказаны были въ Галиціи. Витте пишетъ, чтобы я поспѣшилъ заказать, а между тѣмъ сдѣлалъ бы оффиціальное о семъ представленіе. Черезъ чуръ тонко!

Дополнительныя правила касательно уніатскихъ школъ, поданныя мною и Еф. М., разсматриваются въ Учр. Комитетѣ. Черкасскій, какъ пишетъ Витте, на бумагѣ отказался отъ уступокъ, сдѣланныхъ намъ на словахъ, т. е. непремѣнно хочетъ присадить ксендзовъ уніатскихъ къ школамъ. Витте нетерпѣливо ждетъ, что скажетъ на это Учр. Комитетъ. О, далъ бы Богъ, чтобы онъ осадилъ Черкасскаго. Пропàсть придется, если присадятъ къ намъ этихъ прощалыгъ и ябедниковъ. Понятна цѣль Черкасскаго: черезъ ксендзовъ и дяковъ онъ хочетъ подчинить себѣ наши двѣ дирекціи.

Если найдутся кандидаты на учительскія мѣста въ гимназіи, то пусть присылаютъ поскорѣе прошенія къ Витте. Галиціею только поманываютъ, а кто ихъ дождется, да и не хотѣлось бы мнѣ самому этихъ новыхъ уніатовъ. 1200 р. не присвоено извѣстному предмету, а будетъ назначаемо по моему усмотрѣнію достойнѣйшимъ.

10/22 авг. 1865 г г. Холмъ.

Семинаристамъ скажите, чтобы не ѣхали прямо сюда на учительство, не подавъ предварительно прошеній и не получивъ отвѣта, иначе поставятъ и меня, и себя въ крайнее затрудненіе. На все нужно время, и на то опять, чтобы выискать подходящее мѣсто.

Письмо 16.

Полагаю, что вы уже въ Кіевѣ; потому снова начинаю писать.

Первѣе всего о слухахъ. Вмѣсто всякихъ объясненій посылаю письмо Витте, которое прошу возвратить за казенною печатью. Подобное-же письмо прислалъ Вилуевъ. Ergo... На инспекторское мѣсто Витте хочетъ назначить Андрея Стефановича, учителя Варшавской русской гимназіи, бывшаго два года въ Кіевской академіи, а оттуда перешедшаго въ университетъ. Отъ оберъ-прокурора Витте получилъ телеграфическое увѣдомленіе о томъ, что Синодъ опредѣлилъ уволить 13-ть наставниковъ дух. уч. заведеній на службу въ Польшѣ, но списка ихъ еще не прислалъ. Стефановича всѣ хвалятъ и самъ Витте.

Прошеніе Пясецкаго [1]) сегодня прислано на мое имя, и я даю завтра благопріятный отвѣтъ,—рекомендую штатнымъ учителемъ педагогическихъ курсовъ. Передайте это о. Варѳоломею, [2]) а онъ пусть Пясецкому передастъ.

Передайте окончившему курсъ академіи Амулину (онъ прислалъ мнѣ два письма и въ послѣднемъ пишетъ, что хочетъ ѣхать, не дожидаясь), что онъ будетъ назначенъ въ Бялу, ко мнѣ же на нѣмецкій языкъ назначенъ уже галичанинъ Хоминъ, имѣющій на дняхъ прибыть въ Холмъ. Абрамовича [3]) я представилъ уже и надѣюсь, что онъ будетъ утвержденъ. Скажите всѣмъ собирающимся въ Польшу, что назначеніе ихъ послѣдуетъ въ самомъ непродолжительномъ времени, и подъемныя деньги будутъ высланы на имя Слѣпушкина. Витте проситъ написать всѣмъ имъ, чтобы собирались заблаговременно и ѣхали какъ можно скорѣе.

Кандидатовъ новыхъ не трудитесь пріискивать. Витте пишетъ, что мѣста два-три нужно оставить для галичанъ. Меня

---

[1]) И. Я. Пясецкій уволнился изъ Кіев. Дух. Академіи по болѣзни и назначенъ былъ учителемъ педагогическихъ курсовъ (Учительской Семинаріи) въ Холмѣ. Состоитъ (въ 1896 г.) Начальникомъ Калишской Учебной Дирекціи.

[2]) Архимандритъ, профессоръ дух. академіи.

[3]) Изъ окончившихъ курсъ дух. академіи учитель Кіевс. жен. дух. училища, нынѣ директоръ Бѣльской гимназіи.

пошлютъ въ Галицію тотчасъ, какъ скоро пріѣдетъ инспекторъ гимназіи, а то не на кого дирекцію оставить и работы.

Намъ готовятся большія привиллегіи по службѣ. Витте пишетъ, что дѣло это было уже присылаемо на его заключеніе отъ Милютина.

25 авг.—6 сент. Г. Холмъ.

Письмо 17.

Опять собрался писать предъ отходомъ почты. Прежде всего о самомъ нужномъ.

Передайте Сергѣенку, что по новому штату Холмской гимназіи, представленному уже на Высочайшее утвержденіе, жалованья учителю рисованія и чистописанія 600 руб., а въ педагогическихъ курсахъ особая плата по 60 к. с. за урокъ. Срокъ на пенсію предположено сократить съ 35 на 25 лѣтъ, какъ въ Россіи, но только для русскихъ. Квартиры казенной не полагается. Если хочетъ, пусть присылаетъ прошеніе—прямо Витте.

Открытіе гимназіи и пед. курсовъ отложено на 2—14 окт. за неприбытіемъ учителей. Работы окончены къ 15—27 сент. Скажите Пономареву и Грушевскому, чтобы выѣзжали немедленно и ѣхали день и ночь. Къ открытію гимназіи пріѣдетъ изъ Петербурга Витте, и, конечно, будетъ недоволенъ, если они къ тому времени не явятся.

Пріемные экзамены идутъ. Учениковъ уже больше ста. Въ Галицію поѣду послѣ открытія гимназіи. Теперь сильная суета.

Будьте здоровы.

19 сент.—1 окт. 1865 г. Г. Холмъ

Письмо 18.

Итакъ гимназія и педагогическіе курсы открыты 5—17 ок. На открытіи, по личному повелѣнію Государя Императора,

былъ Витте и по моему приглашенію Костанда и Буцковскій[1]), кромѣ множества ксензовъ, военныхъ и другихъ чиновъ. Служилъ Калинскій и домъ освятилъ соборнѣ послѣ народной процессіи. Торжество было веліе, но стоило лично мнѣ до 200 р. с. Съ слѣд. почтою непремѣнно вышлю вамъ описаніе онаго для епар. вѣдомостей.

Тѣмъ временемъ потрудитесь розыскать Соломоновскаго и объявить ему, что объ уплатѣ 200 р. с., которые требуетъ съ него Синодъ, я уже написалъ Витте, что поэтому пусть онъ смѣло даетъ Филарету[2]) росписку и немедленно ѣдетъ. Тутъ получитъ и подъемныя, и окончательное увольненіе. Жалованіе ему по новому штату 500 р. с. Пусть же не медлитъ ни мало. Очень нуженъ.

Учителю церковнаго пѣнія въ госуд. совѣтѣ положили жалованья 500 р. Передайте это при случаѣ Абрамовичу.

Пишу съ слѣд. почтою, а теперь ни минуты свободной.

10—22 окт. 1865 г., г. Холмъ.

Письмо 19.

Не успѣвъ съ сегодняшнею почтою послать вамъ письмо, я начинаю сегодня же писать, чтобы успѣть до слѣдующей почты и написать на этотъ разъ побольше.

Итакъ открытіе гимназіи состоялось наконецъ. Много хлопотъ и много денегъ стало это дѣло, но теперь я чувствую себя и лучше, и какъ будто легче. Уже одно то для меня большой выигрышъ составляетъ, что я могу посылать въ гимназію на экзамены всѣхъ кандидатовъ на учительскія мѣста, которые дѣлали мнѣ много хлопотъ. Съ открытіемъ гимназіи русскій элементъ взялъ здѣсь еще болѣе сильный перевѣсъ, а когда гимназія устроится вполнѣ и будетъ открыта гимназія женская, тогда Холмъ приметъ совершенно русскую физіономію. Разскажу вамъ кое - что изъ періода открытія гимназіи и о самой гимназіи.

---

[1]) Костанда генералъ, пачальникъ пѣхотной дивизіи, нынѣ генералъ-адъютантъ, членъ Государств Совѣта; Буцковскій—Люблинскій губернаторъ.

[2]) Ректору Дух. Академіи.

Начать съ того, преосвящ. Іоанникію [1]), какъ видно, сильно хотѣлось быть на этомъ торжествѣ, и, какъ оно предполагалось первоначально 15—27 сентября и затѣмъ отсрочено было на неопредѣленное, но непродолжительное время, то Іоаннивій и подгонялъ свой пріѣздъ въ Холмъ такъ, чтобы попасть, что называется, на самое расторжье. Пріѣхалъ онъ 24-го сентября и оставшись до 26-го, увѣрялъ меня нѣсколько разъ, что, какъ сообщили ему въ Варшавѣ и въ дорогѣ, открытіе гимназіи назначено именно на 26-е. 25-го онъ обѣдалъ у насъ со всею духовною и свѣтскою свитою, 26-го служилъ, послѣ чего обѣдали у Крашановскаго [2]). Въ тотъ и другой разъ онъ убѣждалъ меня, что церковная церемонія при открытіи гимназіи должна быть совершена по обряду православной церкви прав. протоіереемъ; но я отдѣлался отъ него тѣмъ, что къ открытію имѣлъ прибыть Витте, которому онъ поручилъ передать его взглядъ. Говоря проповѣдь 26-го, онъ нежданно прослезился, заговоривъ о томъ, какъ ему хотѣлось бы, чтобы между здѣшними разновѣрцами установился миръ и согласіе. Прослезилось при этомъ нѣсколько дамъ, жандармскій полковникъ и военно-уѣздный начальникъ. 14—16 октября къ обѣду дождался я, наконецъ, Витте, которому съ великимъ трудомъ приготовилъ у себя квартиру. Его встрѣчали вездѣ по пути отъ Варшавы до Холма гражданскія и военныя власти, и здѣсь не успѣлъ онъ войти въ комнату, какъ посыпались съ рапортами и представленіями. Не знаю, худо-ли, хорошо-ли, но я не дѣлалъ ему никакой встрѣчи, хотя рапортъ подалъ и служащихъ представилъ на утро. Предварительно обдуманный мною, извѣстный вамъ планъ церемоніи онъ одобрилъ вполнѣ. Оставалось уломать Калинскаго [3]), котораго я не хотѣлъ и трогать до пріѣзда Витте, не надѣясь, чтобы онъ согласился принять участіе въ схизматицкомъ праздникѣ. Въ 5 часовъ вечера мы отправились къ нему. Витте началъ съ того, что Государь лично по-

[1]) Варшавскій архіепископъ.

[2]) Протоіерей православной церкви въ Холмѣ, б. товарищъ преосвященнаго по академіи.

[3]) Уніатскій епископъ-номинатъ.

ручилъ ему пріѣхать въ Холмъ и отпраздновать открытіе гимназіи, какъ можно торжественнѣе. Застигнутый въ расплохъ, Калинскій до того оробѣлъ, что на все согласился и даже заговорилъ по русски, какъ могъ.

Торжество, какъ видите, вышло довольно пышное; но были нѣкоторыя неудачи, о которыхъ, конечно, нельзя было упомянуть въ описаніи. Прежде всего разгнѣвался Костанда на законоучителей уніатскихъ, которые не явились на церемонію, уѣхавъ въ свои приходы, и ближайшаго изъ нихъ Шелеметка за 15-ть верстъ велѣлъ доставить (и доставленъ) съ жандармами. Хотя все это подѣломъ, но слѣдовало бы осторожнѣе дѣйствовать. Я старался уговорить и Костанду, и Витте; но видно, что они не изучили еще уніатовъ. Потомъ Витте сказалъ рѣчь, которая была у него написана загодя, но, произнося, онъ сбивался и повторялся. Моя рѣчь очень рѣзка, и потому я съ вечера читалъ ее Витте, въ присутствіи Теодоровича и еще нѣсколькихъ лицъ, прося ихъ сказать, что смягчить, а что совсѣмъ выбросить; но всѣ въ одинъ голосъ твердили, что и то уже очень мягко. Обѣдъ шелъ чинно, и первые тосты прошли смирно; но затѣмъ, по выходѣ Витте, оставшаяся компанія зашумѣла неистово, возглашая тосты за тостами. Костанду подхватили на ура; но едва спустили его, какъ онъ скомандовалъ меня подхватить и пошли какъ на штурмъ; потомъ, не знаю почему, схватили Теодоровича, а за нимъ нашлись какіе-то охотники на комиссара Баранова [1]), который довольно толстъ. Офицерство орало во всю глотку и стучало саблями. Я поспѣшилъ пригласить Костанду на верхъ, и все человѣчество затихло и стало расходиться. Жаль, что ни Стефановичъ, ни Кокошкинъ не сказали приготовленныхъ спичей, а спичъ Кокошкина произвелъ бы впечатлѣніе. Онъ мастеръ и писать, и произносить. Я нѣсколько разъ просилъ, но когда потерялся порядокъ, онъ

[1]) Д. Г. Барановъ—комисаръ по крестьянскимъ дѣламъ Холмскаго участка, то же что мировой посредникъ; впослѣдствіи былъ управляющимъ, греко-уніатскими дѣлами при министрѣ гр. Толстомъ, а по присоединеніи уніатовъ къ православной церкви въ 1876 г., назначенъ былъ Начальникомъ Калишской Учеб. Дирекціи; умеръ въ отставкѣ 12 января 1897 г., въ Кіевѣ

упорно отказался.—Прибавить слова два о мѣстѣ, гдѣ мы обѣдали. Это была столовая базиліанъ, а теперь классъ для пѣвчихъ. Огромная, но сильно запущенная зала. Вытащили лавки и все, что было, мыли и чистили дня два, поставили часть своей мебели, повѣсили икону и два портрета Государя и Государыни, присланные для женской гимназіи. Вышло ничего. Столъ и портреты были убраны цвѣтами.

На другой день, до 4-хъ часовъ, мы ходили съ Витте то по классамъ, то по работамъ. Чрезвычайно важныхъ результатовъ достигъ я чрезъ эту ревизію: во 1-хъ, работы въ зданіи пореформатскомъ Витте разрѣшилъ пріостановить до весны, во 2-хъ, къ этому зданію разрѣшилъ сдѣлать пристройку, безъ чего трудно было бы намъ извернуться, въ 3-хъ, согласился на устройство бани изъ реформатскаго бровара, въ 4-хъ, разрѣшилъ и въ піарскомъ зданіи нѣкоторыя сверхъсмѣтныя работы, и обѣщалъ настоять на отдачѣ флигеля, въ 5-хъ, призналъ мою квартиру не только не обширною, но даже малою, хотя я отказался отъ расширенія. Канцеляріею остался очень доволенъ. Послѣ обѣда и чаю Витте уѣхалъ въ Варшаву, оставивъ самое пріятное впечатлѣніе.

Изъ разговоровъ Витте можно было заключить, что поѣздкою въ Петербургъ онъ много поправилъ и укрѣпилъ свое положеніе. Государь видимо благоволитъ къ нему. Намъ готовятся такія привилегіи: прежняя служба засчитывается въ здѣшнюю, срокъ службы 25-тилѣтній, жалованье все обращается въ пансіонъ; въ случаѣ болѣзни полный пансіонъ за 15-ть лѣтъ службы, за 10-ть половина, за 5-ть одна треть; представленіе къ наградамъ чрезъ два года и даже чуть ли не чрезъ годъ. Дай Богъ только пожить здѣсь въ добромъ здоровьѣ! Мнѣ и снится, и видится, что я могу своими очами увидѣть здѣсь православіе, если поживу подолѣе. Не говорю о частныхъ случаяхъ, въ родѣ того, напр., что учитель Нѣмецкаго языка Хоминъ послѣ отбытой церемоніи, когда воротились домой, бросился мнѣ на шею и взволнованнымъ голосомъ произнесъ: послѣ того, что я слышалъ сейчасъ, чувствую, что мнѣ стыдно оставаться уніатомъ, или—что одинъ ученикъ педагогической школы на другой день подалъ мнѣ прошеніе о присоединеніи

его къ православію. Но вотъ случай, достойный замѣчанія: на прошлой недѣли двѣ огромныя деревни, Обша и Замхъ, на австрійской границѣ, приняли православіе и присоединены священникомъ ихъ д. Бабицъ безъ всякого шуму и формальностей. Въ сосѣднихъ деревняхъ: Ружанцѣ, Хмѣльку и другихъ идетъ сильное движеніе. Кажется, что и они не устоятъ. Тутъ бы только огня подкладывать, а горѣло бы куда какъ хорошо! Просто покатило бы по всей Холмщинѣ. И дай-то Богъ! Жаль народа этого, искалѣченнаго варварами-пропагандистами. Славный народъ!

Позавчера отправилъ въ Кіевскую консисторію отношеніе съ просьбою увѣдомить окончившихъ курсъ семинаріи Брояковскаго и Каченовскаго, а также уволеннаго изъ средняго отдѣленія Филона Михалевскаго о томъ, что они назначены мною учителями сельскихъ школъ, и выдать имъ билеты на проѣздъ, предварительно уволивъ ихъ изъ епарх. вѣдомства. Прошу наблюсти за этимъ дѣломъ. Въ іюлѣ я просилъ консисторію увѣдомить меня, нѣтъ ли съ ея стороны препятствій къ перемѣщенію въ Польшу учителя Халчанской школы Левковича, но она и отвѣта не дала.

Хочу устроить какъ нибудь, чтобы назначаемые сюда въ элем. учители не были увольняемы изъ дух. званія. Буду просить Витте, чтобы снесся съ оберъ-прокуроромъ св. Синода о зачисленіи такихъ въ Варшавскую епархію. Попросите, чтобы не увольняли до того изъ дух. званія назначенныхъ мною.

Позавчера пріѣхалъ Грушевскій 4-й учитель. Бѣда безъ учителей! Аристовъ [1]) уже прислалъ только запросъ, какъ уплатить ему 400 р., которые съ него требуютъ. Чепурковскій что-то не ѣдетъ, а я давненько послалъ ему приглашеніе. Командировки въ Галицію доселѣ нѣтъ; но жду съ каждою почтою. Соломоновскій, говорятъ, въ отчаяніи и не знаетъ, что дѣлать. Пусть беретъ билетъ мѣсяца на два и ѣдетъ сюда. Вотъ и все. Тутъ и уволь-

---

[1]) Г. А. Аристовъ, кончилъ курсъ Кіев. Дух. Академіи и назначенъ былъ учителемъ исторіи въ Холмскую гимназію; очень дѣльный былъ учитель, любимый учениками; прослуживъ 6 лѣтъ въ Холмѣ, умеръ тамъ же отъ чахотки.

неніе и уплату денегъ устроить можно, и на мѣстѣ будетъ. Я написалъ бы самъ ему, да не знаю, гдѣ онъ находится.

24 октября (5 ноября) 1865 г. Г. Холмъ.

Письмо 20.

2-го декабря я воротился, наконецъ, изъ Львова. Обычная суета по пріѣздѣ и множество срочныхъ дѣлъ доселѣ мѣшали писать. Приходится разомъ чуть-ли не на три письма отвѣчать.

Побывалъ же я въ центрѣ уніи, въ средѣ хохломаніи. Много особеннаго, интереснаго, да всего не пересказать. Чтобы не сбиваться, буду писать по порядку. Такъ какъ я везъ съ собой кой-какія книги, то меня сильно пугала таможня или комора, какъ ее тутъ называютъ. Пугало и то, какъ я съ нѣмцами буду объясняться, не зная по-нѣмецки. Вышло противъ ожиданія: начальникъ русской таможни, нѣкто Шевелевъ вызвался написать записку къ начальнику австрійской таможни, чтобы мнѣ оказано было всѐвозможное снисхожденіе. Тотъ хорошо говоритъ по польски и, прочитавъ записку, пропустилъ безъ малѣйшаго осмотра. Мрачное нѣкоторое впечатлѣніе произвела на меня съ перваго разу Галиція, можетъ быть потому, что я ѣхалъ въ дурную погоду, а можетъ быть и отъ того, что грустно было смотрѣть на родной намъ уголокъ, искалѣченный подъ двойною властію поляковъ и нѣмцевъ. По дорогѣ, съ превеликимъ любопытствомъ, я останавливался при встрѣчѣ съ поселянами и вступалъ съ ними въ разговоръ. Все то же, что и у насъ: хаты, клуни, хлѣва, одежа, языкъ, походка, взглядъ, окладъ лица, пріемы въ разговорѣ и ненависть къ ляхамъ. Только столбы вездѣ Австрійскіе и надписи нѣмецко-польскія. Это особенно злило меня. Церкви такія же, какъ и въ Холмщинѣ и какія у насъ были еще не очень давно, напр. въ Сигидинцахъ, въ Журавкѣ. Видно, что архитектура была когда-то вездѣ общая на всемъ протяженіи Малорусской земли. Въ мѣстечкѣ Равѣ заходилъ къ священнику Пославскому и первый разъ услыхалъ натуральный говоръ малорусскій, не по прихоти

употребляемый,—отъ самого іерея, его жены и дочери панны. Верстъ за 50 отъ Львова начинаютъ показываться въ сторонѣ отъ шоссе отрасли Карпатъ, весьма похожія на Кіевскія горы, а потомъ верстъ за 15-ть отъ Львова приходится переваливаться чрезъ эти горы, за которыми скрывается Львовъ.

Львовъ лежитъ между высокими горами, въ котловинѣ, и потому окрестности его гораздо красивѣе самого Львова, или, точнѣе, въ нихъ то и вся краса. По пространству Львовъ будетъ равняться Житоміру, но гораздо тѣснѣе построенъ. Древнія Успенская и Никольская церкви въ срединѣ города, а св. Юръ, каѳедра митрополичья, на краю, на высокой горѣ, откуда видѣнъ весь Львовъ.

Пріѣхавъ въ Львовъ предъ вечеромъ, я не могъ никуда болѣе отправиться, кромѣ русскаго театра. Шла піеса нравоучительная: *Подгоряне*, сюжетъ которой взятъ изъ быта Карпатскихъ русиновъ. Піесу писалъ священникъ, музыку положилъ священникъ же, въ театрѣ всюду виднѣлись священники. Я пришелъ до начала представленія; играла великолѣпная полковая музыка изъ чеховъ. Вдругъ растворяются двери, входитъ какой-то ксендзъ въ скуфейкѣ, какую Данило Максимовичъ С. надѣваетъ на свои именины; весь народъ поднялся и отдалъ ему почтеніе; за нимъ другой ксендзъ, старый-престарый, едва плелся, сгорбившись и опираясь на палку. Спрашиваю сосѣдей,—кто такіе,—отвѣчаютъ: митрополитъ Литвиновичъ и епископъ перемышльскій Полянскій. Поднялся занавѣсъ, и на сценѣ показалась богато убранная и весьма красивая *дивиця*. Что сказали бы у насъ? А тутъ ничего; все въ порядкѣ обычномъ и никого не удивляетъ присутствіе владыкъ въ театрѣ. Играютъ на сценѣ по малорусски, говоритъ публика вся по малорусски, кавалеры съ дамами перешептываются и комплименты подпускаютъ также по малорусски, и никто не можетъ упрекнуть ихъ въ сепаратизмѣ, въ прихоти, въ чудачествѣ и т. п. Тутъ дѣйствительно чувствуешь, что говоръ малорусскій не есть прихоть или чудачество, но единственная натуральная рѣчь, ибо говорить по нѣмецки или по польски было бы дѣйствительно странно. Сидя въ театрѣ одинъ, не имѣя никого знакомыхъ,

я долго вдумывался въ это исключительное положеніе здѣсь малорусскаго языка, сохранившаго полное право гражданства въ одномъ только самомъ небольшомъ уголкѣ обширной Малорусской земли, и дивно мнѣ стало, что во всѣхъ другихъ углахъ той же и даже болѣе коренной Малорусской земли тотъ же языкъ считается и простымъ, и грубымъ, и смѣшнымъ, и даже преступнымъ... До того перевернулись понятія у людей. Тѣмъ страннѣе, что эти понятія годъ отъ году входятъ въ кругъ образованныхъ людей. О себѣ самомъ замѣчу, что, говоря по малорусски съ Кулишемъ и Бѣлозерскимъ, я чувствовалъ себя неловко, не натурально, а въ Львовѣ ничего подобнаго не чувствовалъ отъ начала до конца, а теперь—опять для меня странно заговорить съ кѣмъ нибудь по малорусски. Дивныя дѣла!

На другой день былъ у митрополита Литвиновича. Помѣщеніе у него небольшое, но хорошо отдѣланное; экипажъ его, говорятъ, первый въ Галиціи, прислуга говоритъ по малорусски. Человѣкъ онъ очень умный, бойкій и ловкій. На меня поглядѣлъ съ большимъ недовѣріемъ, хотя принялъ весьма деликатно и почтительно. Когда въ другой разъ я былъ у него, онъ отнесся уже совсѣмъ иначе,—съ такою искренностью, съ такимъ чувствомъ, что я и доселѣ не могу забыть его прощанья со мною, когда онъ, взявъ меня обѣими руками за голову и благословляя, приговаривалъ: „Нехай васъ Господь благословыть, куды вы повернетесь, на всяке добрее дило! Нехай вамъ Господь нагградыть, що й насъ бидныхъ не забуваете (предъ прощаньемъ рѣчь шла о покупкѣ у нихъ книгъ, что дало значительную поддержку ихъ ставропигіи, и о выпискѣ *Недѣли*, которая безъ этого должна была бы прекратиться), тай для моихъ едыноплеменникивъ трудытесь и вырываете ихъ изъ зубивъ оттихъ проклятыхъ ляхивъ“. Сеймъ произвелъ въ немъ рѣшительную перемѣну: доселѣ его упрекали въ наклонности къ полонизму и католицизму, теперь онъ показалъ себя совсѣмъ инымъ; русины въ восторгъ приходятъ, и я вѣрю, что восторгаются не напрасно. Въ виду опасности, Литвиновичъ сталъ во главѣ русиновъ и вступилъ въ отчаянную борьбу съ поляками, которыхъ и предо мною ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ.

Былъ я потомъ у протоіерея Петрусѣвича, ученѣйшаго мужа, который много лѣтъ трудится надъ составленіемъ сравнительнаго словаря всѣхъ славянскихъ нарѣчій, у Головацкаго—предобрый старичекъ, — и Дѣдицкаго, редактора Слова, — весьма живой и энергическій человѣкъ. Петрусѣвичъ живетъ въ 2-хъ маленькихъ комнаткахъ, буквально заложенныхъ книгами; Головацкій — очень просто и даже бѣдно, а Дѣдицкій—просто бурлакою, въ одной комнатѣ, вмѣстѣ съ редакціею. Бѣдность и простота—отличительная черта галиційскихъ русиновъ. Инспекторъ всѣхъ уч. заведеній Галиціи Яновскій живетъ чуть не на чердакѣ, въ 3-хъ комнатахъ, и ходъ чрезъ кухню. Такъ ли живетъ Кіевскій или другой попечитель, либо нашъ главный директоръ, а вѣдь это равныя мѣста.

Былъ нѣсколько разъ въ *кассино*, т. е. въ русинскомъ клубѣ, въ такъ называемомъ русскомъ народномъ домѣ. Съ такою надписью въ лучшей части города красуется 4-хъ этажный обширный домъ, построенный на ежегодный съ 1848 г. взносъ отъ всѣхъ безъ исключенія русиновъ по одному только крейцеру! Тутъ русская гимназія, педагогическіе курсы, театръ, клубъ и библіотека. Съ утра до вечера тутъ толкутся всевозможные русины, читаютъ журналы и газеты, играютъ въ билліардъ и карты, говорятъ о всевозможныхъ дѣлахъ и рѣшаютъ всякіе вопросы.

Былъ разъ 5-ть на сеймѣ. Огромная зала въ два свѣта, съ галлереями по тремъ сторонамъ. Скамьи для пословъ великолѣпныя—ясеневаго дерева, съ мягкими, трипомъ обитыми подушками, на которыхъ возсѣдаетъ человѣкъ 20-ть простыхъ мужиковъ въ свиткахъ и кожухахъ. Рядомъ съ Ковбасюкомъ сидитъ графъ Адамъ Потоцкій. Для маршалка богатѣйшая эстрада, онъ сидитъ на великолѣпномъ золоченомъ креслѣ и торжественнымъ стукомъ булавы призываетъ къ порядку. Это Сапѣга, бѣжавшій изъ Россіи въ 1831 г., человѣкъ умный и представительный, но съ великимъ гоноромъ. Одѣтъ въ кунтушъ.

Ляхва ведетъ себя на сеймѣ, какъ будто въ корчмѣ, слишкомъ развязно. Положеніе селянъ довольно неловкое, хотя они также держатъ себя весьма свободно. Выспреннія рѣчи имъ

недовѣдомы, пустыя словопренія наводятъ скуку, и я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ хохолъ среди какой-то цвѣтистой рѣчи одного ляха зазѣвалъ во всю свою пасть. Спросили одного въ честной компаніи: что такое параграфъ? „Э, то погана штука; о-такъ два крючечки, зъ одного кинця крючечокъ, и зъ другого кинця крючечокъ, то хочь на тому, хочь на другому, а все таки зачепышься". Что будутъ дѣлать эти послы въ Вѣнѣ, въ рейхсратѣ, гдѣ всѣ пренія идутъ на нѣмецкомъ языкѣ?—Въ 48-мъ или другомъ какомъ-то году, одинъ мужикъ-русинъ попалъ въ рейхсратъ и зѣвалъ, разумѣется, сколько душѣ его угодно было, хотя не спалъ, что крайне удивляло нѣмцевъ. Вдругъ какой-то министръ, объясняя волю императора, заговорилъ фигурою единоначалія: *er lies, er lies...* Мужикъ поднялъ голову и обратясь къ сидѣвшему подлѣ него священнику, спросилъ: чы то може винъ за нашъ лисъ говорыть?—Но вотъ нѣмцы въ отношеніи къ русинамъ: бывшаго губернатора Львова Стадіона крестьяне одной деревни выбрали посломъ на сеймъ въ 48 г. Нужно было благодарить ихъ письмомъ. Стадіону сказали, что нужно и написать, и подписаться по русински, а онъ ни бельмеса не понимаетъ. Нашли какого-то мастера, который написалъ, самого Стадіона выучили подписаться; но уже собираясь подписываться, онъ потребовалъ, чтобы ему прочитали письмо. Прочли, онъ не понимаетъ ничего; ему протолковали по-нѣмецки. Да точно ли такъ написано, спросилъ онъ, и, долго не рѣшаясь подписаться, замѣтилъ: теперь я не удивляюсь, отчего мужикъ не хочетъ подписывать никакой бумаги, хотя совершенно соглашается на словахъ.—Разскажите это Казнакову, пожалуй и Безаку. Это особенно идетъ къ Кіевской губерніи, гдѣ такъ много перемучили народа именно изъ-за подписей при составленіи выкупныхъ актовъ.

На митрополичьемъ служеніи не былъ, потому что митрополитъ только въ великіе праздники служитъ торжественно обѣдню, въ обыкновенные же воскресные и праздничные дни имѣетъ *шептану* или шипучку, которую служитъ, какъ простой священникъ. Въ богослуженіи галиційскомъ это, кажется, единственный остатокъ латинства, во всемъ прочемъ—они согласны съ нами. Покойный митрополитъ Яхимовичь составилъ было

проектъ очищенія обряда и созвалъ было соборъ для обсужденія и утвержденія; но вдругъ, предъ самымъ соборомъ, скоропостижно умеръ, какъ говоритъ его секретарь, отъ яду, будто бы даннаго ему подкупленнымъ отъ поляковъ слугою. Проектъ этотъ хранится у того же секретаря. Яхимовичъ доходилъ до того, что хотѣлъ надѣть на священниковъ наши рясы и отростить бороды. Тайкомъ и теперь нѣкоторые священники носятъ рясы, по крайней мѣрѣ говорили мнѣ, что у нихъ есть рясы. Всѣ открыто говорятъ, что шизмы они не боятся, равно и москіевщины, а надъ уніею и папою просто подсмѣиваются. Ненависть къ полякамъ невѣроятная. Въ театральныхъ піесахъ то и дѣло поддѣваютъ поляковъ и то, какъ они знищили Русь. Такія мѣста возбуждаютъ неистовый фуроръ. Въ одной піесѣ выступаетъ священникъ-благодѣтель сиротъ, который въ заключеніе поетъ обрученной четѣ наставленіе, кончающееся словами: *своеи матери Руси та й не забувайте.* Вы не можете представить, до чего доходитъ изступленіе публики при этихъ послѣднихъ словахъ. Многіе рѣшительно плакали. Не напрасно Львовскій русскій театръ называется на всѣхъ афишахъ *народнымъ*.

Книгу *Народовѣданіе*, данную вами, я оставилъ для перепечатыванія, если Черкасскій не откажется отъ своего обѣщанія—выписать для Холмскихъ церквей экземпляровъ 400. Петрусѣвичъ говорилъ, что въ Галиціи эта книга весьма почитается.

Учителей для гимназіи и школъ народныхъ нашлось довольно. Наука стоитъ тамъ высоко; духовенство русское несравненно образованнѣе католическаго, что сознаютъ и сами поляки. Внѣшнее благочестіе и дисциплина въ упадкѣ. Въ клубѣ подъ день *Введенія* священники преспокойно поигрывали въ карты.

Въ другой разъ поговорю еще о Галиціи, а теперь о нѣкоторыхъ другихъ предметахъ. Дахновичъ выслалъ вамъ деньги, и вы, конечно, уже получили ихъ. Деньги за Соломоновскаго вышлю чрезъ Дахновича, который ѣдетъ на этой недѣлѣ въ Кіевъ.Варгулѣвичъ согласился на 150 р., но я позабочусь уве-

личить какимъ-нибудь способомъ его окладъ. Онъ очень хорошій учитель. Каченовскій не такъ-то и надоѣлъ мнѣ, приставая за 300 р., хотя я далъ ему единственное въ дирекціи мѣсто въ двухклассномъ училищѣ на 200 р. Похилѣвичъ пусть подождетъ, если хочетъ болѣе, чѣмъ 150 р. Дѣло въ томъ, что Витте, лично и въ письмѣ обѣщавшій дать и 300 р. окончившимъ курсъ д. семинаріи, отказался потомъ, какъ только ему отказали въ Совѣтѣ Управленія; но я не теряю надежды исхлопотать высшій окладъ окончившимъ курсъ семинаріи.

Сейчасъ получилъ отъ Витте письмо; онъ приглашаетъ пріѣхать въ Варшаву и, хотя прибавляетъ: „я не требую, такъ какъ это сопряжено съ издержками“, но ѣхать все-таки надо.

Милютинъ позавчера пріѣхалъ въ Варшаву, и Витте хочется, чтобы я лично представился ему и объяснилъ положеніе дѣлъ въ Холмщинѣ и Галиціи. Ѣду завтра, но возвращусь не позже, какъ чрезъ недѣлю.

13—25 декабря 1865 г. Г. Холмъ.

Братства православнаго нѣтъ и не было въ Львовѣ съ 1717 г., какъ увѣряли меня Петрусѣвичъ и Шараневичъ—великіе историки и мѣстные жители. Всѣ мои распросы по этому предмету оказались тщетными. Есть православная церковь, священникъ и самое малое число прихожанъ. Церковь помѣщается въ домѣ. Хотѣли строиться и просили мѣста, но мѣста не дали, и дѣло не состоялось.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Морозенко.

I.

— Спы, Пылыпку, спы!.. Онъ чуешъ, яке на двори схопылося? Гуркоче, гуде, та вые... Розгулявся Морозенко! Нема впыну старому дидузи: ажъ пыщыть усе, а винъ, немылосердный, давыть... Знаешъ Оленченого Андрійка? Укусывъ бидного за пальчыкъ, ажъ ногтыкъ побиливъ, пучка опухла. Теперъ маты ёго и вовтузытця зъ нымъ: не знае, сердешна, яку ему пораду даты... Почне одтераты—Андрійко плаче: пальчыкъ болыть; давай хукаты, одигриваты—а хлопья ще дужче займаетця... А все черезъ те, що не слухавъ матери. Маты казала ему: не ходы, сынку, на двиръ: Морозенко лютуе! А винъ не послухавъ—пишовъ... Отъ и вкусывъ его Морозенко за пальчыкъ.—А теперъ обомъ лыхо: Андрійкови лыхо—пальчыкъ болыть, а матери друге—Андрійко нездужа!

Такъ зъ вечора на Меланкы казала Катря Зайчыха своему семылитнёму сынови Пылыпкови, забывшысь зъ нымъ видъ страшенного холоду ажъ за коминъ, у самый теплый куточокъ печи.

Було ще не пизно—тилько почынало смеркаты, а Катря вже зовсимъ на пичъ забралася. Не знаты видъ кого й за для чого синешни двери закрутыла; хатни защипнула... Зняла невелычкый каганчыкъ съ полыци, засвитыла—и мерщи побралася зъ сыномъ на пичъ, захопывшы й свитло зъ собою.

Черепьяный каганчыкъ, що вылупыла его Катря зъ розбытого кашныка, зъ каплею рыжіевои оліи на дни, ледве блымавъ у темному кутку своею сызою горошыною на кинци кгнота;

пузатый коминъ заслонявъ той пидслипый свитъ видъ хатнёго мороку; на печи хочъ сякый-такый свитъ борюкався съ темнотою, за те хату окрывалы непрогляднп померкы... Выдно, свитъ неохочый заглядаты въ темни прыстановыща, де ховаютця злыдни видъ холоду! Та й що тамъ було освичуваты? Хатни голи стины—полупани; морозъ повыступавъ на ихъ сызымъ иніемъ; чорни двери розмалювавъ винъ билымы вызырункамы, а на шыбкахъ повымуровувавъ цили бараны крыгы; тала та крыга по-малу и спускалася по стинахъ ажъ до доливкы чорнымы патёкамы... У кутку пидъ божныцею замисть столу стояла узесенька прымостка на чотырёхъ паколахъ, убытыхъ въ землю... Не лежало на тій прымостци,—якъ у добрыхъ людей буває,—ни хлиба шматочка, ни солы дрибочка; на двохъ голыхъ дошкахъ тіи прымосткы чорнилы тилько диркы, де булы колысь сучкы, що повыгнывалы, та повыпадалы. А вгори зъ кутка выглядавъ невелычкый образъ—не знать святого, чи святои, бо на ёму малюнокъ потемнивъ, позлущувався, одни тилько чорни очи сумно визыралы зъ пожовклого облыччя, не мовъ скаржылыся на холодъ, та голодъ, що доводылося терпиты хозяинамъ хаты... А насупроты столу, мижъ череватою пичкою и другою стиною, прытулывся пилъ зъ чотырёхъ тоненькыхъ дранычокъ, такыхъ хысткыхъ, що воны хыталыся та вгыналыся и тоди, якъ хто до ихъ пидходывъ, немовъ перестерегалы не накладуваты на ихъ ничого, щобъ бува не проломылыся. Та на ихъ и не лежало ничого—пустисинькі, та голисинькі, якъ и та гола та дебела жертка, що высила у кутку надъ поломъ. И на вищо іи тамъ прывишено?.. У день, правда, на ій бовталося лыхе ряденце, а на ничъ вона зоставалася голою дровынякою, прычепленою наче на те, що колы кому заманетьця—було-бъ де повисытысь... И—дыво дывне!—якъ це Катри николы не западала така лыха думка, колы кругомъ неи було таке убожество непроглядне, нужда та недостача безмирни, холодни та голодни злыдни!

Одначе, тобъ було ще дывнійше, якъ бы въ Катрыній голови заклюнулась така чорна думка въ ночи на Меланкы, якъ разъ передъ Васыллямъ!.. Всякому звисно, що въ ту ничъ ста-

рый рикъ кинчаетця, а новый зачынаетця... На вики вични старый зныкне, занесе зъ собою и добре и лыхе, поховае пережыте й перемучене и страждраннямъ закручене; а колы що й зоставыть у людскій схованци-спомынци, то все жъ то буде не кыпуче жыття-страждання, а тилько спогадка про ёго, не жыве въидлыве лыхо, а тилько ёго холодна облуда... На томисть новый рикъ прыйде, нови надіи прынесе зъ собою, а за ными, може, хочъ невелыку крыхотку щастя... Та багатому багато ёго треба, а бидному—и то гараздъ, колы буде що на завтра кусаты, буде чымъ забезпечытысь видъ холоду!

У Катри вси ти запасы якъ-разъ на Меланкы выйшлы. Ще зъ осены вона зъ ными тяглася та державлася: скупылась и хлибомъ, и топлывомъ, думала перехопытысь черезъ зиму... Та ба! Объ Риздви вона побачыла, що не тилько черезъ зиму, а хочъ бы черезъ святкы перехопытысь... „Тилько бъ черезъ святкы! дума. А тамъ—робоча пора настане... У багатыхъ людей назбираетця не мало чорнои одежи, поношеного билля,— треба его попраты... Пиду до кого, або хто поклыче... може хочъ на хлибъ перепаде! А може въ кого трисочокъ або кизячкивъ выпрошу: буде чымъ у хати прокурыты... Такъ и перетягну черезъ зиму,—абы черезъ свята!“

И отъ сёгодни у день Катря послидню мысочку борошеньця вытрусыла, щобъ зпекты сяку-таку перепиканку; послидне полинце спалыла, щобъ спекты іи; послидній бурячокъ у борщъ покрышыла, послидню пучку солы въ ёго вкынула... „Очыстылася! Зовсимъ очыстылась... На завтра хочъ и въ рай святый, то чыста!„ думала Катря, пораючысь биля печи.

Покы середъ черино лежало трюхле полинце, дожыдаючы пидпалу, Катря була нибы покійна. Правда, чорни думкы и тоди вже снувалы по іи облыччю, нерадисно свитылы карымы очыма... А якъ вона запалыла останне полинце, якъ огненни языкы обхопылы ёго кругомъ, то ій здалося, буцимъ то іи серце горыть-палае!.. А якъ почавъ борщъ укипаты, то въ іи серци таки кыпьяткы пиднялыся, що якъ вона ни крепылася, а не выдержала...

— Пылыпку! сыночку мій! Що мы будемо завтра йисты? скрыкнула вона—и гарячою течіею гиркыхъ слизъ полылыся ти кыпьяткы зъ очей до долу...

Пылыпко пидскочывъ до матери, прыпавъ до іи облыччя и тыхо промовывъ.

— Цыть, мамо, цыть! Завтра, мамочко, новый годъ... Я завтра пиду до хрещеного батька посыпаты... Дасть мени батько сороковку грошей, а дядына—велыку паляныцю, ще й ковбасу напрыдачу... Отъ и буде намъ що йисты! А на гроши топлыва купымо... багато-багато, щобъ на усю зиму стало!

Катря утыхомырылася. Та якъ же було й не утыхомырытыся, колы сынъ обицяе таки багати прыносы?

А Пылыпко, якъ тилько знову заклопоталася маты, уже и зъ хаты махнувъ.

— Куды ты, розхристаный та неодягненый? Морозъ на двори лютый! крыкнула вона ему навдогинци.

— Я на хвылыночку, мамо... Я заразъ и вернуся.

Справди Пылыпко не забарывся. Ускочывъ у хату—якъ пупъ сыній, зубамы цокоче.

— А що, не я тоби казала: не йды? И куды ты ходывъ?

— Я за пашнею, мамочко, бигавъ.

— За чымъ?

— За пашнею. Сусидній хлопець обицявся пашни на посыпання даты... Я до ёго бигавъ... Ось вона,—такъ зъ рукавычкою и отдавъ,—хвалытця сынъ, показуючы матери рукавычку.—Та тутъ, мамо, не тилько пашня и горохъ е, и квасоля... всёго насыпавъ Хведиръ!

— И куды ты, сыну, пидешъ по такому холоду?

— Якъ куды? Кажу жъ: до хрещеного батька...

— Господь зъ нымъ, дытыно моя! Хиба блыгый свитъ до его тёпатыся? Якъ черезъ лисъ—то тры, а шляхомъ—пьять верстовъ буде... Ще змерзнешъ у дорози!

— Я змерзну?.. Та я литомъ було на одній нози до ёго достробаю!

— То литомъ, сыну, а це—зимою... Шляху немае, снигы глыбоки... загрузнешъ де-небудь, та й не вылизешъ... Не ходы, мій голубе! Хай, якъ потепліе, тоди пидешъ...

— А що жъ мы завтра будемо йисты? чымъ хату натопымо?—спытався сынъ, зазыраючы матери у вичи.

Вона ажъ стрипнулася, мовъ хто колючу голку встромывъ у іи серце... „Боже мій! у таки лита, та чымъ свою головоньку винъ клопоче?!“—подумала вона, ледве здержуючы слезы... И, прыгорнувшы сына до себе, почала его умовляты:

— Не клопочы, сыну, про завтрашне,—Господь мылосердный объ насъ поклопоче. Ты у мене—малый... одна въ мене утиха и надія. Не доведы Боже, лучытця що съ тобою недобре, на вищо тоди и мени на билому свитоньку жыты?... Не ходы, сынку!... Не ходы, моя дытыно ридна!

— Я бъ, мамо, й не пишовъ, та якъ же Хведорови рукавычку назадъ вертаты?... Ты—скаже—не ходывъ... ще сміятыся буде.

— Мы пашню высыплемо, а рукавычку оддамо... Не ходы, мій голубчыку! Ты жъ у мене слухняный,—послухайся мене: не ходы!... И почала голубыты Пылыпка.

— Ну, добре,—не пиду вже... тилько не вбывайтеся такъ, мамочко! упрохувавъ уже Пылыпко матиръ, цилуючы іи и въ лобъ, и въ щокы.

Катря наче заспокоилась, а про те неймовирна думка не кыдала іи головы, клопотала іи... Вона знала свого Пылыпка, якый винъ уразлывый до чужого горя... То жъ до чужого, а до свого? Хиба винъ не чувъ, якымъ вона несамовытымъ голосомъ заволала, останни запасы вытрушуючы на сёгодни? Хиба винъ не бачывъ по іи заплаканыхъ очихъ, яка ризуча мука на стократъ крае іи серце? Хиба вона не знае, якъ ти слёзы й та мука боляче упынаютця въ его жалислыве серце?... Та винъ на що хочъ пиде, абы ёго маты не плакала... Винъ и обдурыты обдуре—абы іи заспокоиты.

Вона не помылылася. Пылыпко, умовляючы матиръ, тилько заспокоювавъ іи. Въ ёго малій головоньци гвиздкомъ стремила думка: отъ хочъ бы що—а питы посыпаты! И торикъ винъ

ходывъ—ще менчымъ... Хрещеный батько давъ ёму сороковку грошей... Шагивъ зъ пьять винъ выпосыпавъ по селу... То жъ торикъ було, тоди винъ бувъ малымъ, а теперъ... Теперъ винъ дядыни скаже, що у ихъ ничого йисты... Дядына добра людына, — надае ему и хлиба, и ковбасъ... Отто винъ звеселыть матиръ, якъ нанесе до дому подарункивъ!... „Маты стращае, що я змерзну... И чого бъ я змерзъ?... Та я—якъ чкурну, ажъ закурыть! Мени абы съ хаты выбратысь, щобъ не запрымитыла маты, а тамъ...“

— Ты бъ, сынку, сёгодни виддавъ Хведорови рукавычку,—трохы зъ-годомъ почала Катря... Ну я сама спорожню, та й виднесу назадъ. Скажу: у насъ своя е... Дай сюды рукавычку!

— Такъ я, мамо, похвалывся Хведорови, що въ насъ рукавычки немае. Хай я завтра у обидъ самъ ему виддамъ, а то у брехунахъ зостануся.

— Ну, добре... Хай и по твоему буде!—одказала зитхнувшы Катря и почала у хати поратысь.

Пылыпко соби буцимъ загрався, а тымъ часомъ прыгадувавъ, куды бъ ёго заховаты рукавычку, щобъ маты не побачыла. Винъ теперъ каявся, що похвалывся матери про неи... Не похвалыся—маты бъ ничого не знала, не клопоталася; а теперъ не одстане... одно товктыме: не ходы, та не ходы.

Тилько що маты выйшла чогось на двиръ, винъ зразу схопывся, метнувъ очыма по хати, побачывъ непрымитне мисце мижъ пичью и паколомъ видъ полу,—и мерщи ткнувъ туды рукавычку.

— Сыды тамъ, та не пысны! скрыкнувъ на неи, и посварывсь невелычкымъ пальчыкомъ, мовъ на кого жывого.

Рукавычка выставыла до его напалька, наче, глузуючы, дражныла: отъ же визьму, та й похвалюся! Отъ тилько маты на портгъ,—а я заразъ ій на очи!

— Бачъ, яка осоружна: я іи прошу, а вона, мовъ нарошне, выставляетця!.. Пидожды жъ ты!

И винъ побрався ажъ пидъ пилъ, щобъ переховаты рукавычку.

Катря, вернувшысь зъ надвору, здывувалася—де це Пылыпко? куды ёму дитыся?... Чи не на печи? подумала и, несподиваючысь ничого, пидійшла до полу, вазыраючи на пичъ.

— Сыну! де ты? спытала.

— Гаррр... загаркавъ Пылыпко зъ пидъ полу, удряпнувшы матиръ за чобитъ... Катря зъ жаху одскочыла ажъ насередъ хаты.

— Ненечко! матиночко! Злякалыся? выскочывшы зъ пидъ полу, скрыкнувъ Пылыпко и повысъ у неи на рукахъ.

Винъ усмихався до неи и рожевымъ своимъ лыченькомъ, и яснымы оченятамы, и билымы, мовъ жерновкы, зубенятамы.

— Нехай тоби, сыну, добро снытця,—якъ ты злякавъ мене! промовыла вона, пиднимаючы его у гору, и прыгорнула до себе.

Пылыпко вчепывся за матерыну шыю ,рукамы, прыпавъ до неи головою,—и такъ утишно на всю хату залывався!.. Не маючы съ кымъ погратыся, винъ пустувавъ теперъ хочъ зъ матирью.

Маты соби радила. Хай дытына краще бавытця, нижъ буде сушыты себе важнымы думкамы! Поцилувавшы сына у лобъ и въ росхристану голу душу, ажъ трычи мицно поцилувавшы, вона донесла его до полу и, положывшы на тонки дранечкы, ще разъ поцилувала... Не знать де й дилася недавня туга, сумъ, та журба гирка!

— Моя дытыночко ридна! Мій сыночку коханый!... Краще такъ забавлятыся, нижъ пидешъ куды—не знать за чымъ! нагадала знову Катря.

— Та я жъ вамъ казавъ уже, мамо, що не пиду! Яки бо вы неймовирни!—обизвався винъ зъ докоромъ.

— Чую, чую, моя дытоно. Я знаю—ты слухняный... Ты послухаешся своеи матеры! палко шептала Катря, а про те думка про сынови замиры не выдала іи головы.

Вона зійшла до неи и тоди, якъ Катря послалася и лягла съ сыномъ спаты. Черезъ те вона й на-добраничъ загомонила зъ сыномъ, щобъ одвернуты ёго видъ его замиру—иты посы-

паты; стала лякаты Морозенкомъ, що вкусывъ Оленченого Андрійка за пальчыкъ.

— Та я, мамо, не боюся Морозенка, одказавъ Пылыпко,— не страшный винъ мени! Андрійко малый, не знавъ що робыты,— то винъ ёго и вкусывъ за пальчыкъ; а я—не боюся ёго!... Якъ-бы винъ ставъ мене кусаты,—то я бъ ёго,—по зубахъ, по зубахъ!

— Ни, сыну, и ты бійся ёго,—хай ёму всячына! Може бъ и Андрійко оборонывся, якъ бы знавъ, колы винъ нападетця; а то винъ завжде пидходе крадькома... Укусе, та й подавсь дали!

— То якъ же видъ ёго, мамо, й устерегтыся, колы винъ такый? Мы ще тутъ поснемо, а винъ пидкрадетця, та й покусае.

— Тутъ не покусае, сыну, бо тутъ тепло... И зубы въ ёго ростануть, якъ винъ пидкрадетця до насъ.

— А де жъ винъ жыве? де ёго хата? спытався Пылыпко.

— На двори, сыну... Де вихало найстрашнише, та холодъ найлютишый—тамъ ёго й хата...

— Якъ же винъ не змерзне, мамо? Ты кажешь, що винъ старый, а отъ—не боитця холоду.

— Чого жъ ёму боятыся, колы винъ и е самъ холодъ.

Пылыпко задумався. Дывно ёму и чудно ёму... Винъ знае, що таке холодъ, винъ бачывъ не разъ и вихало... Непрывитне все те, дошкуляе... Оже щобъ то було старе або молоде—винъ не знае, щобъ мало облыччя—не бачывъ... А отъ маты дидуганомъ Морозенка взывае... Винъ знае и дида—старого, горбатого, зъ билою бородою и запалымы пидслипуватымы очыма... Оже то дидъ добрый—ничого не зашкодыть. А отъ Морозенко,— каже маты,—кусаетця...

— Мамо! А бачывъ хто Морозенка, якый винъ?

— Не знаю, моя дытыно... Я не бачыла, то й не знаю. А люде кажуть, що винъ старый-старый, та кремезный... Голова—зъ гору; замисть волосся, укрыта снигомъ; а борода сплетена зъ довгыхъ-предовгыхъ вискрякивъ, що намерзають у ясный день пидъ стрихами... А нищо такъ у ёго—якъ зубы! Наче голочкы, гостри, тонки—непрымитны; винъ якъ кусае ними, то

впускае у тило... Черезъ те воно такъ и болыть, та трудыть, якъ винъ угородыть въ ёго свои зубы!

— И очи е въ ёго, мамо?

— Е, сыну... Кажуть: очи въ ёго зъ крыгы—билы та блыскучи, отъ якъ тонки скалочкы зъ лёду бувають, тилько замисто чоловичкивъ у ихъ холодны огныки свитять... Страшни таки очи, крый Господы! Якъ наведе винъ ными на кого,—такъ наскризь холодомъ и проныже!

— А ногы винъ мае? и рукы?

— Е ногы и рукы... Ногы—въ земли, не выдно; а рукы—довжелезни хапала; винъ ными завжде махае... Холодомъ дыхне, а рукамы махне,—такъ по всёму свиту снигомъ та холодомъ и стеле... А якъ розсердытця чого, то ще дужче рукамы замахае,—тоди уже циле вихало здіймае.

— Нехай ему всячына, якый винъ страшный, мамо! глыбоко зитхнувшы, мовывъ Пылыпко.

— Страшный, сыну... А найстрашнишый малымъ диткамъ. Винъ ихъ любыть кусаты, а часомъ и зовсимъ соби забирае.

— Я жъ, мамо, не малый; мени ёго ничого боятця.

— Бійся и ты сынку. Ты велыкый на те, щобъ тебе у гору пидняты, або матери на рукы взяты; а Морозенкови—ты саме впору. Такихъ, якъ ты, винъ найбильшъ долюбляе... Часомъ бувае, вы выскочыте на двиръ,—то винъ заразъ и почне зъ вамы заграваты: за пальчыкы кусае, або за носа лове, а то—на щоци улипе такого холодного поцилунку, що видъ ёго ажъ шкура побиліе, а потимъ—геть злущытця... То жъ—колы винъ васъ у сели, не далеко видъ доживкы застукае, а якъ—не доведы Боже!—де въ голому поли, або у лиси заскоче,—то тамъ уже и душу вытягне.

Пылыпко замовкъ, прытаившы духа; мовчала и Катря. Завдавшы сынови такого страху, вона була певна, що винъ побоитця питы посыпаты. Ій тилько того и треба, щобъ винъ не зирвався у такый холодъ, въ таку далеку путь! Ій самій, прывышній до всякои лыхои годыны—и то часомъ ажъ плачъ бере, якъ выскоче на двиръ... А тожъ то ёму—малому! безъ одежы

теплои, безъ чобитъ добрыхъ... Хай трохы попомліе душею видъ страху, а якъ засне—переспыть... Страхъ мынетця, забудутця ти страховыща, що душу лякалы, сонъ своимъ спокоемъ все те заснуе; а все жъ зостанетця спомынка про ту страховыну и та спомынка одхасне сына видъ лыхого замиру.

Вона глянула на ёго. Пылыпко не спавъ, лежавъ тыхо; шыроко роскрыти очи напрямылыся у кутокъ печи; винъ ными и не змыльне—такъ дывытця прыкро... Куды винъ дывытця? що винъ тамъ вбачае?.. Винъ никуды не дывытця... Поглядъ ёго ганяетця за таемною думкою, що стоить передъ нымъ нерозгаданою марою,—якъ той нерозгаданый страхъ, що опанувавъ ёго душу и серце... Що воно? видкиля воно?... не пытайте!.. Чутно тилько, якъ оте страховыще пронызуе ёго мале серце, якъ воно кыдаетця у кожній жылотци,—озываетця у кожному сустави... Оже назваты ёго—не пидберешъ слова; пійматы й розглядиты—не натрапышъ часу... Такъ пробигае блыскавыця черезъ наше тило: не счуешся звидкы—свитне, проныже и—не знать куды зныкне...

— Сыночку! пизно вже... ты спавъ бы. Ну, я тебе перехрещу, щобъ нищо лыхе до тебе сонного не прыставало,—мовыла Катря, дывлючысь на замыслене лыченько Пылыпкове, и начала его хрестыты, а перехрестывши, здавыла злегенька за носыкъ—Пылыпко усмихнувся,повернувся бокомъ до матери. Тыха дримота почала ёго колыхаты, злегка закрываючы очи... Незабаромъ писля того винъ заснувъ.

II.

Прыспавши сына, зосталася Катря одна зъ своимы думкамы самотнымы. Невесели воны булы у неи! Та й кому зійде на думку радисть, колы на завтра ничого йисты, ничымъ въ хати прокурыты у люти морозы?... Якъ не забывай соби бакы инчымы гадкамы, а думка про що-денни потребы скаредного жыття верне тебе до ёго, почне крутыты та вертиты коло ёго,—отъ якъ крутятця голубы надъ пожежою... Дарма имъ, що посма-

лятся крыла; байдуже, що незабаромъ огонь пожре ихъ тило, якъ до сёго пожеръ ихъ захыстъ—оселю: несподиване страховыще вабыть ихъ, тягне до себе... Кругомъ чорный морокъ, дымыще та курыще розипьялося, а пидъ нымы—такъ выдно та ясно! Докы сылы стае, шугають воны, сполохани зъ гниздъ своихъ, надъ шырокымъ полумьямъ, въ дыму та курыщи, въ горячимъ видъ палу повитри,—покы не посмалятця. Тоди видъ знемогы опукою падають у жарке огныще.

Чоловикъ—не птыця, Катря—не голубка... Хочъ кругомъ неи выхорылась пожежа злыденного жыття, душыла дымомъ та чадомъ іи знеможену душу; хочъ у тому чорному дыму и крутылысь та вертилысь іи самотни гирки думы,—та не падалы воны на огныще, не смалылысь и не горилы; а ще бильше роспросторювалысь и гулялы соби по воли—не на безкраимъ просторі, а въ холодній хатыни, бьючысь объ сыри стины, заглядаючы у голи куткы, прыслухаючысь до пекучихъ перебоивъ серця... То ій учувалася своя голодна печія, то сынивъ безпомошный выкрыкъ: „мамочко, йисткы хочу! мамочко, папки! мамочко, змерзъ—холодно!"

Ну, що, справди, дасть вона завтра сынови йисты? Чымъ прокуре черевату пичъ, щобъ обигриты ёго, малого?... Питы у кого позычаты? Хто жъ ій позыче?... Чи може, Хрыста рады руку простягты?—Хто жъ на те зверне увагу?—Гладка, скажуть, не хоче робыты, та въ старци пошылася!... Ну, та може хто й зглянетця, зарятуе на день або другый... А тамъ же? а дали? Колы-бъ вона сама була, то байдуже ій журытыся... Хиба мало высокого дерева въ лиси, глыбокыхъ ополонокъ на ричци? Тилько бъ, може, нагнулася довга гилька надъ тиломъ, або зашумила вода по-пидъ лёдомъ, сердячысь, що хтось незвычайный зрушывъ іи сонный покій!... А отъ биля боку лежыть іи втиха й надія, спочывае іи крыхотка серця, що вона съ такымъ болемъ одирвала видъ свого и пустыла на свитъ окремнымъ жыттямъ... Все на свити пережыветця й мынетця; все замовкне, якъ и мы сами замовкнемо; все зныкне, якъ тинь та, колы мы очи закрыемъ,—одно зостанетця—*воно*,—наша частка, що звязуе

мертвого зъ жывымъ, нагадуе жывому про померщого; та нытка, що тягнетця безъ перерыву черезъ сотни, тысячи викивъ... Не дай, Господы, вона перерветця!

Черезъ те Катря бильше болила за сына, нижъ за себе. Та й чого ій за себе болиты, колы все, що було доброго та жывого у души, такъ перетрюхло та перемлило, такою корою покрылося, що ничому уже проломыты іи!

Чого тилько вона не пережыла на своимъ вику, не звидала? Десяты литъ вона зосталася сыротою, безъ батька, безъ матери, у паньскому двори. Не на те прымостыла іи тамъ доля, щобъ на воли росты, якъ былына въ поли,—а щобъ пидставляты свою спыну пидъ нагальну працю, томыты свою сырітьску голову чужымы клопотамы, выслухуваты докоры та нарикання, скоштуваты стусана и духопелыка видъ кожного, въ кого засверблять рукы... Батька іи ще замолоду въ москали виддалы, щобъ знавъ, якъ треба корытыся крепацькій доли; а маты сохла та склила, покы зовсимъ не зосклила, покынувшы на билому свити одынадцятылитню сыроту... Зосталася вона однымъ одна зъ Зайцёвого роду. Булы, правда, дядькы та титкы зъ матернёго боку, та ти за дворомъ жылы, а туды заходылы тилько въ рядыгоды, щобъ часомъ поманыты іи сухаремъ зъ остюкамы... Була ще въ неи хрещена маты, що колы-не-колы мыла й чесала іи, та булы паньски индычата, що вона пасла малою, а бильше никого блызького не було. Индычата ій найблызчи булы. Вона зъ нымы росла, нымы втишалася. Оце набере у пазуху невелычкыхъ индычатъ, та й майне зъ нымы по степу... Стари индыки курлюкають женутця за нею... А вона наче витеръ степомъ гуляе; залываетця реготомъ, бо индычата, пидскакуючы у пазушыни, лоскочуть іи по-пидъ бокамы... А якъ побильшають индычата, почнуть добиратысь ростомъ до старыхъ индыкивъ, то вона начне на ихъ гукаты, свыстаты,—и знову—регоче, колы воны до неи, наче москали на муштри, уси разомъ забелькочуть... Дурныця! дытячи забавки та вытребенькы, за яки не разъ птышныця чесала рукы объ іи спыну... Силькись! Колы та дурныця забавляе насъ, тишыть,—то чомъ же

й не потишытысь нею?... Хиба не такъ само бавлятця люде, гоняючысь за достаткомъ, почотомъ, славою? Та-жъ сама дурныця, тилько инчои поры, инчихъ литъ!... Одно тилько: невелычка Катруся, бавлячысь зъ индычатамы, сама себе забавляла и видъ іи играшокъ не було никому ніякои втраты, хочъ птышныця, засылаючы духопелыка, и гукала що сылы: „ты жъ, сучко, напелехавши повну пазуху индычатъ, подавышъ ихъ!"— А мы, ганяючысь за достаткомъ, почотомъ, та славою, такъ часомъ бавымось съ людьмы, що видъ нашыхъ забавокъ бувае имъ дуже солоно!... Намъ байдуже про те, якъ було байдуже и Катри—чи краще индычатамъ по степу биля старыхъ индыкивъ бигаты, чи у іи пазушыны пыщаты... Вона знала одно: це іи забавляло, вона и бавылася... Маленька-дурненька! Та й теперъ, выдно, вона не порозумнишала, бо прыгадавши давне, трохи не скрыкнула: „и чому я до вику не зосталася невелычкою дивчынкою зъ невелычкымы индычатамы?!..."

Такъ думала Катря, та не такъ судыла мачуха-доля.

Мынуло ій пятнадцять литъ. Вона тилько-тилько що стала роспускатыся, якъ та рожева квитка въ ранци на зори, стыгнуты и налыватыся, якъ червонобоки яблука объ Спаса... Ясне сонце та запашне степове повитря допомагалы роботи дивоцькихъ литъ... Высока Катря та брава, на лыци якъ калына, чорне волосся, наче хмиль, кучерямы обвывае іи голову; кари очи такъ утишно выглядають въ-пидъ довгыхъ вій; загара на облычи доводе, що не буряковый квасъ, а горяча кровъ дзюрыть у іи жылахъ.

Разъ іи углядивъ панъ—и... Катря видъ индычатъ піймала у горнышни. Вона не скаже, щобъ тамъ ій жылося погано: було ій удоволь и пыты, и йисты, и въ чому походыты; одно тилько: не було воли! Ій хотилося, якъ тому витрови, по степу ганяты, надыхатысь полёвого повитря, щобъ ажъ у грудихъ займалось, нажарытысь на сонци палючому—що якъ не займетця!... А вона мусила сыдиты у чотырёхъ стинахъ, та хиба колы-не-колы по садку походыты, въ холодку та въ тини, куды тилько кризъ густе гилля пробываетця ясне соняшне проминня...

Полёва былына, вона не прызвычаена до густои садовои тини. Чорна загара геть спала зъ іи повного выду—билый винъ у неи, та свижый, мовъ пылюсточка зъ рожевои квиткы; волосся видъ пахучои масты, та що-денно вычисування выривнялось та выточылось—не стерчыть на голови кучерявымъ хмелемъ, а гладенько прычесане, ривно облягае кругомъ іи билого чола; сама вона ще пиднялась, выривнялась, налылася, немовъ обточена стала... очей не одирвешъ видъ неи!... То все було зъ-околу. А що було на души у Катри, що заводылось у іи серци?— Вона никому не казала, та іи нихто й не пытавъ... „Яке несподиване щастя выпало Катри!—гомонилы дворови:—що було зъ неи, а чымъ теперъ стала? Сказано: не родысь вродлывымъ, а родысь щаслывымъ“...—„Брехня! думала Катря:—черезъ ту вроду не маю я щастя зъ-роду!“

Незабаромъ писля того выйшла воля. Все зашумило кругомъ; прорвалася гребля людскій сподиванци на краще жыття... Цили довги викы мостылы та гатылы іи, держалы въ запруди ту велыку воду; а це вона зразу прорвала ту мицну греблю и понеслася шырокою течіею по селахъ, хуторахъ. На дывовыжу усимъ дворовымъ вынесла та течія и паньску горнышну Катрю зъ двору на... волю! Крепакы за те трохы іи на рукахъ не носылы... „Сказано: своя кистка, своя кровъ! не обросте вона жыромъ у роскошахъ—до свого ридного обизветця!“... Булы, правда, и таки, що казалы: „Дурна, дурна, Катря, та не розумна! и щобъ тамъ зъ нею сталося, якъ бы вона зосталася у двори?... Ни, заманулося свого хлиба, воли... Побачыть, яка та воля,—якъ не разъ, не два голодна й холодна посыдыть!“—Оже Катря не потурала на те: ій прытьмомъ захотилось воли—и вона поплыла за тіею бурлывою течіею, що, знявшысь зъ дворивъ, понеслася по всёму широкому краи, выгукуючы та выкрыкуючы: „хочъ гирше, абы инче! Буде нашымъ ворогамъ чужымъ потомъ умыватыся, нашою кровью упыватыся!“...

Пишла Катря у село до дядька та дядыны, та не довго була у родычивъ. Не ій молодій, та дизнавшій роскоши, було мырытыся зь тымъ мозолянымъ хлиборобськымъ жыттямъ, до

якого прыкрутыла доля іи родичивъ. Ще покы стояла весна-красна, зъ тепломъ прывитнымъ, зъ цвитомъ роскошнымъ, зъ запашнымы лугамы та степамы,—вона по ныхъ швендяла, прыгадуючы свои дытячи забавкы. А якъ насталы жныва, зъ довгымы палючымы днямы, невелычкымы короткымы ночамы, зъ важкою похоплывою роботою,—то ій стало не вмичъ: у день немылосердно сонце пече, стерня у рукы й ногы коле, нагальна праця зъ ниг̆ъ валяе, а ничка прыйде,—хвоста того заячого коротча,—ни выспатыся, ни одпочыты якъ треба!... На сылу Катря одбула жныва, та й подалася зъ села у городъ, де стилько галасу та гомону, дыва та чуда усякого. Село, рыючысь у своій чорноземли, середъ пидметивъ та горбдивъ, гараздъ не зрозуміе городського жыття. Байдуже кротови, що поверхъ ёго узенькои норы прывитно сяе ясне сонечко, а въ проворому повитри литають и радисно щебечуть усяки пташкы! Дарма й сонцеви, що у глухыхъ нетрахъ земли рыетця якесь слипороде звиря: хай соби рыетця, та пидпушуе землю, на котрій тепло, поеднавшысь зъ свитомъ, зародыть таку буйну рослыну! Сильвись и пташкамъ—видкиля беретця ихъ жывнисть: куды окомъ не скынь, де не прыткнысь—всюды іи багато: а колы хто зжене зъ одного стебля, то недалеко и друге... тилько знятысь, та перелетиты!... Всякому своя доля: одынъ, рукъ не покладаючы, працюе, а другый—ёго працю безъ клопоту пойидае!

Катри сперш у подобалось городське жыття: хатня робота не важка, зайвого часу чи мало, и дыва усякого багато... А до того ще: уродлыва та прыздоровью Катря кыдаетця кожному въ вичи! Вытрищаются пидслипи очи, уздрившы передъ собою полёву квитку; загра-затипаетця порожне серце, якъ заманячыть передъ нымъ брава дивоча постать! Не дыво, що Катря не мала одбою одъ влеслывыхъ ричей, та здывованыхъ очей... И москаль середъ муштры до неи бровамы моргае; и шевчыкъ або кравчыкъ посыла ій навздогинци таки солодкословни прывиты, що у неи ажъ духъ сперае у грудяхъ; и блиднолыци панычи, стринувшысь зъ нею—ожывають, проясняютця, и геть-геть проводять іи своимы очыма... А Катря—земли пидъ собою не чуе!... Ой стережыся, полёва пташко, зъ ныэу блыскучыхъ

котячыхъ очей, а зъ горы быстрыхъ напущивъ хыжыхъ шуликивъ! То воны биля тебе ворожать: одны—крадькома, по-пидъ тынню, а други—зъ-высока, шыряючы у безкраимъ простори сынёго неба... Кожному хочетця жыты: кожному треба жывытысь!

Не вбереглася пташка шулики, якъ не вбереглася и Катря своеи недоли... У сусиднёму двори такый хорошый панычъ и такымы солодкымы медяныками годуе!... Найилася Катря тыхъ солодкыхъ медяныкивъ,—ажъ теперъ ій нудно, якъ про те згадае... Медяныкивъ швыдко не стало: панычъ оженывся на панночци, де вона служыла за горнышну, а ій ткнувъ у жменю дви червоныхъ бумажкы... ажъ у неи въ-воччю видъ ныхъ почервонило!... Спасыби й за те! Все такы не съ порожнимы рукамы прыйдетця въ село вертатысь.

Незабаромъ Катря вернулась до вдовы-дядыны, що пидъ той часъ, поховавшы чоловика, однымъ одна на старости литъ зосталася... Спасыби дядыни—не прогнала Катри и узявшы въ неи гроши до схову, обицяла навить писля смерты оддаты ій свою хату зъ огородомъ... Хочъ та хата й валылася, а огорода того—жменя, а всежъ такы свій захыстъ, свое прыстановыще... И птыця соби гниздечко звывае!

Оселылася Катря въ сели... Пишовъ кругомъ гоминъ про неи; чутно смишкы та пересмишкы: корысна у гбродй зъижа, онъ яки гладки видтиля вертаютця!... Слухала те Катря, та мовчала, навернула лыхо важкымъ гнитомъ горя, та душею млила... Все, що було у іи серци жывого, закаменило; все, що було въ души доброго, зотлило... Зосталыся горе та слёзы, та... Пылыпко зъявывсь на утиху!

Пылыпко іи справди утишывъ. Не було тыхъ любыхъ назвивъ, щобъ вона ёму не прыкладала; не було тыхъ утишныхъ сливъ, которымы бъ вона ёго не взывала!... У ночи не спыть—ёго доглядае. У день—серцемъ за его мліе, колы робота одирве видъ ёго на яку хвылыну. Нема для неи щастя й спокою, якъ биля ёго... Хай соби довги языкы, що хочуть говорять: ротивъ людямъ не позамазуешъ, и слухаты—не переслу-

хаешъ... А *воно*—мале немовлятко... одна въ свити утиха й надія!

Полюбыла й титка мале внуча. Тыхе та утишне, воно стало забавкою старій бабуси. На перебій одна передъ другою хапалы воны ёго на рукы, носылыся зъ нымъ; его забавляючы—самы бавылыся.

Ото пидъ такымъ доглядомъ и рисъ Пылыпко, пиднимався на ноги—и ставъ мазуномъ своихъ и чужыхъ. Уздрившы ёго, чоловикъ зостановытця: гляне на те пышне паньске лыченько, ясни блакытни очыци, та биле и мняке, наче лёнъ волосячко... „Гарный городськый гостынчыкъ,—ничого казаты!“ подума соби. А жинкы—абы де спіймалы Пылыпка, то й зъ рукъ не спускають: та вхопыть, а друга й свои рукы пидставляе, щобъ перехопыты.

Зовсимъ бы добре жылося Пылыпкови, колы бъ було чого у волю йисты. А то не вряды-годы прыходылось однымъ сухаремъ давытысь... Ще покы стара бабуся жыла,—и сякъ, и такъ жылося... Катря пиде на роботу; титка зъ Пылыпкомъ дома. Одынъ Богъ знае, де вона выдерала за-для Пылыпка шматочокъ мнякои паляньічкы, або краечокъ булкы! А якъ стара на той свитъ переставылась,—погиршало на симъ и Пылыпкови, й Катри... Винъ самъ соби дома—голодный та холодный сумуе; а вона—на чужій роботи серцемъ за ёго мліе...

Отакъ не забарылася Катря перебигты трудною думкою довгу й родючу ныву свого безталання—и опивнылася знову въ холодній хати, въ тисному куточку на печи, рядомъ зъ своимъ Пылыпкомъ, що на завтра збирався иты до хрещеного батька посыпаты, щобъ прынесты ій и паляныцю, и ковбасу, и грошей...

Куды ёму йты, та й у чому ёго йты, по такому лютому холоду? подумала Катря... А якъ же ій справди на завтра буты?... Що вона дасть ёму завтра пойисты?... чымъ вона въ хати прокурыть?... Чи то свята земля давнише запасивъ бильше родыла, що ихъ выстачало? чи меньше ихъ утрачалося?... чи може вона тоди молодча була, щырише робыла, бильшъ заробляла?“

И знову невсыпуща журба захопыла іи въ свои цупки обыймыща; занудыло та затрудыло матерыне горяче серце; заскреблася червоточыною у попеклій видъ горя души; важкымъ гнитомъ навернула ясный розумъ... Ни, немае розгадкы, просвитку не выдно!

„Хочъ бы що продаты!"... И вона позырнула кругомъ себе. Пидслипый каганчыкъ ледве прысвичуе съ комина,—допомагае пидслипымъ видъ слизъ очамъ оглядаты злыденне добро... Онъ дирява ряднына чорніе--простяглася пидъ Пылыпкомъ замисто постели. „Кому вона и на-що годытця?"... Онъ невелычка подушечка пиддержуе ёго кучеряву головоньку..." Вона була колысь велыка, зъ пуху... та черезъ килько литъ зносылася, що й не пизнаты... Пуху въ ній, правда, ще багато: якъ-бы розскубты та розбыты—и на велыку бъ стало... Замисть пуху напирныкъ можна соломою або синцемъ набыты... и на соломи щасльвому добре спытця... Отъ, якъ-бы продаты!... Та кому жъ ёго?... колы?... Онъ ще кожушына вовною въ гору, мовъ вивця простяглася... „Колысь за неи двадцять рубливъ давалы... Ще й теперъ можна рубливъ зъ пять зачепыты... Та якъ ёго безъ кожушыны по такому холоду на роботу бигаты... Хочъ бы потеплило швыдче,—у свытци бъ можна... Застарчыла бъ кожушину... Пьять рубливъ гроши... На ныхъ бы мисяцивъ зо два протягты можна, а тамъ—потепліе... Хиба однесты шынкареви въ заставу?... А може тамъ ще що знайдетця?"—Каганець почавъ прымеркаты: останне свитло въ ёму выгорало. По куткахъ печи стовпылысь морокъ та чорна темнота... Катря провела рукою по черени—чи не налапае бува ще чого, про вищо вона, може, забула... Мозоляна рука черкнулася объ суху глыну и загарчала...„ Ни, не забула... не помылылась... ничого бильше немае!" подумала вона и глянула на Пылыпка. Сонна дытына тыхо лежала передъ нею—розхристана, роскыдана. Катря вытягла зъ-пидъ себе другый край рядныны и вкрыла нею сына, поцилувавши ёго у заплющани очи.—Нагорилый кгнитъ блыснувъ, зашкварчавъ... сыза искорка стрильнула у гору—и згасла... У хати зробылося темно, якъ у домовыни.

Катря пидвелася, встала—и почала спускатыся зъ печи на пилъ, зъ полу—до долу. Ось вона босымы ногамы почовпала по холодній доливци прямо до столу. Вхопывшысь рукамы за край ёго, вона звела очи у темный кутокъ... Тамъ ничогисенько не выдно... Силькись: вона знае, що тамъ стоить образъ.—Переночывшы край столу, вона одступыла ступнивъ зо два назадъ—и почала хрестытысь... Мицно сцупывшы пучку, вона ще мицнише почала накладаты нею то на лобъ, то на груды, то на плечи... Чутно було глухе постукуванне середъ темноты, а бильше ничого... Ажъ ось почулось важке зитхання, наче духъ выпирався изъ тила... „Господы!... Боже мій:"... роздався глухый голосъ въ темноти, мовъ вырывався зъ-пидъ земли. Ще трохы згодомъ—щось посунулось, наче упало... То Катря опустылась навколюшкы и замолылася въ голосъ.

— „Господы!... я не вчена Тоби молытысь. Я не зугарна Тебе святымъ словомъ просыты... Я не за себе... Не на мене Ты зглянься,—зглянься на *ёго*!... Дай мени пораду у моимъ гори... Пошлы мени розумъ добуты, чого не стае намъ!... А Ты, Маты Божа—Царыце небесна! Заступныце наша! Напуты ёго на все добре... захысты ёго видъ усего лыхого: видъ холоду и видъ голоду, видъ хворобы та болисты, видъ наглои смерты!"

Дали вона, прыпавшы головою до холоднои доливкы, замовкла. Вся постать у неи тремтила, голова трусылася, слезы рясно-рясно посыпалысь зъ закрытыхъ очей.

Хочъ зарани заходылася Катря высыпаты нымы на новый рикъ свое щастя, а все такы трохы полегшало на души, якъ вона не швыдко пидвелася зъ земли. Хочъ туга серце наче въ жмени давыла, та не ризала его своимы гострымы острогамы!... Поточуючысь, наче чмелена, почовпала Катря назадъ до полу и покарабкалась зъ полу на пичъ. Помацкы налапавшы сына, вона обережно перехрестыла ёго—и на край подушкы, рядомъ зъ ёго кучерявою головонькою, схылыла свою задурену голову.

Чорна непроглядна темнота стояла кругомъ. На двори ревла сердыта буря, стугонила у стины, стребала по осели, выла въ дымари, гуркотила у викна... Катря не дослухалася.

Натомлена важкымы думкамы голова не здужала зъ дослуханнямъ справлятысь, натружене болистю серце забажало спочынку...: Незабаромъ обгорнуло Катрю ниме забуття, захытала дримота, а мицный сонъ прыкрывъ іи своимъ спокоемъ.

III.

Бралося далеко за пивничъ. Позасыпалы люде по своихъ теплыхъ захыстахъ; спыть-дримае земля пидъ глыбокымъ снигомъ; знемигся витеръ, утомылося й вихало--затыхло... Не сплять тилько зори въ далекому неби, та не спыть той старый дидуганъ Морозенко, якымъ Катря лякала свого Пылыпка Билымъ иніемъ чипляетця винъ за дерево, гладенькою крыгою выстылае соби слидъ по снигу, дыше въ повитри такымъ холодомъ, що ажъ кыпыть усе кругомъ ёго. Росходывся сердытый—немылосердно давыть,—колетця видъ ёго натовпу чорна земля; трискаетця на ій снигова кора; дилытця на шматкы товста крыга надъ водою. Глухый бренькитъ видъ того йде по-надъ землею, роспросторюетця въ холодному та густому повитри, а, дойшовшы до лису,—стукаетця объ кожну деревыну. Тамъ, у його темній гущавыни, выють вовкы-сироманци и ихъ голодна писня, якъ той лементъ, розлягаетця по всій околыци... Сумно усюды, холодно й страшно... Кругомъ высыть морокъ, та мла непроглядна буяе, тилько снигы выблыскують трохы, та глупіють зори у высокому неби... Ажъ-ось выплывъ зъ-за горы Волосажаръ и почавъ выблыскуваты своимы зирочкамы, немовъ танцювавъ передъ свитомъ...

У той саме часъ злегенька скрыпнулы синешни двери въ Катрыній хати—и замовклы. Трохы згодомъ рыпнулы й подвирни, выпускаючы Пылыпка на двиръ.—Загорненый у довгу материну свытку, закутаный іи чорнымъ платкомъ, у шкарбунахъ на босу ногу, зъ рукавычкою въ рукахъ, винъ, мовъ заець, выскочывъ зъ синей,—та й полынувъ прямо зъ села на лисъ. Серце ёго, якъ у невелычкои пташкы, стукало-былось, духъ затынався у грудяхъ; а мали ноженята—байдуже про непомирни

чоботы,—свое робылы: винъ нымы швыдко чекрыжывъ все вперед та впередъ.

И якый винъ радый, що прокынувся зарани!... якый веселый, що маты не чула, якъ винъ вставъ, узувся, одився и выйшовъ!... Отъ якъ бы ёму такъ и звернутыся, щобъ маты ще спала!... Винъ бы багати прыносы положывъ на столи, а самъ прылигъ биля неи... Онъ уже и свитъ бованіе на двори: билуваті смугы пробываютця кризь намерзли шыбкы у хату... Винъ вдае, що спыть, а маты вже проснулась... „Сыночку! пора вставаты“—шепче вона ёму тыхо... А винъ—мовъ не чуе,—ще дужче зажмурюе свои очыци, потягаетця—наче й геть-то розиспався... „Бачъ, якъ мицно заснувъ,—дывуетця маты.—Поспы, сынку,.. поспы ще трохы, покы я прыберусь“... каже вона, злизаючи съ печи. „А то де взялось?!“ скрыкнула маты, углядившы на столи хлибъ та ковбасы.—А винъ схопывся, вызырае зза комина, та давай реготаты... „А що, мамо!... злякався я вашого старого Морозенка?!.. що—злякався?..“ И винъ мыттю плыгнувъ зъ печи на пилъ, зъ полу—до долу... Маты ёго пидхопыла, прыгорнула до себе... „Отъ якъ бы то такъ сталося!“—запобигае упередъ думкою Пылыпко,—та знай налягае на ногы, поспишаючы до лису.

Ось винъ выбигъ уже й за село—на шыроке роздоля... Передъ ёго очыма манячыть лисъ, прытрушеный иніемъ зверху, та прыкрытый снигомъ,—наче страшенна била гора бованіе винъ здалека... Подыхнуло на Пылыпка вильнымъ холоднымъ повитрямъ; ущипнуло за нисъ, ажъ покотылыся слёзы зъ очей, и невелычкымы крыженкамы зразу на віяхъ завыслы.—Та ну не страшы: не боюсь я тебе! промовывъ Пылыпко, струшуючы рукою крыженкы зъ очей.—То тилько маты лякала... И винъ не пишовъ, а побигъ пидтюпцемъ.

Ось винъ добигъ вже до лису...Не сниговою горою теперъ винъ здававсь Пылыпкови, а темнымъ страшыдломъ зъ чорнымы корявымы ногамы, билымы лапатымы рукамы, та велычезною закутаною снигомъ головою... Скилько въ того страховыща нигъ та рукъ?—И не переличыты!... Ось воно одну ногу пидста-

выло пидъ Пылыпкови шкарбуны, мовъ перечепыты збираетця... Пылыпко ухыльнувсь—обмынувъ... Ось другу знову засылае... третя зъ снигу вылазе... Ось лапата рука зачепыла ёго за голову и зразу обтрусыла всёго снигомъ... Винъ, якъ опеченый одскочывъ... Щось десь луснуло,—посыпало, наче горохомъ... Онъ друга рука наставляетця... третя зъ-далека на его кывае, мовъ перестерегае: не ходы дали!... Пылыпкови зробылося страшно,—чорни кружала заходылы передъ очыма; на голови пиднялося волосся у гору... наче джмели—загуло у вухахъ... Серце, якъ не выскоче, бьетця.. духъ запынаетця въ грудяхъ... Винъ зостановывся.

— Морозе, Морозеночку! замолывся винъ тыхо... Пусты мене до хрещеного батька... Я тилько до его одного пиду посыпаты и що выпосыпаю,—виддамъ тоби половыну...

Недалеко видъ его сычъ засычавъ, сова зарепетувала; а ему здалося, що то Морозенко регоче...

— Хиба тоби мало половыны, що ты регочешъ?.. То я все тоби виддамъ, усе... И гроши, й ковбасы... Пусты тилько!

— Пу—гу — гу—у—у!... застогнавъ пугачъ середъ лису, а Пылыпкови здалося, що то загукавъ Морозенко:—не пущу!

— Бачъ якый ты лыхый, та не добрый! почавъ докорять Пылыпко.—И щобъ тоби сталося видъ того? Я жъ не твое братыму, а буду прохаты въ хрещеного батька.. Онъ бидкаетця маты, що въ насъ на сегодни ничого йисты, ничымъ протопыты у хати... Пусты, голубчыку!...

— Ха—ха—ха—ха—хаа—а—а!... знов зарепетувала сова, и гучна луна того скаженого репету по всему лиси роздалася.

То ты тилько вміешъ реготаты? скрыкнувъ Пылыпко.— Такъ не боюсь я тебе!... И, пиднявшы кулачата у гору, винъ подався впередъ.

Такъ цвирчыть и стрыба горобець передъ котомъ, що зловывъ горобця и, мицно здавывшы зубамы, покручуе довгымъ хвостомъ, та высвичуе хыжо очыма... Ой стережыся, невелычкый горобчыку, того лукавого выкручування, та хыжого высви-

чування! Леты соби мерщи у свое гниздечко, выплакуваты свое горенько зъ своею дружыною... Стережыся й ты, невелычкый Пылыпку, свого лютого ворога, що тоби зъ нымъ боротысь не сыла! Верныся мерщи въ свою голодну та холодну оселю, де тебе ненька ридненька прыгріе и потурбуетця про твои недостачи.

Не встеригся зночевья горобець: не встыгъ и цвириньк-нуть въ останне, якъ накрывъ его китъ своею пазурыстою лапою... Не встеригсь й Пылыпко свого ворога, що заманывъ его ажъ въ середыну глухого лиса, де винъ збывся зъ шляху и ризався трохы не по поясъ глыбокымы кучугурамы снигу... Не личывъ Пылыпко, скилько разивъ прыходылося ему падаты и набираты снигу не то що въ шкарбуны, а й за пазуху и за чорный платокъ на голови... Силькись! Снигъ винъ отрусе, та й знову дере у-передъ; дурноверхе завзяття его пидганяе... Лисъ передъ нымъ мовъ выроста; винъ давно вже ускочывъ у его и повынный бы бувъ перейты, а отъ ему кинця-краю немае... Морозъ вже не разъ, мовъ опикъ, боляче ущыпнувъ его за ногы въ лыхыхъ шкарбунахъ, за голи мали кулачата и за лыченько биле, рожеве... Не потура на те Пылыпко: зостановытця перепочыты, потре те мисце, де заболыть, похука въ мали рученята, та й знову—пидтюпцемъ дали...

Ось винъ выбравсь на чысту поляну. Кругомъ лисъ обступивъ іи; а вона чыста та била лежыть соби, видпочывае пидъ холоднымъ снигомъ и тилько зирочкы выблыскують по ій своимы сызо-жовтуватымы искоркамы... Де се винъ? куды забривъ? Скилько разивъ доводылось литомъ бродыть ему по лису, а винъ не прыпамьятае такои поляны... Чи не Морозенкова це, бува, горныця? Чи не за для себе винъ прыбравъ іи такъ чепурно-чысто?... Кругомъ обставывъ деревомъ высокымъ зъ кучерявымы верховьямы, пообтыкавъ невелычки полянкы помижъ деревомъ кущамы гонкои лищыны, видъ витру холодного закрывае... Певне, це его свитлыця... Онъ—пидъ кожною деревыною по пеньку чорніе.. то—за для гостей, що якъ найдуть, то було-бъ де перепочыты... Чомъ же теперъ никого немае?.. Чи булы, та поросходылысь, чи ще й не прыходылы?...

— Систы, лышень, тутъ и соби та видпочычы,—промовывъ голосно Пылыпко... Здорово ухоркався, ажъ пить проймае... Сяду та перепочыну.

Пылыпко выбравъ найзручнишый пенёкъ й сивъ на ёму.

— Ну, та й добряче сыдиты: е куды простягты ногы и спыною объ вищо обпертысь,—подумавъ Пылыпко, простягуючы натружени ноженята и прыхыляючысь головою до товстои деревыны.

Ему було такъ хороше... Холоду винъ не почувавъ; рукы и ногы терплы—нимилы, немичъ чи сонъ колыхавъ его стыха...

— Видпочыну, та й знову пиду—хочъ свитомъ добьюсь до хрещеного батька.. Докажу такы матери, що Мороза іи не злякавсь... Не страшный винъ мени... хочъ спершу було наче страшно... А теперъ?.. ни... не боюсь... не страшный...

Пылыпко затыхъ, наче заснувъ... Що се таке?.. Винъ почувъ: наче що стрильнуло въ ему; голова ходоромъ заходыла; посыпалысь искоркы изъ очей—и разомъ усе передъ нымъ освитылось...

Загорилася вся поляна якымсь сызымъ свитомъ. Середъ того сызого сяйва почалы снижынкы ворушытысь, почалы пиднниматысь, вставаты... Та яки воны невелычки, тендитни, та били?!.. Лычко—зъ мачыне зерно, сами—зъ горошыну, а рученята та ноженята, наче волосъ,—тоненьки...

— Годи намъ спочывать! загомонилы. Швыдко свитъ буде, дидусь нашъ прыйде... Погуляймо, та въ довгои лозы пограймо! И почалы ставаты одна до другои спыною.—Разомъ!... хтось гукнувъ.—Рукы посплиталысь, задни посхылялысь и переднихъ пиднялы у гору; дали передни прыгнулысь, пиднимаючы заднихъ и —пишло, пишло... Усе кругомъ колесомъ такъ и заходыло!... „Та й проворни яки!“ подумавъ Пылыпко.

— Буде! погрилысь! хтось крыкнувъ. Давай танцюваты, нашого гостя дывуваты!—Якого?—Хлопця малого, що йшовъ до хрещеного батька посыпаты, та прысивъ у насъ на пеньку одпочываты...

Ха—ха—ха! ха—ха—ха!
Якъ бы то намъ женыха...
Невелычкого, малого—
Хлопьяточка молодого!..

„Дывысь: ще й глузують!", дума Пылыпко... А воны кругомъ его, якъ той рій заходылы... Крутятця, немовъ заверюха знялася.

— Шкода, що немае музыкы! знову чуе Пылыпко.—Де въ гаспыда подився нашъ музыка?—Выдно выхылывъ чи мало, стричаючы новый рикъ, та й залигъ у дупли одпочываты.— Ходимо, его збудымо. Докы винъ, бисова пьяныця, буде кутыты!

Девилько паръ кынулося генъ до дуплынастого дуба... Закрутылыся надъ дупломъ, та незабаромъ у ёму й зныклы. А ти, що зосталысь биля Пылыпка, заспивалы:

Вставай, вставай пьяныченьку!
Годи тоби спаты.
Заграй ты намъ на скрыпоньци,
Дай потанцюваты.

Незабаромъ зъ дупла показався чорный цвиркунъ, на увесь ротъ позихаючы, та ногою голову почухуючы·

— Прочумайся, пьяныце! Ачъ, якъ розиспався!.. крычать до его снижынкы.

— Пьяныце! огрызнувся цвиркунъ. Якый я пьяныця? Вы мене напувалы, чи що?

— А видъ чого жъ ты спышъ?

— Видъ чого? Сонъ найшовъ!...

— Знаемо мы видкиля той сонъ. Цилу ничъ у попа гулявъ, попову дочку звеселявъ... Прочумайся жъ, та грай мерщи!

— У попа и безъ мене булы свои музыкы. Виддае дочку писля водохрестя, то тамъ такого гостей зибралося, що й протовпытысь ніякъ. Цилу ниченьку гулялы.. Музыка тне, а вси танцюють.

— Отъ и ты намъ заграй, щобъ и мы потанцювалы.

— А плата буде?

— Буде.

— Яка?

— Зъ инію водыця цупка!

— Подавитьця вы нею! скрыкнувъ цвиркунъ, сплюнувшы.

— Ну годи, не комызься, та мерщи проспыся. Бо якъ повернетця нашъ дидусь Морозенко, то буде тоби лыхая ненька!

— Вы такъ и звыклы про все доводыты дидови... Цокотухы! Становитця вже, буду граты.

И, надымаючысь, винъ почавъ:

Цвиринь! Цвиринь!
Якъ бы теплый черинь,
Та горяче просо,
То спавъ бы я й доси!
А тутъ мени холодно,
Жыты мени голодно..
Бухъ!
Питы надиты кожухъ...

И цвиркунъ мерщи плыгнувъ у дупло. Вси снижынкы зареготалысь.

— „Дывысь, яки тутъ дыва!" промовывъ чи подумавъ Пылыпко.

— Ще й не такіи побачышъ,—хтось до его обизвавсь.

Це зразу—щось якъ загуде!—тонко та голосно запыщало, наче хто въ невелычку дудочку загравъ.

—Це наше Вихало йде,
Та музыкы за собою веде!

Скрыкнулы разомъ снижынкы и закрутылыся середъ поляны. Захыталысь гилькы на высокому дереви и почалы струшуваты зъ себе иній... То не иній, то ледве прымитни били голеньки хлопъята злиталы зъ гилекъ и кожне, вхопывшы за руку снижынку, почало биля снижынокъ крутытыся та гопака выбываты.. Снижынкы соби, зипьявшысь на пальчыкы, дрибно ногамы выбиралы; сухе лыстя на лищыни подымалося, гуло, деренчало; лищына объ лищыну терлась-скрыпила, а витеръ помижъ гилькамы такъ завывавъ, що въ Пылыпка ажъ у вухахъ

пысчало... Снижынкы зъ иніемъ крутылыся, збывалыся въ купу и та купа росла, бильшала и, наче стовпъ, пиднималася въ гору.

Вихало! вихало!
Наше любе втихало!..
Прыйды ты до насъ,
Звеселыты намъ часъ!

Все кругомъ пыщало, верещало, гуло...

Ажъ-ось зъявылося й Вихало... Товсте та кругле, наче здоровенна копыця, воно десь зъ-за дерева взялося и, вхопывшысь за верхивья гилекъ цупкымы лапастымы рукамы, почало спускатыся середъ поляны... Товсти, якъ лантухы, его ногы у повитри гойдалыся; снигова одежа на ему крутылася—лопотила, а кустрата голова на вси бокы майтолалася...

— Помочи дайте! помочи дайте!.. Пиддержуйте, щобъ не впавъ, бува, я, та не забывся,—товстымъ охрыплымъ голосомъ загуло Вихало.

Снижынкы зъ иніемъ ще бильше закрутылыся, стовпомъ здіймаючысь въ гору, и той стовпъ пидвелы пидъ Вихало...

— Ху—у! заморывся!—сказало Вихало и по стовпу почало спускатыся на поляну.

— Гу—гу—у—у! загуло... Вихало и все кругомъ его закрутылося...

У Пылыпка потемнило въ очахъ; голова кругомъ заходыла, у вухахъ дзвоныло, мовъ въ дзвоны, гадкы почалы меркнуты—зныкаты... Его щось хытае—колыше...

Засны, засны, мій сыночку,
Малая дытыно!

чуе винъ, наче кризъ сонъ, чыйсь любый голосъ... То маты надъ нымъ котка спивае, чи хто инчый?... Ни—то не матусынъ голосъ, то хтось другый надъ нымъ похылывся.. „Чого жъ воно тисно такъ стало?... Хто се на мене такымъ холодомъ дыше?..“ плутаетця въ Пылыпковій голови... „Се ты—дидугане, Морозе? се твои лыхи учынкы?...

На щастя, на здоровъя, на новый рикъ!...“

загуло въ Пылыпка у вухахъ... тысяча свичокъ засвитыло у вочахъ и—винъ побачывъ дидугана Морозенка... Здоровенна,

наче вынныцькый казанъ, голова его була закустрана цилымъ оберемкомъ билого снигу; довга, якъ помело, борода выплетена зъ товстыхъ вискрякивъ крыгы; товсти настобурчени бровы густо покрыти билымъ иніемъ, а сиро-зелени очи, наче волосожары, выблыскують холоднымъ свитомъ... Тыхо схылывся винъ надъ Пылыпкомъ, подывывсь, мовъ мылувався, на его лыченько билепокійне и—свитнувшы хыжымы очыма—прыложывсь до теплыхъ ще устонькивъ Пылыпковыхъ своими холодно-палючымы устамы... Не зитхнувъ Пылыпко, не струснувся!.. Все въ ёму й кругомъ его затыхло, покрылося темнымъ холоднымъ спокоемъ...

Вже билый свитъ носывся по-надъ землею; надумалось сонце вставаты и послало впередъ себе ажъ два червони стовпы. Стоять воны на краи неба, пиднялыся высоко у гору, буяють своимъ червонымъ свитомъ,—пророкують людямъ щось лыхе на сёгодни...

—На щастя, на здоровъя, на новый рикъ!

Роды, Боже, жыто, пшеныцю и всяку пашныцю,—почулося Катри кризь сонъ.—Вона кынулась; одкрыла очи,—та й не стямылася... Де лежавъ Пылыпко—тилько слидъ его: чорніе диряве ряденце, бованіе примнята подушка.

Вона мыттю стрыбнула зъ печи до долу—и побачыла табунъ посыпальныкивъ, що товпылысь биля порога.

— Вы не бачылы Пылыпка?—пытае.

— Ни... поторопилы ти.

— Боже жъ мій, Боже!—вдарылась въ телесы Катря.—Винъ такы не злякався, не послухався—пишовъ!

Та вхопывшы на опашкы кожушанку, якъ нависна, помчалася зъ хаты.—Хлопчыкы постоялы трохы—и, здывовани, пишлы соби дали.

— А куды се? Куды се такъ швыдко?—гукалы до неи зъ дворивъ селяне, дывуючысь, що Катря такъ зарани и такъ прудко бижыть улыцею.

Не дослухалася вона до того допытування; вона навить не бачыла ничого передъ собою, окримъ одного Пылыпка.

— Пылыпку!... сыну мій!... сыночку!... И куды ты пишовъ по такому лютому морозу?... Куды ты знявся по такому скаженому холоду?... гукала вона на бигу, думаючы, що те гукання ранишъ видъ неи добижыть до сына, подасть ему звистку—якъ побываетця за нымъ его маты!

Витеръ подыхавъ проты неи—и геть односывъ назадъ Катрынъ нестямный лементъ.

Недоннявшы гукомъ, вона надолужала бигомъ... Ажъ мерзла земля гула пидъ нею—такъ вона мчалася! У грудихъ духъ затынався, серце, якъ не выскоче, былось,—а вона неслася!... Вона не потурала ни-на-що... Хиба вона дыше для себе? Хиба серце бьетця для неи?... Хиба не все одно, колы те й друге—стане, якъ *ёго* на свити не стане?... И чому вона не птыця? Чому въ неи не выpослы крыла?... Стрилою бъ вона пустылася навздогинци; рабцемъ бы упала—де его спиткала; сызымъ орломъ пидхопыла на свои крыла—и мыттю до дому прымчала!.. Та ба! Нема въ неи крылець; ій Богомъ не дано литаты... Хай же одбувають за все ногы!

И Катря не жалила своихъ нигъ: скилько хапало духу—мчалася; спотыкалася объ груду; падала у высоки кочугуры снигу и, выкарабкавшысь, знову неслася дали та дали.

Ось вона вже й биля лису... Ось и въ лисъ убигае... Быта дорога послалася вправо... А то чый слидъ верне наливо?... На чыстимъ снигу свижый слидъ малои ногы... Катря, якъ укопана... „Не вже це Пылыпчынъ слидочокъ?... Збылось въ ночи изъ шляху?...“ ударыло Катри въ голову... „Та не вже жъ то, Господы?!“ скрыкнула вона, не знаючы, що ій робыты,—чи йты по шляху, чи вернуть по слиду... „А може воно дали и на шляхъ натрапыло?... Пиду по слиду,“—подумала Катря и, наче пьяна, хытаючыся, тыхо поплелася свижымъ снигомъ въ гущавыну лиса.

Ясне сонце почало пидниматысь десь далеко за лисомъ и ёго червоный свитъ слався у лиси по снигу, а на опушеныхъ иніемъ высокыхъ гилькахъ стрыбало его ясне проминня, высвичуючы то жовто-зеленымы, то червоно-сынимы искоркамы. Наче

зачарованый велетень, стоявъ лисъ, опушеный увесь иніемъ билымъ, прыкрытый й пронызаный наскризь соняшнымъ сяйвомъ... У ему було тыхо; холодне повитря видъ лютого морозу, здаетця загускло, а ни ворухнетця,—чысте, прозоре, спокійне...

Хто утерпивъ бы не зостановытця, щобъ налюбуватыся тіею чаривнычою красою?

Оже Катри байдуже про те! Не до того ій, щобъ чымъ мылуватысь на свити... Вона тійи чаровнычои красы не прымичае, та й не баче. Вона вбачае тилько свижый слидъ по снигу и боитця его загубыты... Чорною марою тыняетця вона по тому слиду; хыляе то на право, то на диво—куды винъ поверне; ій, навить, не западае у голову *до чого* винъ доведе; вона тилько одного бажае—швыдче, хутчише знайты свого Пылыпка!...

Онъ слидъ рижетця прямо на кущъ лищыны... Ни—не въ кущъ винъ пишовъ, а повернувъ по за кущемъ. Чмеленна Катря за нымъ повертае и... опенылась середъ невелыкои круглои поляны.

Быстре око ійи не помылылося,—вглядило зразу, що Катри треба, и вона, якъ стрила полонула до пенька, на которому сыдивъ Пылыпко, приклонывшысь до дерева головою....

— Пылыпку!... сыночку мій!—нестямно скрыкнула Катря и—вхопылась за его...

Палючый огонь не опикъ бы такъ боляче ій рукъ, якъ опекло ихъ холодне Пылыпкове тило!...

У Катри передъ очыма дымъ закуривъ... запекло биля серця... голова кругомъ заходыла... Якась невыразна думка знялась у ійи голови, проплазала горячымъ мозкомъ, та тамъ и заколила...

Опукою повалылася Катря биля сына, та вже бильше й не пидводылась. У неи одъ нестямкы розирвалося серце!

На третій тилько день кынулысь селяне шукаты Катрю и знайшлы ійи уже задубилу биля мерзлого сына.

— Отаке то вчынылося! Не даромъ сонце вси оци дни таки стовпы ставыло,—мовывъ старый дидъ, оглядаючы холодни трупы.—Шкода молодои сылы; подавывъ морозъ.

— Та й краще! одказавъ Катрынъ блызькый сусида, высокый та сухый, наче дошка,—чоловикъ.—Не задавывъ бы морозъ, то голодъ догрызъ!

— А хлопчыкъ?.. Яка то була утишна дытына! знову каже дидъ.

— Не жалкуйте, диду, малого: ранише умерло—менче горя знатыме! знай одно товче Катрынъ сусида.

Люде тилько важко зитхнулы, та перехрестылыся... Чи не видъ божевильныхъ ричей Катрыного сусиды?

П. Мырный.

Западно-русская церковь при митр. Петрѣ Могилѣ.

(1636—1646 гг.).

(Продолженіе) [1]).

III.

Коммиссіи, назначенныя королемъ для распредѣленія церквей между православными и уніатами и ихъ дѣйствія.—Сопротивленіе, встрѣченное означенными коммиссіями въ холмской епархіи.—Уніатскій епископъ М. Терлецкій, какъ одинъ изъ главныхъ представителей ультра-католической партіи и правонарушитель „статей успокоенія". Нѣкоторыя нарушенія означенныхъ статей со стороны православныхъ и процессы по этому поводу.

Самымъ сложнымъ и затруднительнымъ для правительства дѣломъ въ данное время было пропорціональное распредѣленіе между православнымм и уніатами церквей въ городахъ. Для урегулированія и приведенія въ исполненіе этого дѣла королемъ образованы были двѣ коммиссіи; одна для коронныхъ земель, другая для Великаго Княжества Литовскаго. Каждая коммиссія состояла изъ шести членовъ, частью католиковъ, частью прабославныхъ. Обязанности комиссаровъ обозначены были въ грамотахъ короля, выданныхъ на ихъ имя. Здѣсь говорилось, что комиссары должны были, послѣ предварительнаго между собою уговора, послѣдовательно объѣхать города, собрать свѣдѣнія о числѣ находившихся въ нихъ уніатовъ и православныхъ и соотвѣтственно этой численности распредѣлить между ними церкви. Рѣшеніе комиссаровъ, по общему между ними согласію постановленное, обязательно для обѣихъ сторонъ.

[1]) См. „Кіевск. Стар." 1898 г., № 2.

Въ случаѣ разногласій между самими комиссарами относительно правильности того или иного рѣшенія, въ такъ называемыхъ сомнительныхъ случаяхъ, дѣло объ этомъ должно быть представлено на благоусмотрѣніе короля [1]).

Объѣздъ комиссарами городовъ начался съ іюня мѣсяца 1635 г. и продолжался довольно долго. Общій порядокъ при этомъ былъ таковъ. Жители городовъ извѣщались о времени и цѣли пріѣзда къ нимъ комиссаровъ. Обыкновенно такое извѣщеніе производило сильное волненіе въ средѣ жителей. Большею частью оказывалось, что считавшіеся доселѣ уніатами вовсе не расположены къ уніи, будучи привлечены къ ней угрозами и вообще внѣшними давленіями, и теперь, при измѣнившихся обстоятельствахъ, объявляли себя православными. Такимъ образомъ численность послѣднихъ значительно выростала и къ пріѣзду комиссаровъ она приводилась въ извѣстность самими же православными. Были даже такіе нерѣдкіе случаи, что въ городѣ вовсе или почти вовсе не оказывалось уніатовъ. Такъ, напр., когда комиссары прибыли въ Люблинъ и, созвавъ людей греческой вѣры, приступили къ опредѣленію числа уніатовъ и православныхъ, городскіе жители единогласно заявили, что всѣ они, безъ исключенія (nemine excepto), исповѣдуютъ старую вѣру, т. е. православіе, и просятъ, дабы содержаніе оной обезпечено было имъ и на будущее время, причемъ въ доказательство своихъ словъ подали реестръ православныхъ гражданъ, который во всеуслышаніе и былъ прочитанъ, не возбуждая протестовъ [2]). Точно такъ же, когда комиссары прибыли въ Лосицы и приступили къ опредѣленію относительной численности въ этомъ городѣ уніатовъ и православныхъ, то о первыхъ, несмотря на тщательное разслѣдованіе дѣла, не могли получить никакого свѣдѣнія; всѣ прихожане во главѣ со своими священниками заявили, что они исповѣдуютъ православную вѣру и при ней желаютъ остаться и на будущее время [3]).—Въ Грубешовѣ комиссары нашли только четырехъ уніатовъ—попа Василія, его сына и зятя и еще какого-то иногородняго мѣщанина; всѣ же грубешовскіе граждане объявили себя „неуніатами", причемъ переходъ многихъ изъ нихъ въ православіе, очевидно, совершился передъ самымъ пріѣздомъ комиссаровъ (упомянутый попъ Василій, жившій при Николаевской церкви, долженъ былъ оставить оную, такъ какъ всѣ его николаевскіе при-

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т. VI, № CCLXXIX, стр. 691—692.

[2]) Ibid. ч. I. т. VI. № CCLXXXIV, стр. 704—706.

[3]) Кіев. Центр. Архивъ; № книги 2161, л. 953 об.

хожане отступились отъ него [1]). Подобное же явленіе—массовое возвращеніе „людей греческой религіи" къ православію имѣло мѣсто при посѣщеніи комиссарами и другихъ городовъ [2]). Вообще—означенные объѣзды коммиссіями городовъ представляли одно изъ наглядныхъ доказательствъ, до какой степени громадному большинству русскаго народонаселенія, подвластнаго Польшѣ, ненавистна была унія, насильственно ему навязанная и поддерживавшаяся репрессивными мѣрами.—

Комиссары при распредѣленіи церквей между православными и уніатами дѣйствовали съ большою осторожностью и осмотрительностью, стараясь, по возможности, не нарушить интересовъ „примиряемыхъ" ими сторонъ. Если въ городѣ не оказывалось ни одного уніата (точнѣе, не находилось желавшихъ остаться въ уніи), а церквей было мало (одна, двѣ), то онѣ присуждались православнымъ, но при этомъ иногда дѣлались оговорки: еслибы впослѣдствіи въ средѣ городскихъ обывателей объявился какой-либо уніатъ (unit się iaki nalazł) и пожелалъ имѣть церковь своего вѣроисповѣданія, то православнымъ вмѣнялось въ обязанность пріобрѣсти удобный „пляцъ" (мѣсто, площадь) и передать его уніатамъ для постройки храма [3]). Если же въ городѣ находилось значительное количество церквей, то, несмотря на отступленіе отъ уніи почти всѣхъ гражданъ, комиссары распредѣляли церкви между православными и уніатами почти поровну. Дѣлалось это какъ въ виду того, что не всегда духовенство слѣдовало примѣру своихъ прихожанъ (т. е., не всегда изъявляло желаніе перейти въ православіе), такъ и въ виду возможнаго возвращенія къ уніи нѣкоторыхъ лицъ, отрекшихся отъ нея, вообще—какъ значится въ тогоприменныхъ актахъ—„in spem unionis" [4]).—Дѣйствуя отъ имени короля въ качествѣ „умиротворителей" между уніатами и православными, коммиссары, вслѣдствіе жалобъ и просьбъ послѣднихъ, заявляли, что впредь всякія нареканія и притѣсненія изъ-за дѣлъ религіозныхъ не должны имѣть мѣста, и каждая сторона должна довольствоваться предоставленными ей церквами съ пріуроченными къ нимъ угодьями. Такъ какъ при распредѣленіи между религіозными противниками церквей бывали и такіе случаи, что присуждаемая православнымъ церковь находилась рядомъ, на одномъ „пляцу" съ

---

[1]) Кіев. Центр Архивъ; № кн. 1003, л. 304.

[2]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т. VI. стр. 725.

[3]) Кіев. Центр. Архивъ; № кн. 2161. л. 953 об.

[4]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т. VI стр. 725.

церковью, предоставляемою уніатамъ,—то въ видахъ предупрежденія возможныхъ между тою и другою стороною столкновеній и вообще неудобствъ отъ такой близости мѣстъ богослуженія, принадлежащихъ лицамъ враждебно другъ къ другу настроеннымъ, коммиссары рекомендовали православнымъ перенести свою церковь на какое-либо другое, болѣе для нихъ удобное мѣсто [1]).

Не смотря на то, что комиссары дѣйствовали отъ имени короля, по его распоряженію, притомъ на этотъ разъ основанному на сеймовомъ постановленіи, для всѣхъ обязательномъ, не смотря на то, что при самомъ распредѣленіи церквей они блюли интересы уніатовъ, оставляя за ними не мало церквей только in spem unionis (слѣдовательно, не всегда распредѣляли ихъ пропорціонально наличной численности православныхъ и уніатовъ, какъ это требовалось королевскими грамотами),—латино-уніатскія власти остались крайне недовольны означенными коммиссіями и заносили противъ нихъ протесты. Въ этихъ протестахъ по-прежнему заявлялось, что грамоты короля объ отобраніи отъ уніатовъ церквей испрошены были ad male narrata, т. е. вслѣдствіе ложныхъ донесеній православныхъ, секретно, окольными путями; подрывалось самое значеніе означенныхъ грамотъ, какъ противорѣчащихъ прежнимъ узаконеніямъ, по которымъ отчужденіе церквей и церковныхъ имуществъ не можетъ быть производимо свѣтскою властью безъ соизволенія на то римскаго престола; наконецъ, сами комиссары обвинялись въ пристрастіи къ православнымъ и несправедливости въ отношеніи къ уніатамъ, заподазривалась правильность представляемыхъ имъ православными реестровъ съ перечисленіемъ своихъ единовѣрцевъ, и т. п. [2]). Разумѣется, подобные протесты, какъ лишенные юридической подкладки, въ большинствѣ случаевъ не имѣли существеннаго значенія. Но въ Холмской епархіи дѣло доходило иногда и до открытаго сопротивленія распоряженіямъ короля.

Холмскимъ уніатскимъ епископомъ былъ въ то время Меѳодій Терлецкій, едва ли по своему фанатизму чѣмъ-либо уступавшій пресловутому Іосафату Кунцевичу. Тяжелую руку этого „апостола уніи" православные почувствовали немедленно по вступленіи его на каѳедру. Унія, дотолѣ почти только номинально существовавшая въ Холмщинѣ, начинаетъ имъ вводиться здѣсь съ настойчивостью и посредствомъ насилій. Православные священники, не пожелавшіе

---

[1]) Ibid. ч. I. т. VI. стр. 720.

[2]) Древніе акты холмской епархіи (въ Холмскомъ церковно-арх. музеѣ), книга I.

признать надъ собою власти Меѳодія, преслѣдуются, изгоняются изъ приходовъ и замѣняются его сторонниками, а находившіяся въ ихъ вѣдѣніи церкви обращаются въ уніатскія. Ревнители православія стѣсняются въ своихъ правахъ и подвергаются всевозможнымъ оскорбленіямъ. Разумѣется, благодаря такимъ насиліямъ болѣе малодушные изъ православныхъ соглашались принимать унію, но это согласіе было вынужденное, вымученное „опрессіями"; а потому, когда съ воцареніемъ Владислава, благодаря достигнутой при его избраніи перемѣнѣ въ правовомъ положеніи западно-русской церкви, наступила для нея, по тоговременному выраженію православныхъ, „заря новой жизни", когда узаконено было свободное исповѣдываніе „старой вѣры", съ возвращеніемъ православнымъ отнятыхъ у нихъ церквей или, точнѣе, части оныхъ,—то указанное нами религіозное движеніе въ средѣ русскаго народа (отреченіе отъ уніи и возвращеніе къ православію) съ неменьшею силою проявилось и въ Холмщинѣ. Но здѣсь на стражѣ интересовъ уніи стояла уже довольно значительная фаланга воспитанныхъ Терлецкимъ его пособниковъ. Поэтому еще въ первый объѣздъ комиссарами Холмской епархіи (въ 1633 г.) нигдѣ они не испытывали болѣе затрудненій, какъ здѣсь, и отобранныя ими отъ уніатовъ церкви большею частью недолго оставались во владѣніи православныхъ [1]). Послѣ сеймовой конституціи 1635 года, когда объѣздъ комиссарами городовъ съ указанною нами цѣлью обставленъ былъ съ юридической стороны на незыблемо прочномъ основаніи, противленіе королевскимъ распоряженіямъ являлось уже дѣломъ весьма опаснымъ. Тѣмъ не менѣе фанатизмъ Терлецкаго, и на сеймахъ и всюду заявлявшаго, что онъ душу свою готовъ положить за свою паству, т. е. за унію,—побудилъ его и къ подобному сопротивленію. Въ реляціи Якова Суши читаемъ, что когда комиссары прибыли въ Холмъ и, при бытности Меѳодія, во всеуслышаніе объявили, что тѣ, которые не желаютъ быть уніатами, пусть станутъ на ихъ сторону, а тѣ, которые хотятъ быть уніатами—на сторону епископа,—народъ раздѣлился, причемъ, по чудесному Божьему опредѣленію, случилось такъ, что уніаты стали на правой сторонѣ, а неуниты, хотя и въ большемъ количествѣ (plures), на лѣвой. Такъ какъ епископъ (Меѳодій) не соглашался уступить неунитамъ какую либо церковь, то комиссары насильственно передали имъ церковь Успенія Пресвятой Богородицы. Но когда донесено было объ этомъ епископу, онъ, сопутствуемый духовенствомъ, народомъ и шляхтою, поспѣшно отправился къ означенной церкви, энергично изгналъ изъ нея неунитовъ и достойными

---

[1]) Древніе акты холм. епархіи. кн. I.

пастыря словами укорялъ комиссаровъ, въ числѣ коихъ были и католики, а послѣ сего шляхта укротила волнующійся народъ батогами. Тогда комиссары должны были отступить съ посрамленіемъ. Съ той и другой стороны занесены были протестаціи о насиліяхъ [1]). Въ Холмскомъ церковно-археологическомъ музеѣ находится обширное письмо самого Меѳодія Терлецкаго объ означенномъ событіи, писанное имъ къ своему другу—земскому писарю Матвѣю Щиглецкому—съ цѣлью составленія на основаніи его протестаціи противъ православныхъ. Письмо это, несмотря на преувеличенія, искаженіе фактовъ и вообще пристрастную окраску событій, естественную подъ перомъ такого фанатика, представляетъ весьма любопытный историческій памятникъ, не мало служащій къ уясненію трактуемаго нами предмета. Терлецкій заявляетъ, что первая коммиссія, пріѣзжавшая въ Холмъ (очевидно въ 1633 году), *шею себѣ сломала.* Назначеніе послѣдующихъ коммиссій объясняется упорствомъ со стороны православныхъ, не желавшихъ на сеймѣ приступать къ разсужденіямъ о неотложныхъ государственныхъ дѣлахъ, если не будутъ удовлетворены ихъ требованія. Что касается комиссаровъ, то они исполняютъ свои обязанности съ охотою, ибо хотя ихъ объѣзды дѣло и *безбожное*, но для нихъ весьма выгодное. Одинъ изъ нихъ купилъ уже Корытницу (имѣніе), помышляетъ и о Дубницѣ, а другой (очевидно намекъ на князя Четвертинскаго) заплатилъ нѣсколько тысячъ злотыхъ долга. Къ одному изъ комиссаровъ (Городельскому старостѣ, католику) Терлецкій писалъ письмо съ просьбою оставить свое намѣреніе производить объѣзды городовъ въ его епархіи, какъ дѣло, клонящееся *къ погибели душъ людскихъ*, выставляя при этомъ и свою непреклонную волю—скорѣе пожертвовать жизнью за цѣлость своего словеснаго стада, чѣмъ допустить какой либо ущербъ въ ономъ. „Такою правдою—заявляетъ Меѳодій,—я такъ поразилъ комиссара, что онъ въ своемъ отвѣтѣ обрушился на меня со всѣми фуріями, наполнивъ его несносными сарказмами, вслѣдствіе чего означенный отвѣтъ правильнѣе назвать пасквилемъ“. Затѣмъ комиссары обвиняются въ томъ, что не сообщали опредѣленныхъ свѣдѣній о времени своего пріѣзда въ города, часто мѣняя сроки. Это дѣлалось—по объясненію Терлецкаго—якобы въ тѣхъ видахъ, чтобы не дать ему, заботящемуся о своемъ стадѣ пастырю, возможности защитить оное своимъ присутствіемъ. Въ назначенный срокъ комиссары прибыли только въ Люблинъ. Но этотъ городъ,—по сознанію

---

[1]) Реляція Суши у Harasiewicza въ Annales Eccles. Ruthenae, изд. 1867 г. Львовѣ.

Меѳодія (чрезвычайно важному въ виду послѣдующихъ событій), „издревле зараженъ былъ схизмою и связи съ уніею не имѣлъ". Отсюда, минуя Красноставъ, Холмъ и Грубешовъ, комиссары отправились на Украйну, по направленію къ Кіеву, „выкореняя въ посѣщаемыхъ ими городахъ святую унію". Въ Холмщину комиссары возвратились въ февралѣ слѣдующаго года. О посѣщеніи ими Сокаля и Бельза „съ ущербомъ для святой уніи и къ пагубѣ душъ людскихъ", Меѳодій своевременно своими сторонниками не былъ извѣщенъ. Ему уніаты и католики дали знать только о днѣ пріѣзда комиссаровъ въ Грубешовъ. Но Меѳодій, по его словамъ не приготовленный къ сему и имѣя въ распоряженіи мало времени, не поѣхалъ въ означенный городъ, а потому комиссары, „заставши овецъ безъ пастыря, дѣлали, что хотѣли",—именно, двѣ находившіяся здѣсь во владѣніи уніатовъ церкви—Честнаго Креста и св. Николая—передали „схизматикамъ". Терлецкій объясняетъ это *взяточничествомъ* со стороны комиссаровъ, якобы получившихъ отъ грубешовскихъ граждань (православныхъ) подарковъ на двѣ тысячи злотыхъ, не считая еще тысячи, истраченной на угощеніе коммиссіи. Изъ Грубешова комиссары прибыли въ Красноставъ, гдѣ „присудили схизматикамъ" каменную церковь, а такъ какъ она была заперта, то ночью поотбивали замки и насильственно заняли ее. Терлецкій сдѣлалъ распоряженіе, какъ обѣ грубешовскія церкви, переданныя православнымъ, такъ и красноставскую запечатать,—и наивно заявляетъ своему другу, что онъ не знаетъ, имѣетъ ли его распоряженіе „важность" и не повлечетъ ли за собою съ юридической стороны (według prawa) непріятностей для него.—О посѣщеніи комиссарами Холма и сопротивленіи, оказанномъ имъ здѣсь,—Меѳодій въ существенныхъ чертахъ разсказываетъ согласно съ Сушею, но съ большими подробностями и мѣстами съ инымъ освѣщеніемъ фактовъ, доходящихъ до противорѣчія съ показаніями послѣдняго. Комиссары прибыли въ Холмъ въ пятницу (7 марта) и, по заявленію Меѳодія, пришли въ недоумѣніе, такъ какъ „не могли допытаться ни объ одномъ схизматикѣ". Но ночью комиссары, имѣя при себѣ хорошо подготовленныхъ людей, призывали черезъ нихъ гражданъ въ гостинницы для собесѣдованій, вслѣдствіе чего *утромъ въ холмянахъ обнаружилась великая перемѣна*: „стали собираться противныя уніатскому епископу толпы, записываться въ реестръ (т. е. заявлять себя православными), производить бунтъ" и т. п. Всѣхъ, записавшихся въ качествѣ православныхъ въ реестръ, по словамъ Меѳодія, было 35; но и этотъ списокъ составленъ былъ несправедливо, такъ какъ въ него записано было много лицъ, которыхъ въ то время не было въ городѣ,

и такихъ, которые не давали на то согласія и крѣпко стояли за унію. Когда комиссары приступили къ исполненію своихъ обязанностей, Терлецкій заявилъ, что какъ прежде онъ „не изъявлялъ согласія на коммиссіи, такъ не соизволяетъ и теперь и заранѣе предупреждаетъ, что какое бы ни состоялось опредѣленіе въ ущербъ уніи, онъ скорѣе пожертвуетъ своею жизнью, нежели допуститъ привести его въ исполненіе". Тѣмъ не менѣе комиссары, принимая во вниманіе, что часть гражданъ заявили себя православными, присудили имъ Успенскую церковь, находившуюся въ предмѣстьѣ города, съ шпиталемъ и всѣми принадлежностями, обезпечивъ православнымъ свободное исполненіе религіозныхъ обязанностей. Терлецкій приказалъ своимъ клевретамъ не допускать комиссаровъ до „отобранія церквей". Тѣмъ не менѣе утромъ въ воскресенье церковь чрезъ комиссаровъ была православнымъ передана, причемъ, по словамъ Терлецкаго, его приставники были прогнаны и церковные замки сломаны. Когда дано было знать объ этомъ Меѳодію, онъ поспѣшно отправился къ Успенской церкви. „Такъ какъ я—говоритъ Терлецкій—явно шелъ черезъ городъ, то люди, видя такое необычайное мое путешествіе и догадываясь, что я поспѣшно иду для защиты церкви, побѣжали за мною, притомъ не только мои уніаты и добрые католики, но и жиды, желая посмотрѣть на трагедію. Въ это время ѣхали изъ дома въ костелъ къ обѣднѣ (na mszą) госпожи Куницкая и Андреевская, и онѣ, смотря на другихъ, послѣдовали за нами. Я, не оглядываясь назадъ и не видя за собою громадной толпы, меня сопровождавшей, прямо пришелъ къ церкви, которую найдя запертою большимъ замкомъ, приказалъ священнику означенной церкви отпереть, желая слушать въ ней литургію (что потомъ и исполнилъ) и своимъ присутствіемъ противостать волкамъ и хищникамъ. Отвѣчалъ тотъ отецъ, что не имѣетъ ключей, потому что замокъ не церковный. Я спросилъ: церковный замокъ гдѣ же?—Отвѣчалъ: схизматики отбили и не знаю куда дѣвали, а церковь заперли своимъ замкомъ. Я разсудилъ: если свѣтскія лица рѣшились безправно отбить церковные замки, то почему не могъ бы учинить того я съ мірскимъ замкомъ, святотатственно къ дверямъ церкви привѣшеннымъ?—и тотчасъ приказалъ ударить въ него обухами, а потомъ, отворивши церковь, нашелъ царскія двери выломанными; чрезъ нихъ схизматицкій комиссарскій попъ вошедши безъ почтенія, даже съ пренебреженіемъ, въ алтарь, гдѣ находились св. дары, обратился къ своей сектѣ съ неприличными словами: вотъ, говорилъ, уніатскій сакраментъ, который такъ же много значитъ, какъ и хлѣбъ простой, и т. п. Около церкви, прежде чѣмъ она была отперта, католическое простонародье, будучи оскорблено не-

пристойными словами схизматиковъ, кинулось было въ драку съ ними, но я крикнулъ, чтобы вели себя спокойно... меня послушали, такъ что, по милости Божіей, пролитія крови не было. Впрочемъ, нѣсколькимъ схизматикамъ досталось отъ кулаковъ и палокъ, но безъ вреда, какъ отъ женщинъ. Именно говорятъ, якобы госпожи Куницкая и Андреевская преисполнились такой ревности католической, что не только лично присутствовали при мнѣ, но показали вмѣстѣ съ тѣмъ геройскій духъ: вырвавши изъ рукъ схизматиковъ тѣ же самыя палки, съ которыми они пришли было, эти госпожи живо замолотили ими по хребтамъ хлопскимъ и восприяли на площади пальму викторіи". Послѣ этого Меѳодій приказалъ звонить къ литургіи, которая и была совершена, послѣ чего, по его словамъ, „ни одинъ уже схизматикъ не показывалъ своихъ очей какъ въ этой, такъ и въ остальныхъ холмскихъ церквахъ" [1]).

Поступки Меѳодія были явно противозаконны. Не могъ этого не сознавать и самъ онъ. Но какъ фанатикъ, притомъ разсчитывавшій на сильную поддержку ультра-католической партіи, въ особенности надѣясь на одобреніе и могущественное содѣйствіе расположеннаго къ нему римскаго престола,—онъ не усомнился вступить въ противозаконную борьбу съ православными, которую и велъ въ теченіе всей своей жизни. Этою борьбою онъ нанесъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ ранъ Рѣчи Посполитой, усиливая въ средѣ православныхъ подданныхъ оной озлобленіе противъ царившей здѣсь неправды, противостоять которой безсильной оказывалась верховная власть; но ближайшія послѣдствія этой борьбы, казовыя послѣдствія, для Меѳодія были благопріятны: онъ своими безконечными процессами противъ православныхъ (хотя и не дешево ему стоившими) до такой степени стѣснилъ ихъ, что многіе изъ нихъ—хотя бы то и наружно—подчинились ему. Въ Холмѣ при Меѳодіи православнымъ, не смотря на всѣ ихъ усилія, не удалось имѣть ни одной церкви. Потерявъ надежду возвратить присужденную имъ Успенскую церковь, они предприняли сооруженіе церкви на свои средства и, купивъ для этого удобное мѣсто, стали свозить на него строительный матеріалъ; но Меѳодій силою захватилъ этотъ матеріалъ и свезъ его къ своей соборной церкви, отнялъ и самое мѣсто, предназначенное для церкви. Меѳодій не ограничился и этимъ: посредствомъ судебныхъ преслѣдованій и всевозможныхъ стѣсненій онъ довелъ православныхъ жителей Холма до того, что они, по словамъ Суши, „клятвенно отреклись отъ схизмы и дали за себя и своихъ потомковъ судебнымъ порядкомъ заактированное обѣщаніе всегда пребы-

[1]) Древ. акты Холм. епархіи (въ Холм. музеѣ) к. I.

вать въ уніи, подъ угрозою за отступленіе отъ нея конфискаціи имуществъ.

Подобную же борьбу съ православными Меѳодій велъ и въ другихъ городахъ своей епархіи [1]).

Были отклоненія отъ вошедшихъ въ силу узаконеній по дѣламъ религіознымъ и со стороны православныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ вызваны были необходимостью: были почти неизбѣжны. Мы видѣли, что въ городахъ Витебскѣ и Полоцкѣ православные не должны были имѣть ни одной церкви, и такимъ образомъ юрисдикція православнаго епископа (мстиславскаго, оршанскаго и могилевскаго) на эти города не простиралась. Такое постановленіе, состоявшееся во время сейма 1635 года, находилось въ противорѣчіи со „статьями примиренія", проектированными на избирательномъ сеймѣ, но тѣмъ не менѣе на него—какъ нами замѣчено—православные вынуждены были дать свое согласіе (по крайней мѣрѣ протестовъ съ ихъ стороны мы не встрѣчаемъ). Такая уступчивость со стороны православныхъ вызвана была непреклонною настойчивостію латино-уніатской партіи и *особеннымъ положеніемъ этихъ городовъ.* Въ Витебскѣ въ ноябрѣ 1623 года умерщвленъ былъ православными извѣстный фанатикъ Іосафатъ Кунцевичъ. Коммиссія, назначенная правительствомъ для разслѣдованія этого дѣла, произнесла суровый декретъ: около ста человѣкъ осуждено было на смертную казнь, имѣнія осужденныхъ конфискованы, городъ Витебскъ лишенъ магдебургскаго права и всѣхъ прежде дарованныхъ ему вольностей, мѣста, гдѣ совершалось православное богослуженіе, были разрушены, и витеблянамъ воспрещалось вновь возобновлять оныя. Возвращеніе прежнихъ вольностей своему городу жители Витебска пріобрѣли впослѣдствіи тяжелою цѣною, обязательствомъ принять унію и впредь неуклонно слѣдовать ей. На эти обстоятельства и указывали латино-уніаты, домогаясь въ указанномъ смыслѣ измѣненія статей примиренія [2]). Что касается Полоцка, жители котораго тоже не были неповинны въ умерщвленіи Кунцевича, то этотъ городъ, по мнѣнію латино-уніатовъ, уже потому долженъ былъ не заключать въ стѣнахъ своихъ схизмы (православія), что былъ резиденціею означеннаго „блаженнаго мученика", душу свою положившаго за дѣло уніи.

---

[1]) Ibid.

[2]) Витебская Старина, изд. А. Сапунова. т. I. докум. №№ 118—120. Ibid. т. V ч. I. № 93.

Вводимая посредствомъ угрозъ и насилій унія въ Полоцкѣ и Витебскѣ не могла быть принимаема искренно: ее принимали съ ненавистью къ ней въ душѣ, въ силу необходимости. Поэтому, когда съ воцареніемъ Владислава IV правовое положеніе западно-русской церкви существенно измѣнилось къ лучшему, достигнутое латино-уніатскою партіею выдѣленіе означенныхъ городовъ изъ общаго узаконенія о религіозной свободѣ, какъ бы закрѣпощеніе этихъ городовъ за уніею, не могло не возбудить здѣсь крайняго неудовольствія и не вызвать движеній въ пользу православія. Притомъ по отношенію къ Полоцку точное исполненіе постановленія 1635 года о неимѣніи здѣсь православными ни одной церкви оказывалось уже запоздавшимъ, такъ какъ еще въ 1633 году Владиславомъ IV, по просьбѣ земскаго брацлавскаго судьи Себастіана Мирскаго, выдана была привилегія, которою дозволялось на пожертвованномъ имъ пляцѣ, находящемся въ г. Полоцкѣ, „церковь и монастырь будовати, подъ послушенствомъ владыки мстиславскаго, не въ уніи будучого" [1]). Поэтому, можетъ быть опираясь на эту привилегію, Сильвестръ Коссовъ, вскорѣ по вступленіи на мстиславскую каѳедру, при объѣздѣ своей епархіи посѣтилъ и Полоцкъ: „прибылъ сюда—по словамъ уніатскаго архіепископа Антонія Селявы—съ шумомъ и воинскимъ оружіемъ, переосвящалъ уніатскихъ священниковъ и присоединилъ ихъ съ прихожанами къ схизмѣ (православію)" [2]). Кажется, въ это же время онъ посѣтилъ и Витебскъ, какое посѣщеніе тоже сопровождалось присоединеніемъ „простого люда" къ православію [3]). Такія дѣйствія со стороны С. Коссова вызвали сильные протесты со стороны полоцкаго уніатскаго архіепископа и сочтены были правительствомъ за нарушеніе существующихъ узаконеній. 1-го мая 1636 года Владиславъ IV издалъ наказъ, воспрещающій С. Коссову пріѣзды въ Полоцкъ и Витебскъ [4]), а судебные процессы, начатые противъ него Антоніемъ Селявою и тянувшіеся цѣлые годы, доставили много хлопотъ, огорченій и матеріальныхъ ущербовъ мстиславскому епископу [5]).

Другое, болѣе громкое дѣло о нарушеніяхъ православными „статей примиренія" возникло въ перемышльской епархіи. Намъ извѣстно, что по означеннымъ статьямъ перемышльская епархія предоставлена была православнымъ, но съ оговоркою, что до смерти

---

[1]) Ibid. т. V. ч. I. № 90.
[2]) Ibid. т. V. ч. I. стр. 150.
[3]) Ibid. т. V. ч. I. № 97.
[4]) Ibid.
[5]) Ibid. т. V. ч. I, № 99, стр. 149 и слѣд.

уніатскаго епископа Афанасія Крупецкаго имѣнія этой епархіи должны оставаться за нимъ, до того же времени православному перемышльскому епископу, для его резиденціи, предназначены были три монастыря: св. Спаса, св. Онуфрія и такъ называемый Смолница. 14 марта 1635 года привилегія на перемышльскую епископію королемъ была дана земскому луцкому писарю Семену Гулевичу-Воютинскому, избранному на оную православными. Въ этой привилегіи, кромѣ означенныхъ монастырей со всѣми „добрами", къ нимъ принадлежащими, Гулевичу предоставлена была еще церковь Прэчичистенская (около Перемышля) [1]. Изъ означенныхъ монастырей лучшій—св. Спаса—находился дотолѣ въ фактическомъ владѣніи уніатскаго епископа А. Крупецкаго. Предвидя, что со стороны послѣдняго можетъ воспослѣдовать сопротивленіе при передачѣ помянутаго монастыря въ вѣдѣніе православныхъ, Гулевичъ, какъ человѣкъ рѣшительный и энергичный, не послѣдовалъ обычному порядку, посредствомъ котораго должна была бы совершиться означенная передача. Онъ повсюду разослалъ грамоты и письма къ православнымъ своимъ пасомымъ съ просьбою къ извѣстному времени прибыть въ Перемышль для отобранія отъ уніатовъ Спасскаго монастыря. Вслѣдствіе этого призыва изъ разныхъ мѣстъ перемышльской и даже львовской епархіи стеклось множество народа, часть котораго (очевидно дворяне) была вооружена. И вотъ 10 іюня 1636 года эта многочисленная толпа (по свидѣтельству уніатскихъ источниковъ, якобы численностью въ 20,000) двинулась къ монастырю св. Спаса, внезапно напала на него, разрушила ограду, завладѣла келіями, житницами и вообще всѣмъ монастырскимъ имуществомъ. Нѣкоторые слуги и друзья Крупецкаго заперлись въ башнѣ, окруженной каменною стѣною, гдѣ якобы мужественнои защищались около десяти дней. Что касается до самого Крупецкаго, то онъ въ это время оканчивалъ литургію (divina celebrabat). Церковныя двери (запертыя по его распоряженію) были разбиты сѣкирами, и Гулевичъ введенъ былъ въ храмъ. Крупецкій находился еще въ облаченіи; на него посыпались оскорбленія и удары, а одинъ изъ „схизматиковъ", дворянинъ Маркевичъ, приставилъ къ его груди два пистолета и произвелъ выстрѣлы, давшіе осѣчку. Когда же выстрѣлы имѣли быть повторенными, Гулевичъ прикрылъ Крупецкаго своею мантіею и среди общаго смятенія—крика и стона избиваемыхъ людей—отвелъ его въ ризницу, гдѣ онъ, не пивши и не ѣвши, просидѣлъ до полуночи, пока тайно не выведенъ былъ изъ своего заключенія Гулевичемъ. Въ это время нѣкоторые изъ

---

[1]) Кіев. Центр. Архивъ; № кн. 2150, л. 738 об.

церковныхъ прислужниковъ были подвергаемы истязаніямъ, слуги заключаемы въ карцеры, вообще всюду производились страшныя насилія [1]). Не смотря на естественныя преувеличенія въ протестаціяхъ и разсказахъ уніатскихъ писателей объ этомъ событіи, въ существенныхъ чертахъ сообщаемыя здѣсь свѣдѣнія должны быть признаны за достовѣрныя. За это говорятъ уже тѣ прискорбныя послѣдствія (о чемъ скажемъ ниже), которыми сопровождалось это дѣло для Гулевича и другихъ лицъ, принимавшихъ участіе въ означенномъ нападеніи.

Изъ приведенныхъ нами фактовъ (а численность подобныхъ фактовъ, хотя и не столь выпуклыхъ, можетъ быть увеличена) видно, что „статьи примиренія“ не достигли одной изъ главныхъ своихъ цѣлей: не внесли мира и спокойствія между православными и латино-уніатами. Слишкомъ обострены были отношенія между тѣми и другими, чтобы ихъ многолѣтнія пререканія рѣшены были правительственною властью, въ особенности при слабости этой власти. Къ тому же сама власть, подъ давленіемъ латино-уніатской партіи, обнаруживала въ это время колебанія, не безъ основанія заставлявшія православныхъ опасаться за прочность достигнутыхъ ими на предшествовавшихъ сеймахъ результатовъ. Такъ, напр., когда съ разныхъ сторонъ латино-уніатскаго лагеря посыпались жалобы о несправедливомъ якобы распредѣленіи церквей между православными и уніатами, то король вынужденъ былъ послать воеводамъ, каштелянамъ, старостамъ и другимъ властямъ грамоты, въ которыхъ, выставляя на видъ несправедливость дѣйствій комиссаровъ (комиссары, назначенные для Короны, насильственно отобрали нѣкоторыя церкви отъ уніатовъ въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ), приказывалъ всѣ означенныя церкви вновь возвратить уніатамъ [2]). Въ то же время посланы были королемъ грамоты и самимъ комиссарамъ, въ коихъ король упрекалъ послѣднихъ въ неисполненіи его *намѣреній*, приказывалъ имъ вновь объѣхать города и нѣкоторыя церкви, отобранныя отъ уніатовъ, вновь возвратить имъ, представивъ православнымъ найхудшія (podleysze cerkwie) [3]). Разумѣется, отобраніе отъ православныхъ уже отданнаго имъ, притомъ, смѣло можно утверждать, справедливо отданнаго — не могло не вызывать въ средѣ ихъ новыхъ волненій, новыхъ неудовольствій, а отсюда и открытыхъ сопротив-

---

[1]) Ind. Relat. Castr. Premisl. въ Львов. Бернадинскомъ Арх; № кн. 359, л. л. 435—441.

[2]) Кіев. Центр. Арх.; № кн. 1003. л. 447.

[3]) Ibid. № кн. 1003, л. 448.

леній. Словомъ, то „пламя“, которое внесено было въ зданіе Рѣчи Посполитой чрезъ введеніе здѣсь пресловутой религіозной уніи съ Римомъ,— „пламя,“ столь быстро разрушавшее это зданіе,—не только не было потушено „статьями примиренія,“ — но, по крайней мѣрѣ, по мѣстамъ, еще болѣе было раздуваемо. Владиславъ IV не могъ этого не сознавать, а потому въ интересахъ государства рѣшился прибѣгнуть къ другой лелѣемой имъ мысли—примиренію православныхъ и уніатовъ *на почвѣ религіозной*, путемъ взаимныхъ уступокъ съ той и съ другой стороны.

IV.

Попытки со стороны короля къ примиренію враждующихъ сторонъ на почвѣ религіозной и отношеніе къ сему представителей православной церкви.—Депутація короля по этому поводу къ православнымъ въ бытность его въ 1636 г. въ Вильнѣ. Грамоты короля, разосланныя представителямъ уніатской и православной церкви о созваніи собора для разсужденій объ условіяхъ религіознаго соглашенія.—Проектъ уніи.—Неудавшійся („сорванный“) сеймъ 1637 г.

Мысль о примиреніи православныхъ съ уніатами на почвѣ религіозной—мысль не новая. Извѣстно, что рѣчи объ этомъ подняты были еще на сеймѣ 1623 года [1]). Около этого времени составленъ былъ и планъ подобнаго соглашенія. Онъ состоялъ въ томъ, чтобы православные и уніяты, собравшись на соборъ, общимъ совѣтомъ избрали себѣ патріарха. Подобнаго плана не чуждались ни уніаты, обманувшіеся въ пышныхъ обѣщаніяхъ католиковъ, ни православные, изнуренные продолжительною борьбою съ латино-уніатами и до крайности стѣсненные въ своихъ правахъ. Разсужденія объ этомъ дѣлѣ возобновлялись въ 1624, 1626, 1627 и 1629 годахъ; но они ни къ чему не привели, съ одной стороны, вслѣдствіе крайняго несочувствія подобному соглашенію большинства простого народа, а съ другой—вслѣдствіе разныхъ точекъ зрѣнія на дѣло религіознаго соглашенія представителей православной и латино-уніатской церквей.

Владиславъ IV вѣрилъ въ возможность религіознаго соглашенія между православными и уніатами путемъ взаимныхъ уступокъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе всего своего царствованія всемѣрно заботился объ этомъ (равно какъ и о религіозномъ примиреніи католиковъ съ протестантами). Безъ сомнѣнія, еще на коронаціонномъ сеймѣ, когда религіозныя разногласія приняли опасный для спокой-

---

[1]) Кіев. митроп. П. Могила, т. I глава III.

ствія государства характеръ, король входилъ въ сношенія съ представителями православія и уніи, склоняя тѣхъ и другихъ къ примиренію на почвѣ религіозной. Не подлежитъ также сомнѣнію и то, что о надеждѣ на подобное примиреніе не мало трактовалось и въ секретной инструкціи, данной отправляемому въ Римъ въ качествѣ посла Георгію Оссолинскому. Недаромъ послѣдній въ своей краснорѣчивой рѣчи предъ папою заявлялъ о заботахъ Владислава IV-го привлечь въ овчарню „св. отца" одичалыхъ львовъ скандинавскихъ (москвичей) и отщепенцевъ отъ верховнаго пастыря (православныхъ западно-руссовъ). На сеймѣ 1635 года заботы короля въ указанномъ направленіи, въ виду тѣхъ же религіозныхъ разногласій, должны были еще болѣе увеличиться. Принимая во вниманіе всю совокупность данныхъ по трактуемому предмету, можно предполагать, что Петръ Могила и другіе наиболѣе видные представители православія къ желанію короля не отнеслись отрицательно. Они могли заявить (какъ П. Могила заявлялъ), что св. восточная церковь ежедневно проситъ Господа, дабы онъ путями, ему вѣдомыми, привелъ раздѣленныя церкви къ тому единенію, которое существовало между ними прежде, въ теченіе тысячелѣтія. Но подавая такую надежду, ревнители православія во главѣ съ представителемъ западно-русской церкви не желали главнымъ образомъ противорѣчить королю, такъ много сдѣлавшему въ интересахъ православія, на самомъ же дѣлѣ, хорошо ознакомленные съ вожделѣніями латино-уніатской партіи и ея воззрѣніями на этотъ предметъ, едва ли могли (за рѣдкими исключеніями) питать дѣйствительную надежду на умиротвореніе православной церкви посредствомъ предлагаемаго компромисса: ибо они хорошо знали, что римскій престолъ далекъ отъ мысли объ единеніи церквей, какъ о взаимообщеніи между ними въ мирѣ и любви, съ сохраненіемъ за церковью православною всѣхъ завѣщанныхъ древностью особенностей въ ученіи, управленіи и обрядности; они знали, что римскій престолъ смотритъ на означенное единеніе, какъ на подчиненіе православной церкви католической, какъ на всецѣлое порабощеніе первой послѣдней. Такимъ образомъ надежды, подаваемыя королю представителями православной церкви на возможность примиренія ихъ съ уніатами на почвѣ религіозной, были не болѣе какъ дипломатическимъ пріемомъ съ ихъ стороны передъ королемъ, въ помощи и содѣйствіи котораго они столь нуждались. Между тѣмъ Владиславъ IV своимъ совѣщаніямъ съ представителями православной церкви по данному вопросу придалъ преувеличенное значеніе въ смыслѣ склонности послѣднихъ сдѣлать существенныя уступки католицизму, о чемъ, кажется, и извѣстилъ папу, осаждаемаго жалобами на короля за его покровительство „схизматикамъ".

По крайней мѣрѣ Урбанъ VIII въ письмѣ своемъ, отъ 10 іюля 1636 г., на имя волынскаго воеводы осыпалъ его похвалами за то, что „онъ вмѣстѣ съ возлюбленными братьями—Петромъ Могилою, митрополитомъ Русиновъ, и Аѳанасіемъ, епископомъ луцкимъ, заботится о привеценіи всѣхъ русскихъ къ единенію съ римскимъ престоломъ на основаніи флорентійскаго собора (iuxta sacri concilii Florentini praescriptum) [1]). Въ это время слухи о склонности Петра Могилы и луцкаго епископа Аѳанасія Пузыны принять унію (даже о принятіи послѣднимъ оной) были, кажется, распространены значительно. Нѣкто Фрукъ въ письмѣ своемъ (отъ 18 іюня 1636 г.) къ уніатскому Владимірскому епископу Іосифу Мокосѣк-Баковецкому извѣщаетъ послѣдняго, какъ о новости, что луцкій епископъ Пузына, обратившись съ просьбою къ князю Заславскому о прекращеніи начатыхъ противъ него, епископа, процессовъ за учиненные имъ „бунты“ въ Кременцѣ, а также о предоставленіи ему Дерманскаго монастыря, изъявилъ желаніе принять унію и даже далъ присягу на оную. „Говорятъ—пишетъ Фрукъ—и о Могилѣ, что онъ окончательно хочетъ перейти на сторону уніи. Объ этомъ была рѣчь въ Бродахъ, у его милости пана Краковскаго. Его милость сказалъ: о Пузынѣ не сомнѣваюсь, но о Могилѣ *весьма*; въ особенности сомнѣвается панъ подкоморій Львовскій, который хорошо его (Могилу) знаетъ“ [2]).

Особенную заботливость о примиреніи православныхъ съ уніатами на почвѣ религіозной Владиславъ IV проявилъ въ 1636 году, когда несостоятельность правительственныхъ распоряженій „объ успокоеніи людей греческой религіи“ обнаружилась всецѣло. Въ этомъ году, въ бытность свою въ Вильнѣ, онъ обратился къ православнымъ съ увѣщаніями войти въ соглашеніе съ уніатами и учинить „генеральную згоду“. Съ этою цѣлью послано было къ нимъ (по всей вѣроятности, къ виленскимъ братчикамъ) уполномоченное лицо, которое обратилось къ собранію православныхъ съ слѣдующею рѣчью:

„Король его милость говоритъ вамъ чрезъ посредство меня: какъ ваши предки оказали сопротивленіе уніи и чрезъ то подали примѣръ другимъ городамъ, такъ (желательно), чтобы вы, ихъ потомки, были побужденіемъ для тѣхъ же городовъ къ (взаимному) соглашенію.

---

[1]). Theiner. Vetera Monum. Pol. et Lithuaniae, t. III, № CCCLVII.

[2]). Подлинникъ находится въ библ. Кіев. Дух. Академіи (поступилъ изъ Тригурскаго монастыря).

„Увѣщеваетъ васъ король его милость къ общему соглашенію по слѣдующимъ причинамъ:

1) Все, позволенное вамъ королемъ его милостью на прошлыхъ сеймахъ, потому позволено было, что ваши духовные руководители, въ случаѣ благопріятнаго рѣшенія въ вашу пользу, обѣщали скорое соединеніе (религіозное соглашеніе съ уніатами); теперь пришло время исполнить это обѣщаніе.

2) Усматриваетъ король его милость, что сѣкира лежитъ при корнѣ вѣроисповѣданія греческаго, такъ какъ число людей, принадлежащихъ къ нему, не прибываетъ, но умаляется. А развѣ не умаляется, когда многіе какъ отъ уніатовъ, такъ и отъ неуніатовъ переходятъ въ обрядъ латинскій,—не только свѣтскіе но и монашествующіе,—вслѣдствіе чего возрастаютъ книги (судебныя дѣла), которыя всѣ вѣтви и листья столь прекраснаго вѣроисповѣданія изсушиваютъ, отсѣкаютъ и отрываютъ? А развѣ не умаляется, когда съ обѣихъ сторонъ умножаются судебные процессы, которые, уменьшая имущество ваше, вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшаютъ и ваше расположеніе къ своему вѣроисповѣданію? А развѣ не умаляется, когда многія церкви обращаются въ костелы? А это все происходитъ оттого, что надежда соединенія отсрочивается.

3) Видитъ король его милость, что васъ и въ Коронѣ и въ Литвѣ декретами накрываютъ, маетности, основанныя вами и завѣщанныя, отнимаютъ, даже, увеличивая ваши несчастія (a że krzyż podnoszą), не всегда позволяютъ производить звоны въ колокола, всюду не только не имѣете вы свободнаго доступа къ вольностямъ, но пребываете въ униженіи; а такъ какъ набожные церемоніи и обычаи ваши сейчасъ уже имѣютъ отмѣны, то, если сами о себѣ не будете стараться, и ваше вѣроисповѣданіе, и полученныя вами права, однимъ словомъ, все погубите.

4) Поелику въ членахъ вѣры (между православною и уніатскою церквами) противорѣчія нѣтъ и поелику уніаты желаютъ соглашенія, то много повинны предъ Богомъ вы будете (т. е., если не послѣдуете убѣжденіямъ короля). При этомъ король его милость предостерегаетъ васъ: если станете медлить соглашеніемъ, какъ бы не случилось, что уніаты, истомившись ожиданіями, не пожелали бы съ своими церквами и бенефиціями перейти въ обрядъ римскій, а для осуществленія этого развѣ они не найдутъ себѣ помощниковъ? Предупреждая это, милостивый нашъ король, чрезъ меня, убѣждаетъ васъ, дабы вы позаботились о соглашеніи съ уніатами и начали это дѣло при бытности въ Вильнѣ его королевской милости. Вы (чрезъ исполненіе сказаннаго) пріохотите короля къ пожалованію сему городу большихъ вольностей, а равнымъ образомъ и вамъ самимъ,

какъ заботящимся объ упомянутомъ соглашеніи, будутъ оказаны милости. Пріохотите (къ услугамъ вамъ) и насъ, такъ какъ мы въ своихъ помѣстьяхъ имѣемъ много церквей. Мы о церквяхъ вашихъ и духовныхъ бенефиціяхъ будемъ такъ-же заботиться и охранять ихъ, какъ заботимся и охраняемъ духовенство костела римскаго" [1]).

Предполагая, что почва для религіознаго соглашенія православныхъ съ уніатами достаточно подготовлена, король въ началѣ сентября 1636 г. разослалъ къ представителямъ православной и уніатской церкви, а равно и къ нѣкоторымъ вліятельнымъ свѣтскимъ лицамъ грамоты съ призывомъ озаботиться о приведеніи означеннаго дѣла въ исполненіе. Въ посланіяхъ къ митрополитамъ православному (П. Могилѣ) и уніатскому (Вельямину-Рутскому) король писалъ: „По милости Божьей обезпечивши спокойствіе государства отъ внѣшнихъ враговъ, мы желали на предстоявшемъ общемъ сеймѣ все, что, вслѣдствіе несчастныхъ обстоятельствъ времени, производитъ волненія и въ будущемъ можетъ затруднить сеймовыя совѣщанія, надлежаще уврачевать и ввести въ свои предѣлы. Рознь же между Русью возсоединенною (съ Римомъ) и не возсоединенною, навлекая на Рѣчь Посполитую не мало непристойнаго (zaciągaiąc inconwiencyą), много отнимаетъ времени на сеймахъ,—и хотя во время счастливой нашей элекціи уже опредѣлены средства для успокоенія (враждующихъ), однако на прошломъ сеймѣ мы узнали, сколько приведеніе этихъ средствъ въ исполненіе затруднило Рѣчь Посполитую и навѣрное и впредь не перестанетъ затруднять. Посему, разсылая по настоящему дѣлу наши листы къ старшему духовенству обѣихъ сторонъ и къ нѣкоторымъ свѣтскимъ лицамъ,—такъ какъ у васъ и братства въ дѣлахъ религіозныхъ имѣютъ не малую силу,—мы желаемъ, чтобы вы предъ наступленіемъ слѣдующаго сейма снеслись со всѣми ими и озаботились объ изысканіи такихъ способовъ, посредствомъ которыхъ между вами, обѣими сторонами, могло бы установиться единеніе и прочное согласіе. Ибо пока вы надежными средствами не придете къ соглашенію въ своихъ разногласіяхъ, одна сторона не перестанетъ безпокоить другую тяжбами, утѣснять и всячески затруднять. Знаемъ, что главнѣйшимъ вопросомъ между вами (православными и уніатами) будетъ вопросъ о повиновеніи, которое вы (православные) оказываете константинопольскому патріарху; но если разсудите, что дѣлалось въ той

[1]). Рукоп. Виленскаго Свято-Дух. монастыря; сравни Лукашевича Dzieje wyznania Helweckiego w Litwie; но Лукашевичъ не вѣрно относитъ означенный фактъ къ 1648 году.

столицѣ и теперь дѣлается, легко прійдете къ мысли, что, не нарушая правъ патріаршества, вы можете, по примѣру Москвы и другихъ государствъ, имѣть у себя дома то, зачѣмъ тянетесь на сторону. Совершите же дѣло, угодное Богу, полезное Рѣчи Посполитой, потребное русскому народу, особенно находящемуся въ уніи, и незабвенное для насъ" [1]).

Къ этому времени выработанъ былъ и самый проектъ религіознаго соглашенія православныхъ съ уніатами. Въ сущности это былъ тотъ же самый проектъ, который составленъ былъ въ 1629 г. ко времени львовскаго съѣзда, назначеннаго Сигизмундомъ III для совѣщаній между православными и уніатами. Но теперь проектъ былъ нѣсколько расширенъ, а главное, снабженъ обширными примѣчаніями. Главнѣйшіе пункты проекта, какъ и прежде, состояли въ томъ, что 1) русскіе греческаго обряда не вносятъ въ символъ вѣры прибавленія „и отъ Сына", но въ свою очередь не должны порицать и латынянъ, учащихъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца. Вообще споры объ этомъ должны быть прекращены. 2) Русскіе греческаго обряда должны вѣрить въ существованіе третьяго мѣста—чистилища, хотя и не обязаны вѣрить, что очищеніе душъ въ немъ происходитъ черезъ огонь. 3) Обязаны вѣрить, что души святыхъ находятся на небѣ. 4) Всѣ русскіе греческаго обряда, находящіеся подъ властью польскаго короля, состоятъ въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха, но только въ томъ случаѣ, если онъ вѣруетъ согласно вышеизложенному, если пребываетъ вѣрнымъ христіаниномъ, если будетъ единственнымъ патріархомъ той церкви, если, „по своемъ посвященіи, пришлетъ къ его величеству королю, митрополиту и ко всѣмъ русскимъ епископамъ свое вѣроисповѣданіе и объявитъ, что онъ вѣруетъ согласно вышенаписанному". Когда его вѣроисповѣданіе окажется и признается согласнымъ съ объявленнымъ, тогда всѣ подданные его величества, держащіеся греческаго обряда, обязаны непосредственно зависѣть отъ означеннаго патріарха. 5) Обряды и обычаи восточной церкви будутъ сохраняться въ цѣлости, безъ прибавленій и убавленій; вѣдѣніе тяжбъ будетъ принадлежать общему собору, рѣшенія котораго обязательны. 6) Русскіе не должны порицать опрѣсноки латынянъ, субботній постъ, причащеніе подъ однимъ видомъ, съ другой стороны и римляне не должны хулить кислыхъ хлѣбовъ русскихъ, ихъ мясоѣденіе въ субботу и причащеніе подъ обоими видами. Такимъ образомъ, всякій держится своего обряда и хвалитъ другой, хотя

---

[1]) Supplem. ad. Histor Rus. Monum. № LXXII.

ему и не слѣдуетъ... 7) Никто изъ латынянъ не долженъ говорить, что восточные патріархи не имѣютъ той власти и юрисдикціи, какую имѣли ихъ предшественники, законно поставленные и православно (каѳолически) вѣровавшіе, потому что и теперешніе патріархи, если законно поставлены, все каѳолически принимаютъ и (согласно съ симъ) вѣруютъ. Никто изъ русскихъ не долженъ держать у себя и читать книгъ, написанныхъ или изданныхъ во время разногласія съ римскимъ престоломъ и направленныхъ противъ римскихъ первосвященниковъ. Всѣ русскіе греческаго обряда должны говорить, что римскій престолъ есть первый (между всѣми) и римскій первосвященникъ—первопрестольникъ или епископъ перваго сѣдалища, что ему не только принадлежитъ первое мѣсто и предсѣдательство на соборахъ, но онъ имѣетъ власть созывать самые соборы и одобрять ихъ опредѣленія. Это одному ему по праву приличествуетъ, ибо онъ есть правитель въ церкви Христовой, преемникъ божественнаго Петра. Къ нему братья должны присылать синодальныя грамоты (опредѣленія), и къ нему должно обращаться съ аппеляціею и за разрѣшеніемъ вопросовъ по важнѣйшимъ дѣламъ.

Къ этому проекту присоединены подробныя разъясненія относительно четвертаго пункта онаго, о томъ, какъ слѣдуетъ понимать зависимость отъ константинопольскаго патріарха *непосредственную* и *посредственную*.

Непосредственная зависимость отъ патріарха, по этому разъясненію, должна состоять главнымъ образомъ въ томъ, что митрополитъ въ церквахъ возноситъ молитву за него. Затѣмъ, послѣ достигнутаго соглашенія, патріархъ на первый разъ (prima vice) даетъ „сакру" митрополиту; но Русь должна позаботиться, чтобы ея послѣдующіе митрополиты освобождены были отъ поѣздокъ за означенною сакрою къ патріархамъ, по крайней мѣрѣ, до того времени, какое Богъ назначитъ для освобожденія Востока (отъ власти турокъ). Между митрополитомъ и патріархомъ должны быть только письменныя сношенія: они пересылаютъ другъ другу синодальныя посланія и свое исповѣданіе вѣры, согласное съ изложеннымъ выше... Митрополитъ пользуется въ Россіи правами постояннаго экзарха, и какъ таковой (sic exarcha natus) можетъ рѣшать всѣ дѣла внутри государства (польскаго) самостоятельно.

Въ чемъ должна состоять посредственная зависимость митрополита отъ патріарха?

Въ томъ, во-первыхъ,—отвѣчаютъ составители проекта, что митрополитъ всегда поминаетъ (на богослуженіяхъ) прежде первосвященника (папу), потомъ патріарха; во-вторыхъ, въ томъ, что

давши согласіе (на предлагаемое религіозное соглашеніе), митрополитъ свое письменно изложенное исповѣданіе вѣры посылаетъ къ римскому первосвященнику, заявляя, что онъ такъ вѣруетъ и что такое же исповѣданіе пошлетъ къ константинопольскому патріарху; въ-третьихъ, въ томъ, что послѣ состоявшагося соглашенія, митрополитъ будетъ ходатайствовать передъ верховнымъ первосвященникомъ, дабы онъ согласился войти въ сношенія съ патріархомъ по вопросу объ отмѣнѣ поѣздокъ за „сакрою" вслѣдствіе сопряженныхъ съ ними опасностей; въ-четвертыхъ, въ томъ, что митрополитъ позаботится, дабы первосвященникъ утвердилъ рѣшеніе патріарха касательно означенныхъ поѣздокъ, по крайней мѣрѣ, до того времени, какое Богъ опредѣлилъ для свободы Востока. Кромѣ того, если бы чего не доставало власти митрополита, какъ экзарха, онъ упроситъ первосвященника восполнить этотъ недостатокъ. Избранный въ митрополиты (nominatus) не прежде вступаетъ въ управленіе церковью, какъ произнесетъ исповѣданіе вѣры въ присутствіи епископовъ и нѣсколькихъ архимандритовъ, а также верховнаго легата (римскаго) или его представителя.

Почему не возможна поѣздка къ константинопольскому патріарху (за „сакрою" и по другимъ дѣламъ)?

Въ подтвержденіе затруднительности и нежелательности такихъ поѣздокъ составители проекта представляютъ нѣсколько доводовъ: во-первыхъ, указывается на опасность, такъ какъ и посланный и самъ патріархъ легко могутъ возбудить въ туркахъ подозрѣніе и тѣмъ подвергнуть свою жизнь опасности; во-вторыхъ, нельзя ожидать никакой пользы отъ такихъ поѣздокъ, ибо тамъ, гдѣ нѣтъ ни книгъ, ни ученія, ни школъ, не можетъ быть и справедливаго рѣшенія; въ-третьихъ, слишкомъ дорого бы обошлись и самыя поѣздки вслѣдствіе царящихъ на Востокѣ хищенія и всеобщей симоніи; въ-четвертыхъ, чрезъ поѣздки самый обрядъ потерпѣлъ бы униженіе, ибо тогда обнаружилось бы, что скитальцы—греки управляютъ, а русскіе, несмотря на свое превосходство, покоряются имъ.

Впрочемъ, такъ какъ сношеніями съ константинопольскимъ патріархомъ русскіе чрезвычайно дорожили, то составителями приведенныхъ объясненій къ проекту сдѣлано было замѣчаніе, что относительно этого пункта можно кое-что и уступить противной сторонѣ [1]).

---

[1]) См. Прилож. къ 1 т. сочиненія: Кіевскій митрополитъ П. Могила, стр 380—384.

Уступки католицизма, сдѣланныя въ приведенномъ проектѣ „противной сторонѣ“, т. е. православію, были ничтожны. Онѣ сводились къ признанію за послѣдними обрядности, но отнюдь не обезпечивали за ними сохраненія въ неповрежденномъ видѣ вѣроученія. Главный отличительный догматъ католической церкви—главенство папы—выдвигался на первый планъ, причемъ православные обязывались не къ почетному только признанію первенства римскаго первосвященника, но къ признанію его божественнымъ намѣстникомъ св. Петра, видимою главою церкви, руководителемъ и вершителемъ всѣхъ дѣлъ церковныхъ. Словомъ, православнымъ предлагалась та же ненавистная имъ унія, противъ которой они такъ энергично боролись, хотя предлагалась какъ бы въ смягченномъ видѣ. Длинныя рѣчи о константинопольскомъ патріархѣ, о неудобствахъ сношенія съ нимъ, о симоніи, царившей на Востокѣ, и т. п. велись съ цѣлью подготовить православныхъ къ окончательному разрыву съ греческою церковью, ибо представители католицизма не могли не сознавать, что на ихъ проектъ константинопольскій патріархъ не можетъ дать согласія и еслибы даже посредствомъ матеріальныхъ жертвъ такое согласіе и было достигнуто, то оно, возбудивъ общее негодованіе въ греческой церкви, послѣднею было бы тотчасъ же кассировано. Эти длинныя рѣчи были подготовительною почвою для склоненія православныхъ къ отдѣленію отъ греческой церкви чрезъ образованіе *собственнаго патріархата*, о чемъ прямо король и заявлялъ въ своихъ грамотахъ митрополиту православному и уніатскому.

Едва ли подлежитъ сомнѣнію, что кандидатомъ на патріаршество намѣченъ былъ королемъ и даже латино-уніатскою партіею Петръ Могила. Намеки на его находимъ въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ хотя нѣсколько и позднѣйшаго времени, но еще писанныхъ при жизни П. Могилы и притомъ тогда именно, когда попытки къ соглашенію православныхъ съ уніатами не оставляемы были королемъ. Кассіанъ Саковичъ въ 1642 году, издавая свою *Перспективу*, въ предисловіи „до читателя религіи греко-русской“, между прочимъ, пишетъ: „Взялъ отецъ Могила церковь св. Софіи въ Кіевѣ, много столѣтій передъ тѣмъ опустошенную, а въ настоящее время такъ ее возстановилъ, что отъ всѣхъ получаетъ похвалу. Также возстановляетъ монастыри, основываетъ школы и много дѣлаетъ добра въ интересахъ своего народа, такъ что еслибы захотѣлъ распрощаться (waledikować) со схизмою и вступить въ унію съ св. костеломъ римскимъ, безъ сомнѣнія, не только митрополичьяго,

не и патріаршаго сана былъ бы достоинъ" [1]). Бывшій митрополитъ Исаія Копинскій по непровѣренннымъ слухамъ заявлялъ, что Петръ Могила вѣры христіанской отпалъ и благословленъ отъ папы римскаго нынѣ (въ 1638 г.) въ великій постъ *въ патріархи*. Очевидно, что ложные слухи, распускаемые о П. Могилѣ И. Копинскимъ, въ основѣ своей имѣли предложенія короля, сдѣланныя нашему митрополиту о предоставленіи ему подъ извѣстными условіями патріаршества. Разумѣется, предлагая Петру Могилѣ патріаршій санъ, Владиславъ IV и латино-уніатская партія имѣли въ виду заручиться содѣйствіемъ его, какъ самаго выдающагося и по своему положенію и по своему вліянію, основанному на крупныхъ заслугахъ предъ русскимъ народомъ, представителя православной церкви. Прежнее (въ бытность архимандритомъ) участіе П. Могилы въ дѣлѣ соглашенія православныхъ съ уніатами и отзывы о немъ, какъ человѣкѣ примирительно относившемся къ разностямъ между церквами православною и католическою, давали латино-уніатской партіи надежду, что и въ данное время, въ особенности въ виду открывающейся перспективы получить патріаршій санъ, Могила склоненъ будетъ оказать существенныя услуги проекту религіознаго примиренія. Но если Петръ Могила въ прежнее время, увлеченный заманчиво-миролюбивыми рѣчами сторонниковъ уніи и лицевою стороною плана о соглашеніи съ римскою церковью, и мечталъ о возможности взаимообщенія между церквами (православною и католическою), то въ настоящее время, когда для него очевидною сдѣлалась и оборотная сторона означеннаго плана, а намѣренія сторонниковъ папизма перестали быть тайною,—онъ не могъ не понять, что предлагаемые проекты о соглашеніи съ уніатами грозятъ неминуемою опасностью чистотѣ православія, ведутъ къ порабощенію православной церкви римскому престолу, а потому не только не приложилъ стараній къ осуществленію предполагавшагося соглашенія съ уніатами, но и принялъ мѣры къ огражденію православія отъ посягательства на оное. Такъ, исполняя приказанія короля, онъ разослалъ его грамоты съ призывомъ къ религіозному примиренію съ уніатами православнымъ братствамъ и, совѣтуя имъ обсудить это дѣло всесторонне, наказывалъ, чтобы на ближайшій сеймъ (на которомъ имѣли быть разсужденія по этому вопросу) избраны были депутатами лица, наиболѣе извѣстные своею ревностью къ православію [2]). Ясный знакъ,

---

[1]) Ἐπανόρθωσις albo Perspectiwa..., изд. 1642 г., въ Краковѣ (предисловіе „do czytelnika religiey Graecoruskiey")

[2]) Лѣтопись Львов. Ставропигіальнаго Братства, по древнимъ документамъ составленная Діонисіемъ Зубрицкимъ (оттискъ изъ журн. М. Н. Просв.) стр. 83.

какъ относился митрополитъ къ затѣѣ короля, хотя,—повторяемъ,—не желая возбудить неудовольствія съ его стороны, открыто, принципіально и не вооружился противъ нея.

Сеймъ 1637 года, на которомъ предположены были совѣщанія православныхъ съ уніатами по означенному вопросу, открылся своевременно, но, вслѣдствіе крупныхъ разногласій между депутатами, не окончился: былъ „сорванъ". Если при началѣ его и были совѣщанія православныхъ съ уніатами о религіозномъ между собою примиреніи и учрежденіи особаго западно-русскаго патріархата, то они не привели ни къ чему, и затѣя короля окончилась неудачно, хотя—какъ увидимъ—ни онъ, ни латино-уніатская партія отъ нея не отказались.

С. Голубевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВЫЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ШЕВЧЕНКА*).

II. Оренбургскій обыскъ и его послѣдствія.

III. Межирицкій инцидентъ.

Оренбургскій обыскъ у Шевченка имѣетъ важное значеніе въ его біографіи, ибо онъ былъ причиной ссылки поэта въ Новопетровское укрѣпленіе, гдѣ ему суждено было провести цѣлыхъ семь лѣтъ. По возвращеніи изъ Аральской экспедиціи Шевченко былъ препровожденъ въ Оренбургъ (въ ноябрѣ 1849 г.) и прикомандированъ къ начальнику экспедиціи А. И. Бутакову, чтобъ докончить подъ его руководствомъ работы по описанію Аральскаго моря. Благородный Бутаковъ рекомендовалъ Шевченка командиру отдѣльнаго оренбургскаго корпуса Обручеву съ такой хорошей стороны и выставилъ услуги, оказанныя имъ экспедиціи такъ ярко, что послѣдній послалъ отъ себя ходатайство къ шефу жандармовъ гр. Орлову (отъ 20 ноября 1849 г.) о дозволеніи рядовому Шевченку заниматься рисованіемъ. По поводу этого ходатайства гр. Орловъ входилъ съ докладомъ къ Государю Императору, но Высочайшаго соизволенія на это не послѣдовало, о чемъ гр. Орловъ сообщилъ Обручеву.—Судя по разсказамъ Ѳ. М. Лазаревскаго, служившаго тогда въ Оренбургѣ, полугодичное пребываніе Шевченка въ этомъ городѣ

*) См. „Кіевская Старина" 1893 г. Мартъ.

было сравнительно свѣтлой полосой въ жизни поэта. Онъ былъ на хорошемъ счету у начальства, которое хотѣло произвесть его въ унтеръ-офицеры, жилъ не въ казармахъ, а въ домѣ адъютанта Обручева К. И. Герна, вращался въ интеллигентной средѣ своихъ соотечественниковъ и ссыльныхъ поляковъ, которые относились къ нему съ большимъ уваженіемъ, а главное только номинально считался солдатомъ, не несъ военной службы, даже ходилъ въ партикулярномъ платьѣ и, живя на свободѣ, могъ сколько угодно писать и рисовать. Но Шевченко очень хорошо зналъ, какъ непрочны эти блага, что достаточно доноса, чтобъ висящій надъ нимъ Дамокловъ мечъ немедленно опустили на его голову, чтобъ его снова возвратили къ ужасамъ казарменной жизни. Этимъ объясняется трогательное письмо его къ Дубельту (отъ 10 января 1850 г.), этотъ отчаянный крикъ наболѣвшаго сердца художника, который молилъ только объ одномъ, чтобъ ему оффиціально разрѣшено было рисовать [1]. Сколько извѣстно, это письмо осталось безъ отвѣта. Въ концѣ января главный начальникъ края В. А. Перовскій уѣзжалъ по дѣламъ въ Петербургъ. По просьбѣ-ли друзей и заступниковъ Шевченка, или по своему собственному побужденію, но только онъ заѣзжалъ въ III-е отдѣленіе къ Дубельту и, не заставши его, оставилъ письмо, которое находится при дѣлѣ о художникѣ Шевченкѣ, хранящемся въ Архивѣ Департамента Полиціи [2]. „Зная, какъ у Васъ мало свободнаго времени—пишетъ Перовскій—я не намѣренъ докучать Вамъ личными объясненіями и потому, прилагая при семъ записку объ одномъ дѣлѣ, покорнѣйше прошу В. П. прочесть ее въ свободную минуту и потомъ увѣдомить меня,—можно-ли что либо по Вашему мнѣнію предпринять къ облегченію участи Шевченка? Заслуживаетъ-ли онъ, по Вашему мнѣнію, ходатайства“? При этомъ письмѣ Перовскій приложилъ слѣдующую записку: „Въ

---

[1]) Письмо это было приведено цѣликомъ въ моей статьѣ „Геніальный Горемыка“, помѣщенной въ Сборникѣ „Братская помощь Армянамъ“. Москва 1897.

[2]) За позволеніе пользоваться этимъ дѣломъ приносимъ глубокую благодарность Министру Внутреннихъ Дѣлъ И. Л. Горемыкину.

1847 г. Тарасъ Шевченко былъ арестованъ въ Кіевѣ, привезенъ въ С.-Петербургъ и потомъ отправленъ въ отдѣльный оренбургскій корпусъ на службу рядовымъ за сочиненіе на малороссійскомъ языкѣ пасквильныхъ стиховъ, при чемъ ему было воспрещено писать и рисовать. Съ тѣхъ поръ рядовой Шевченко велъ себя отлично хорошо; онъ два года сряду, въ 1848 и 1849, участвовалъ и былъ весьма полезенъ въ экспедиціи, снаряженной для описанія Аральскаго моря.—Въ прошломъ году по возвращеніи Шевченка изъ этой экспедиціи командиръ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса, удостовѣрившись въ его отличномъ поведеніи, службѣ и образѣ мыслей, испрашивалъ ему дозволенія рисовать, но на это представленіе послѣдовалъ отказъ. Въ этомъ положеніи дѣла Г. Корпусный Командиръ не можетъ произвести Шевченка въ унтеръ-офицеры, хотя онъ, Шевченко, служитъ съ отличіемъ уже нѣсколько лѣтъ рядовымъ и не былъ приговоренъ въ солдаты безъ выслуги. Рядовому Шевченку около 40 лѣтъ; онъ весьма слабаго и ненадежнаго сложенія и въ продолженіе кампаніи на Аральскомъ морѣ неоднократно подвергался скорбуту"

На письмо и докладную записку Перовскаго послѣдовалъ отвѣтъ отъ 20 февраля 1850 г., въ которомъ Дубельтъ говоритъ, что гр. Орловъ находитъ рановременнымъ входить съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о помилованіи Шевченка, но что если Шевченко заслуживаетъ быть произведеннымъ въ унтеръ-офицеры, то удостоить его непосредственно зависитъ отъ генерала отъ инфантеріи Обручева, такъ какъ Шевченко разжалованъ безъ лишенія правъ выслуги.

Но Шевченку не суждено было дождаться производства въ унтеръ-офицеры. Нѣкто прапорщикъ Исаевъ по личной злобѣ на поэта [1]) послалъ доносъ Обручеву, въ которомъ изъяснилъ, что Шевченко вопреки Высочайшей волѣ и долгу службы занимается рисованьемъ, пишетъ стихи и ходитъ въ партикуляр-

---

[1]) Причины этой злобы разъяснены со словъ Ѳ. М. Лазаревскаго въ моей статьѣ „Первые четыре года ссылки Шевченка" (Кіевская Старина, 1888 г. кн. 10).

номъ платьѣ. Получивъ доносъ и предполагая, что Исаевъ могъ послать одновременно таковой же и шефу жандармовъ, Обручевъ приказалъ Герну пригласить съ собой жандармскаго штабъ-офицера и произвести обыскъ въ квартирѣ Шевченка. При обыскѣ были, между прочимъ, захвачены письма къ Шевченку отъ разныхъ лицъ, въ томъ числѣ отъ кн. Репниной, Лизогуба, Лазаревскаго и др., и два альбома или двѣ записныя книжки, испещренныя стихами и всякаго рода рисунками, точнѣе набросками, сдѣланными карандашомъ.—Все это было послано въ III-е отдѣленіе и пріобщено къ дѣлу. Нѣкоторые изъ этихъ писемъ были уже напечатаны („Кіевская Старина", 1893, мартъ). Привожу еще одно письмо кн. Репниной, тогда мною пропущенное.—Оно было отвѣтомъ на первое письмо Шевченка къ ней изъ Орской крѣпости [1]).

Яготинъ 13 Января 1848 г.

Отъ души благодарю Васъ, мой добрый и незабвенный Тарасъ Григорьевичъ, что Вы меня вспомнили въ далекой сторонѣ. И здѣсь мы Васъ не забываемъ и очень часто рѣчь идетъ о Васъ. Нѣтъ, я бы не засмѣялась, а зарыдала бы, если бы увидѣла Васъ теперь [2]) и молила бы Бога дать языку моему краснорѣчіе, чтобы утѣшить Васъ, вознести духъ Вашъ выше горькой участи Вашей, смягчить сердце Ваше, говоря съ Вами о милосердіи Господнемъ, Который не хочетъ смерти грѣшника, а чтобы онъ былъ живъ! Если бы это зависѣло отъ меня, распечатавъ мое письмо, Вы бы исполнились благодати; оно бы Васъ освѣжило, укрѣпило, Вы бы бодро и съ покорностью носили бы крестъ Вашъ. Но увы! что могу я бѣдная, безсильная сдѣлать для Васъ, мой добрый Т. Г? Молиться? Да, молиться, какъ можно чаще, какъ можно теплѣе, чтобы Богъ подкрѣпилъ Васъ въ настоящемъ испытаніи, чтобы онъ вложилъ милосердіе

---

[1]) См. Кіевская Старина 1886 г. октябрь.

[2]) „Вы непремѣнно бы разсмѣялись—писалъ княжнѣ Шевченко—если бы увидали теперь меня: вообразите самаго неуклюжаго гарнизоннаго солдата, растрепаннаго, небритаго, съ чудовищными усами—и это буду я!"

въ средѣ окружающихъ Васъ, чтобы направилъ тѣхъ, отъ которыхъ зависитъ земная участь къ помилованію! Съ какою радостью всѣ ваши здѣшніе друзья помогали бы Вамъ нести крестъ! Какъ всѣ они обрадовались отъ Вашего письма! Оно долго странствовало, ибо Андрей Ивановичъ (Лизогубъ) въ Одессѣ. Въ очень непродолжительномъ времени я пришлю Вамъ книги. Не хочу отложить ни одной почты отвѣчать Вамъ на письмо Ваше, которое я встрѣтила съ такимъ благодарнымъ теплымъ чувствомъ. Вотъ ужъ мы перешли въ новый годъ! Каково Вамъ было встрѣтить его на чужбинѣ! Я никогда не забуду, какъ папенька тому кажется пять лѣтъ назадъ открылъ Вамъ объятія свои и какъ Вы сыновне припали къ нему на грудь [1])! Вѣчная память этому истинно доброму человѣку! Вотъ ужъ три года, какъ его нѣтъ между нами. Въ Яготинѣ все идетъ по прежнему: общество наше то же самое, исключая Тани [2]), которая все болѣетъ и лѣчится въ Кіевѣ. Мы имѣемъ прибавленіе весьма драгоцѣнное къ нашему кругу—это бывшій кіевскій студентъ (Бодровъ?), котораго Вы видѣли у меня въ Кіевѣ и у другихъ также—чистая душа, желающая Вамъ, какъ и многіе другіе, силы упованія и терпѣнія. Какъ понятно мнѣ Ваше мученіе—не рисовать! Это настоящая пытка! Но не будемъ роптать: Богъ дастъ—это перемѣнится. Услышьте мой дружескій совѣтъ и слѣдуйте ему: предайтесь Вашей настоящей обязанности какъ можно усерднѣе, облагораживайте ее примѣрной исправностью—вѣдь въ ней испытаніе, посланное Вамъ самимъ Богомъ для очищенія души Вашей; воспитывайте ее, очищайте молитвою, вспоминайте, что многіе молятся за Васъ, что хотя отдалены отъ Васъ, но думаютъ и бодрствуютъ за Васъ! Не унывайте, несите крестъ, молитесь и надѣйтесь! Къ великому моему сожалѣнію письмо мое не было готово для вчерашней почты и

[1]) Княжна разсказывала мнѣ, что растроганный Шевченко поцѣловалъ руку маститаго князя, а по уходѣ его сказалъ, обращаясь ко всѣмъ: отъ такихъ старыхъ я люблю!

[2]) Одна изъ трехъ сестеръ Псіолъ, съ которыми княжна Репнина была очень дружна.

надобно его отложить до будущей. А какъ долго Вы его ожидали, добрый Т. Г.! Я по собственному опыту знаю, сколько можетъ быть горести въ ожиданіи. Да подкрѣпитъ Васъ Господь! Да дастъ Онъ душѣ Вашей любовь и вѣру; тогда Вы повѣрите, что Тотъ, Который насъ полюбилъ, даже до смерти неизмѣненъ, не такъ, какъ люди. Людей нужно любить, ибо они братья наши и дѣти Небеснаго Отца, а вѣрою въ Спасителя усыновленные для жизни вѣчной; ихъ должно любить, и эта обязанность иногда такъ легка, что мы въ эти минуты понимаемъ ее. Но Христосъ сказалъ: будьте убо вы совершенны, яко же Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть, т. е. исполняйте вашъ долгъ всегда и во всѣхъ отношеніяхъ, не ожидая взаимности, но дѣлая добро вездѣ и всѣмъ. Въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ Вашихъ Вы можете дѣлать добро только видимое Богомъ, но которое для того Имъ не будетъ отвергнуто, напротивъ! Освѣщайте душу Вашу молитвою, очистите ее отъ всего затмѣвающаго ее и да благословитъ Васъ Господь въ этомъ трудномъ и святомъ подвигѣ! Есть ли у Васъ Евангеліе? Я обѣщаюсь писать часто къ Вамъ и еще разъ, мой добрый Т. Г., благодарю Васъ за Вашу дружескую память. Передаю перо Глафирѣ, которая также хочетъ привѣтствовать Васъ. Прощайте, да осѣнитъ Васъ благодать святая!

Вамъ душою преданная

Варвара Репнина.

Дальше слѣдуетъ приписка, писанная рукою Глафиры Ивановны Дунинъ-Борковской, урожденной Псіолъ:

„Вы конечно не повѣрите, когда я скажу Вамъ, что грустныя Ваши строки къ княжнѣ меня сердечно обрадовали. Наконецъ-то Вы отозвались, Т. Г., и дали намъ средство выказать Вамъ хотя малую часть того живаго искренняго сочувствія, которымъ полны всѣ Ваши здѣшніе знакомые и друзья. Что могу Вамъ пожелать на новый годъ? благодати Божіей, терпѣнія и слезъ, чтобы освѣжить и растворить духовную пустыню Вашей жизни:

Прощайте, Т. Г., бумага не позволяетъ распространяться болѣе. Не забывайте насъ! Да благословитъ Васъ Господь!

Г. Д. Б.

Небольшія записныя книжки были у него захвачены еще при арестѣ его въ Кіевѣ (5 апрѣля 1847 г.), и такъ какъ въ нихъ не было ничего предосудительнаго, то онѣ и были ему возвращены передъ отправленіемъ его изъ Петербурга въ Оренбургъ. Онѣ сопровождали поэта при его переходахъ изъ крѣпости въ крѣпость и въ экспедицію къ Аральскому морю, и потому находятся въ довольно потертомъ и загрязненномъ видѣ. Въ книжкѣ съ бумажной обложкой попадаются наброски карандашомъ различныхъ фигуръ и видовъ, очевидно сдѣланныхъ наскоро: видъ юрты или куреня, лошади, верблюды въ разныхъ положеніяхъ лежащіе, идущіе, навьюченные, съ сѣдоками и безъ сѣдоковъ; есть нѣсколько народныхъ пѣсенъ и думъ, записанныхъ Шевченкомъ отъ разныхъ лицъ во время его странствованія по Волыни и Подоліи въ 1845 г.: о *Мазепѣ и Паліѣ*, о *князѣ Котляренкѣ* (т. е. о генералѣ Котляревскомъ, знаменитомъ кавказскомъ героѣ, котораго Пушкинъ называлъ бичемъ Кавказа), о *Бондаривнѣ*, о *Кармелюкѣ*, и объ *Игнатѣ Голомъ*.

Изрѣдка эти наброски карандашомъ и пѣсни перемежаются собственноручно написанными стихотворными отрывками самого Шевченка.

Въ концѣ книжки находятся отрывки изъ посланій Шевченка къ неизвѣстному другу, писанные карандашомъ и полустертые отъ времени.

Во второй записной книжкѣ въ каленкоровомъ переплетѣ, кромѣ нѣсколькихъ набросковъ карандашомъ, изображающихъ сцены изъ украинской жизни (лучшій изъ нихъ: бандуристъ играетъ на бандурѣ, а козакъ слушаетъ его, глубоко задумавшись), находятся отрывки изъ неизвѣстной драмы, которые трудно разобрать, и списанный рукою Шевченка отрывокъ, вѣроятно, изъ народной думы:

Послѣдствія оренбургскаго обыска были весьма печальны для Шевченка. Изъ Петербурга послѣдовалъ Высочайшій при-

казъ немедленно подвергнуть его строжайшему аресту, а по окончаніи слѣдствія перевести его подъ строжайшій надзоръ изъ 5-го Оренбургскаго линейнаго батальона въ другой отдаленнѣйшій батальонъ. Но этимъ дѣло не окончилось. Въ числѣ писемъ, отобранныхъ у Шевченка, было письмо на малорусскомъ языкѣ его земляка, чиновника Оренбургской пограничной таможни, Сергѣя Левицкаго (отъ 1 марта 1850 г.), находившагося въ отпуску въ Петербургѣ. Левицкій былъ большимъ пріятелемъ Шевченка, который въ письмѣ къ Бодянскому называетъ его доброй и щирой душой *). Въ письмѣ Левицкаго было нѣсколько фразъ, которыя возбудили подозрительность III-го отдѣленія и стоили жизни одному высокодаровитому и подававшему большія надежды юношѣ. Сообщая Шевченку петербургскія новости, Левицкій, между прочимъ, пишетъ: „много есть тутъ нашихъ, но кажется такіе люди, которыхъ можно промѣнять на нѣмцевъ. Есть между ними нѣкто Н. М. Головко, магистръ Харьковскаго университета. Вотъ правдивая душа! Какъ сойдемся съ нимъ, то его первое слово о Васъ. Онъ сотрудничаетъ во многихъ журналахъ и хлопецъ дуже розумный; жаль только, что своею правдивостью надѣлаетъ того, что и его сошлютъ куда-нибудь, ибо онъ уже и сейчасъ подъ надзоромъ полиціи. Онъ часто бываетъ у Остроградскаго. Много есть тутъ такихъ, что вспоминаютъ о Васъ, и Головко говоритъ, что хотя Васъ и не стало, но на Ваше мѣсто найдется до 1000 людей, готовыхъ стоять за все то, что Вы говорили".— Послѣднія слова этого письма навели подозрительнаго гр. Орлова на мысль о существованіи въ Петербургѣ тайнаго малороссійскаго общества, число членовъ котораго доходитъ до тысячи человѣкъ.—Нужно было принять противъ него мѣры быстрыя и рѣшительныя, и вотъ 15 іюня гр. Орловъ одновременно командируетъ жандармскаго полковника Станкевича арестовать Левицкаго, а жандармскаго полковника Левенталя арестовать Головка и, опечатавъ всѣ принадлежащія имъ бумаги,

*) *Гаршинъ*, Шевченко въ ссылкѣ. Истор. Вѣст. 1886, № 1.

доставить ихъ обоихъ въ III-е отдѣленіе. Первое порученіе было исполнено въ точности и обошлось безъ всякихъ инцидентовъ. Арестованный и подвергнутый допросу въ III отдѣленіи, Левицкій объяснилъ, что никакого тайнаго общества живущіе въ Петербургѣ малороссы не составляютъ, что слово *нашъ* употребляется въ значеніи малороссъ, землякъ, что хотя Головко и говорилъ ему, что на мѣсто Шевченка могутъ найтись 1000 другихъ, которые раздѣляютъ его мнѣнія и готовы постоять за нихъ и за правду, но кто эти лица и въ чемъ состоятъ ихъ мнѣнія, не объяснилъ. Объясненія Левицкаго, подтвержденныя осмотромъ его бумагъ, въ которыхъ не найдено ничего подозрительнаго, показались Дубельту настолько правдоподобными, что въ письмѣ къ гр. Орлову онъ прямо заявилъ: „что во всемъ этомъ дѣлѣ ничего важнаго быть не можетъ и что, по его мнѣнію, Головко, при либеральномъ образѣ мыслей, дабы придать себѣ болѣе важности въ глазахъ своихъ соотчичей, говорилъ имъ о тысячѣ Шевченокъ, которые существовали въ его воображеніи“. Но обманутый въ своихъ ожиданіяхъ гр. Орловъ не могъ и на этомъ успокоиться. Хотя изъ личнаго допроса Левицкаго и онъ убѣдился, что въ этомъ дѣлѣ нѣтъ ничего политическаго, „но не менѣе того,—писалъ онъ Дубельту,—я буду продолжать изслѣдованіе, дабы въ столь важномъ предметѣ не упустить изъ виду ни малѣйшихъ подробностей въ томъ предположеніи, не откроется-ли чего либо при сугубомъ разсмотрѣніи дѣла?“. Но и сугубое разсмотрѣніе не дало ровно ничего, и гр. Орлову не оставалось ничего больше, какъ сознаться въ своей ошибкѣ и отпустить Левицкаго. Но если Левицкій отдѣлался только страхомъ, то для несчастнаго Головка это привлеченіе къ дѣлу имѣло роковой исходъ. Командированный гр. Орловымъ арестовать Головко жандармскій полковникъ Левенталь донесъ управляющему III-го отдѣленія Дубельту слѣдующее: „По прибытіи моемъ на квартиру магистра Головко и по объявленіи ему, что онъ по Высочайшему повелѣнію арестованъ, таковой обѣщалъ немедленно одѣваться. По осмотрѣ моемъ маленькой темной комнатки его спальни, въ которой ни-

какихъ бумагъ не оказалось, онъ вышелъ, чтобы будто достать бѣлье; квартальный надзиратель стоялъ возлѣ него, а я осматривалъ бумаги, лежавшія на столикѣ; вдругъ, я услышалъ крикъ надзирателя: „что вы? что вы?“ Я оборотился и увидѣлъ, что Головко держалъ въ рукахъ пистолеты и прицѣливался въ надзирателя Столярова, который ретировался; тогда онъ прицѣлился въ меня; я только что успѣлъ подвинуться немного отъ стола, какъ онъ выстрѣлилъ по мнѣ. Я звалъ городового унтеръ-офицера, чтобы вмѣстѣ съ нимъ его обезоружить, какъ онъ захлопнулъ дверь и сейчасъ слышенъ былъ другой выстрѣлъ. Я разломалъ двери и увидѣлъ его лежащаго на землѣ въ крови. Доктора, которые были призваны, нашли, что онъ выстрѣлилъ себѣ въ ротъ и уже былъ мертвъ, когда они пришли“ Узнавши объ его смерти и, можетъ быть, увидѣвши въ самоубійствѣ Головко новое подтвержденіе его преступныхъ замысловъ, гр. Орловъ приказалъ произвести строгое разслѣдованіе объ его личности и образѣ мыслей. Были тщательно разсмотрѣны оставшіяся послѣ Головко бумаги, были спрошены всѣ знавшіе его, начиная съ его квартирнаго хозяина. Судя по даннымъ, добытымъ этимъ разслѣдованіемъ, Головко былъ человѣкъ далеко недюжинный. Онъ велъ жизнь тихую и скромную, занимался наукой, нерѣдко посѣщалъ знаменитаго математика, академика Остроградскаго, и собирался ѣхать въ Англію, чтобы собирать матеріалы для докторской диссертаціи. Показанія знокомыхъ, кромѣ того, рисуютъ его человѣкомъ серьезнымъ, задумчивымъ, хорошо образованнымъ, читавшимъ на нѣсколькихъ иностранныхъ языкахъ, обладавшимъ даромъ слова и способнымъ привлекать къ себѣ сердца людей, какъ своей любезностью, такъ и интересомъ своей бесѣды. Знакомые Головко не скрыли, впрочемъ, что онъ отличался характеромъ крайне раздражительнымъ, такъ что по временамъ не могъ выносить никакого противорѣчія. Весьма вѣроятно, что эта раздражительность находилась въ связи съ болѣзнью сердца (аневризмъ), которымъ онъ страдалъ много лѣтъ. Тяжелыя впечатлѣнія, осложненныя хроническою болѣзнью, способствовали къ

выработкѣ въ душѣ Головко крайне мрачнаго взгляда на жизнь, отчасти навѣяннаго вліяніемъ изученія пессимистическихъ доктринъ Леопарди; въ числѣ его бумагъ нашлись листки на италіанскомъ языкѣ, доказывающіе, что его мысли постоянно были устремлены къ смерти и что онъ таилъ въ своей душѣ убѣжденіе, что для него было-бы лучше совсѣмъ не существовать.—Какъ бы то ни было, но преждевременная смерть его была важной потерей для науки, которой онъ далъ право ожидать отъ него многаго *). Можно себѣ представить, какъ страдалъ Шевченко, когда до него дошло извѣстіе о смерти Головко, какъ жалѣлъ и упрекалъ себя въ томъ, что, уничтожая передъ обыскомъ разныя письма и бумаги, не уничтожилъ злосчастнаго письма Левицкаго и тѣмъ невольно способствовалъ гибели своего даровитаго земляка и восторженнаго почитателя.

III.

Почтенный біографъ Шевченка М. К. Чалый (*Жизнь и произведенія Тараса Шевченко*, стр. 140—143) разсказываетъ объ одномъ курьезномъ инцидентѣ, случившемся съ поэтомъ въ послѣдній пріѣздъ его въ Малороссію лѣтомъ 1859 года. Арестованный въ мѣстечкѣ Межиричи по обвиненію въ богохульствѣ, Шевченко былъ препровожденъ въ Кіевъ, и только благодаря гуманности тогдашняго генералъ-губернатора кн. И. И. Васильчикова, дѣло это не приняло печальнаго

---

*) Заимствуемъ изъ дѣлъ Харьковскаго университета слѣдующія біографическія свѣдѣнія о Головко: Николай Алексѣевичъ Головко родился 1825 г. и былъ сынъ коллежскаго асессора и мелкопомѣстнаго помѣщика волчанскаго уѣзда, Алексѣя Головко. По окончаніи курса въ частномъ пансіонѣ Зимницкаго, онъ поступилъ въ 1841 г. на математическое отдѣленіе философскаго факультета; въ 1845 году окончилъ курсъ, въ 1846 году выдержалъ экзаменъ на степень магистра астрономіи, а въ слѣдующемъ году (15 мая 1847 г.) защитилъ диссертацію „О падающихъ звѣздахъ“. Въ 1848 г. онъ представилъ pro venia legendi сочиненіе „О поляризаціи теплоты“. Оно помѣщено въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія, 1849, № 2. За сообщеніе этихъ свѣдѣній приношу глубокую благодарность проф. Харьковскаго унив. А. С. Лебедеву.

для него оборота. Посмотримъ, какъ вся эта исторія разъясняется имѣющимися у насъ подъ рукой оффиціальными данными. Извѣстно, что давнишней мечтой Шевченка было пріобрѣсти себѣ клочечокъ земли въ живописной мѣстности надъ Днѣпромъ, построиться и провести тамъ остатокъ дней своихъ. „Вотъ-бы гдѣ намъ съ Вами пожить—говорилъ онъ дочери гр. Толстого,—вотъ-бы гдѣ и умереть!" *). По просьбѣ поэта двоюродный братъ его, В. Г. Шевченко, отыскалъ весьма удобное для усадьбы живописное мѣсто близь м. Межиричи (черкасскаго уѣзда), во владѣніяхъ помѣщика Парчевскаго, и звалъ Тараса взглянуть на него. Весной 1859 г. Шевченко былъ уже въ Кіевѣ. Проживъ нѣкоторое время въ родной Кирилловкѣ, онъ отправился въ Межиричь, чтобъ поговорить съ самимъ Парчевскимъ насчетъ земли. Помѣщика онъ не засталъ дома, пришлось вести переговоры съ его управляющимъ. О дальнѣйшемъ такъ разсказываетъ слѣдившій за Шевченкомъ жандармскій подполковникъ Грабовскій въ своемъ донесеніи кіевскому генералъ-губернатору: „Пригласивъ къ себѣ служащихъ въ экономіи лицъ, Шевченко угощалъ ихъ водкой и въ разговорѣ съ ними, держа въ рукахъ сорванный съ липоваго дерева листокъ, спросилъ полѣсовщика: кто создалъ этотъ листокъ? Полѣсовщикъ отвѣчалъ, что Богъ. За этотъ отвѣтъ Шевченко сталъ бранить полѣсовщика, произнося страшныя богохульства. Допрошенный по поводу изложенныхъ въ донесеніи подполковника Грабовскаго обстоятельствъ, Шевченко представилъ слѣдующее объясненіе, копія съ котораго находится при дѣлѣ. Приводимъ его цѣликомъ:

Августа 6 дня 1859 г.

„Изъ Петербурга пріѣхалъ я въ Кіевскую губернію съ цѣлью повидаться съ родственниками и пріобрѣсти небольшой кусокъ

---

*) „Вѣст. Европы" 1883, августъ „Воспоминаніе о Шевченкѣ" К. Θ. Юнге.

земли, гдѣ-бы можно было водвориться на постоянное жительство. Когда нашелъ желаемое мѣсто между городомъ Каневомъ и селомъ Пекари, въ имѣніи помѣщика Парчевскаго, то, взявши у управляющаго его Вольскаго въ мѣстечкѣ Межиричи землемѣра, отправился туда, чтобы отмѣрить земли сколько надобно. Это случилось между 10 и 13 іюля. Землемѣръ, взяши съ собой двухъ рабочихъ, прибылъ на мѣсто, но не успѣлъ онъ кончить измѣренія, какъ пріѣхалъ братъ управляющаго и привезъ съ собой родственника землемѣра, какого-то Козловскаго, во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Увидавъ такого франта между горъ и лѣса, я невольно захохоталъ и долго еще продолжалъ посмѣиваться надъ нимъ; замѣтивъ же, что онъ не умѣетъ отвѣчать на шутку шуткою, я попросилъ у него извиненія и, окончивши работу, пригласилъ его закусить подъ липу. Здѣсь же находились два рабочіе и вѣроятно слышали нашъ разговоръ, но сколько они его понимали не знаю, потому что мы говорили по-польски. Во время завтрака Козловскій завелъ со мной какой-то богословскій разговоръ на польскомъ языкѣ.—Чтобы прекратить этотъ разговоръ, я сказалъ по-русски, что теологія безъ живого Бога не въ состояніи создать этого липоваго листка и при этомъ вырвалъ листокъ изъ липы и показалъ ему. Козловскій замолчалъ Нѣсколько минутъ спустя онъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ на русскомъ языкѣ: какъ я думаю о Матери I. Христа? Подобный вопросъ меня смутилъ, и, не зная какъ ему отвѣтить на него, я въ свою очередь его спросилъ, что онъ самъ думаетъ о Пресвятой Дѣвѣ? Онъ такъ долго искалъ отвѣта, что я, недождавшись его, съ нетерпѣніемъ сказалъ: передъ Матерью, родившей намъ Спасителя, Который пострадалъ и умеръ за насъ на крестѣ, мы всѣ должны, какъ истинные христіане, благоговѣть; иначе, если-бы Она не родила Его, Она была-бы обыкновенная женщина. На другой день я выѣхалъ изъ мѣстечка Межиричи въ Городищенскій уѣздъ къ гг. Яхненко и Семиренко. Прогостивши у нихъ сутки, поѣхалъ я въ мѣстечко Корсунь и въ с. Кирилловку для свиданія съ моими братьями. Оттуда я возвратился опять въ Межиричи, чтобъ лично условиться съ помѣщи-

комъ Парчевскимъ о покупкѣ земли, но не дождавшись его, выѣхалъ изъ этого мѣстечка въ с. Пекари, а оттуда, переправившись черезъ Днѣпръ, пошелъ я въ село Прохоровку, полтавской губерніи, къ бывшему профессору и ректору университета Св. Владиміра Максимовичу. Не дошедши нѣсколько шаговъ до его саду, меня догналъ становой приставъ съ нѣсколькими десятскими и тысяцкимъ и арестовалъ меня, привезъ меня въ мѣстечко Мошны, кіевской губерніи, не обяснивши причины, по какому праву онъ это сдѣлалъ. На другой день поутру въ квартирѣ становового увидался я съ черкасскимъ исправникомъ и жандармскимъ офицеромъ, которые мнѣ сказали, что будто бы я въ мѣстечкѣ Межиричѣ въ нетрезвомъ видѣ богохульствовалъ. При этомъ находились тутъ же еще какихъ-то два чиновника. Меня это такъ изумило и разсмѣшило, что я не нашелъ нужнымъ объясняться съ ними. Когда же жандармскій офицеръ сказалъ, что онъ донесетъ объ этомъ кіевскому генералъ-губернатору, то я тутъ же просилъ его взять меня съ собою въ Кіевъ, такъ какъ онъ въ тотъ же день отправлялся туда, въ чемъ онъ мнѣ отказалъ, яко бы за неимѣніемъ мѣста въ экипажѣ. На другой день, т. е. 18 іюля, былъ я препровожденъ въ городъ Черкассы, гдѣ нѣсколько дней просилъ исправника, чтобы онъ отпустилъ меня на честное слово въ Кіевъ, но онъ отказалъ мнѣ въ моей просьбѣ. Тогда я написалъ письмо къ вышеупомянутому жандармскому офицеру, въ которомъ изложилъ все, что теперь излагаю, предположивъ, что онъ покажетъ мое письмо генералъ-губернатору кн. Васильчикову. Исправникъ же, получивъ предписаніе кіевскаго гражданскаго губернатора, отправилъ меня съ соцкимъ въ Кіевъ. Не увѣряю, но предполагаю, что вся эта исторія произошла вслѣдствіе безсильнаго мщенія г. Козловскаго. Если не будетъ принято во вниманіе мое показаніе, то прошу въ удостовѣреніе справедливости сказаннаго мною здѣсь сдѣлать строгое разслѣдованіе". Прочтя это показаніе, выслушавъ мнѣніе чиновника, отбиравшаго его отъ Шевченка, и поговоривъ лично съ Шевченкомъ, кн. Васильчиковъ увидѣлъ, что это дѣло пустячное и умышленно раздутое; поэтому онъ счелъ своимъ долгомъ прежде

всего освободить Шевченка и послать новому шефу жандармовъ кн. В. М. Долгорукову вмѣстѣ съ копіей показанія Шевченка и свое собственное заключеніе. Разсказавъ всѣ обстоятельства дѣла, кн. Васильчиковъ прибавляетъ: „чиновникъ, отбиравшій отъ Шевченка объясненіе, коллежскій совѣтникъ Андреевскій удостовѣряетъ, что Шевченко, сколько можно заключить изъ его наблюденій надъ нимъ и изъ сужденій его о разныхъ предметахъ, преданъ безусловно вѣрѣ предковъ своихъ и что въ немъ замѣтно даже врожденное, вовсе имъ нескрываемое, пренебреженіе ко всему латинскому и польскому.—Соображая объясненіе Шевченка, я прихожу къ заключенію, что взведенное на него обвиненіе могло возникнуть по недоразумѣнію лицъ, передъ которыми онъ велъ разговоръ, или, быть можетъ, вызвано и неудовольствіемъ, возбужденнымъ имъ къ себѣ насмѣшками надъ Козловскимъ, и рѣзкимъ отвѣтомъ на разговоръ его о богословіи. Поэтому, не придавая этому дѣлу особаго значенія, я оставляю его безъ послѣдствій и разрѣшаю Шевченку, согласно выраженному имъ желанію, возвратиться въ Петербургъ. О выше изложенномъ долгомъ поставляю довести до свѣдѣнія Вашего Сіятельства.“

Разъясненія кн. Васильчикова повидимому не удовлетворили кн. Долгорукова. Конечно, онъ не рѣшился подвергать сомнѣнію мнѣніе такого авторитетнаго лица, какъ кіевскій генералъ-губернаторъ, но не могъ удержаться, чтобъ не написать на поляхъ полученной изъ Кіева бумаги слѣдующихъ словъ: „Несмотря на все здѣсь изложенное, призвать Шевченка и, сдѣлавъ ему строгое внушеніе, присовокупить, чтобы онъ былъ весьма остороженъ; въ противномъ случаѣ, чтобъ не пенялъ на насъ за тѣ послѣдствія, которымъ онъ можетъ подвергнуться“.

Едва-ли нужно говорить, что все здѣсь сказанное было исполнено въ точности.

Н. Стороженко.

ФИЛОСОФЪ БЕЗЪ СИСТЕМЫ.

(Опытъ характеристики Григорія Саввича Сковороды).

(Окончаніе).

X.

Отношеніе Сковороды къ народно-раціоналистическимъ сектамъ своего времени. Пѣсни Сковороды.

Не удивительно, если Г. С. Сковороду, при довольно неопредѣленной догмѣ его богословствованія, считали и считаютъ причастнымъ если не основанію, то по крайней мѣрѣ развитію одной изъ раціоналистическихъ сектъ Малороссіи, именно—духоборчества. Вопросъ о томъ, насколько ученіе Сковороды могло содѣйствовать дѣйствительному развитію духоборчества—вопросъ пока не ясный, смутный. Г-жа Ефименко склонна защищать положеніе о вліяніи идей философа на сектантскій раціонализмъ вообще [1]). Ссылаясь на то, что въ архивныхъ дѣлахъ, касающихся раціоналистическаго сектантства на югѣ, встрѣчаются указанія на Сковороду, думаютъ, что онъ обратилъ исключичельное вниманіе свое на молоканъ и духоборцевъ украинскихъ. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнныя ссылки на дѣла въ архивѣ Мин. Вн. Дѣлъ находимъ въ извѣстномъ сочиненіи Ливанова: „Раскольники и острожники" (напр. дѣло 1862 г. № 32).

Сковорода, какъ знатокъ музыки, сочинялъ духовные концерты, положа нѣкоторыя церковныя пѣсни на музыку. Зна-

[1]) Вопр. философ. и психол. 1894 г. Кн. V стр. 443.

ніемъ музыки и пѣніемъ Сковорода, можетъ быть и не намѣренно, послужилъ и для молоканъ, которые и до нынѣ нѣкоторые псалмы изъ Библіи поютъ его напѣвомъ. Ливанову, по его словамъ, случалось встрѣчать въ домахъ молоканъ, между другими, слѣдующіе стихи Сковороды, распѣваемые въ домахъ ихъ въ дни праздничные:

Всякому городу нравъ и права.
Всяка имѣетъ свой умъ голова,
Всякому сердцу своя есть любовь,
Всякому горлу свой вкусъ есть каковъ.
А мнѣ одна только въ свѣтѣ душа,
А мнѣ одно только не идетъ съ ума! и пр.

Въ вышеупомянутомъ сочиненіи „Раскольники и острожники" перечисляюття тѣ печатныя сочиненія Сковороды, которыя были въ большомъ употребленіи у молоканъ. Эти сочиненія: 1) „Библіотека духовная, содержащая въ себѣ дружескія бесѣды о познаніи самого себя" (3 части С. П. Б. 1798 г.)[1]); 2) „Начальная дверь къ христіанскому добронравію", 1766 г. (въ Сіонск. вѣст. за 1806 г.); „Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ" (Москва 1837 г.). Журналъ „Сіонскій Вѣстникъ" въ которомъ печатались сочиненія Сковороды, былъ очень популяренъ у молоканъ. Въ свое время онъ быстро ими скупался. Цѣнность этого изданія между молоканами простиралась отъ 50 до 100 рублей. При обыскѣ домовъ многихъ молоканъ, „Сіонскій Вѣстникъ" отбирался въ числѣ другихъ запретныхъ книгъ и отправлялся въ консисторію. Послѣдняя обыкновенно поручала кому нибудь изъ своихъ членовъ разсмотрѣть эти еретическія сочиненія и дать о нихъ отзывъ. Возможно, что отъ консисторскихъ протопоповъ книги опять переходили въ руки молоканъ.

Сочиненія Сковороды, говоритъ Ливановъ, даже списывали профессора и ученики Духовной Академіи, старики помѣщики и тѣ досужіе люди, которые цѣнили Сковороду; нѣкоторые

---

[1]) Это сочиненіе у Сковороды имѣетъ другое названіе. „Асхавь о позваніи себя".

списывали и держали ихъ просто какъ произведенія человѣка страннаго, причудливаго, непонятнаго, о которомъ ходило столько споровъ и толковъ и котораго, со всѣми его странностями, имъ удавалось видѣть лично. Но сознательнѣе всѣхъ списывали и читали сочиненія Сковороды наши молокане. При слѣдствіяхъ эти тетрадки пришивались къ дѣлу, какъ улики. Въ подтвержденіе справедливости своихъ словъ, Ливановъ дѣлаетъ общую ссылку на архивъ Мин. Вн. Дѣлъ отъ 1762—1809 годовъ. Духовные и сатирическіе канты Сковороды, переложенные на музыку, распѣвались слѣпыми бандуристами на торгахъ и перекресткахъ и попадали въ кругъ любимѣйшихъ кантовъ молоканъ. Пѣснямъ этимъ внимали на торгахъ и перекресткахъ жители украинскихъ селъ и мѣстечекъ, поселяне и козачество, чумаки, бурсаки и далеко неграмотные тогда мѣщане, среди которыхъ жилъ и, сильнѣе всякихъ прозаическихъ и риѳмованныхъ произведеній своихъ, собственною личностью дѣйствовалъ на массы Сковорода [1]).

Въ ученіи молоканъ были дѣйствительно стороны, которымъ не могъ не симпатизировать Сковорода. Философу могли нравиться въ молоканахъ ихъ суровое презрѣніе къ роскоши, наклонность къ аскетизму. По словамъ Ливанова, „это дало клеветѣ поводъ называть Сковороду развратителемъ народа и даже начаться нѣкоторымъ секретнымъ дѣламъ противъ него (см. Арх. М. В. Д.)“.

Хотя сочиненіе Ливанова, писанное съ явно тенденціозными цѣлями, по справедливости не пользуется кредитомъ въ наукѣ, но тѣмъ не менѣе ссылки и „дѣла“, которымъ причастенъ Сковорода, должны обратить вниманіе лицъ, пользующихся возможностью провѣрить, насколько справедливы указанія Ливанова и если справедливы, то въ чемъ заключаются эти „дѣла“. Разборъ этихъ дѣлъ быть можетъ открылъ-бы новыя стороны жизни и мысли нашего философа.

Кстати о пѣснопѣніяхъ Сковороды. Музыка, къ которой такъ пристрастился нашъ философъ, не была случайнымъ его

[1]) Ливановъ: „Раскольники и острожники“, т. II, стр. 238 и 239.

занятіемъ. Напротивъ, это одинъ изъ важнѣйшихъ факторовъ душевнаго склада философа. Для Сковороды это была не забава, а своего рода тоническое мышленіе, звуковая логика, въ которую музыкантъ вкладывалъ наблюденіе и опытъ. Сковорода учитъ вмѣстѣ съ Сократомъ, что „совершеннѣйшая музыка есть философія". Всѣ пѣсни Сковороды имѣютъ идейный смыслъ. Тоны, соотвѣтствовавшіе той или другой пѣсни, имѣли внутреннюю логику.

Пѣсни Сковороды можно охарактеризовать разными эпитетами, но только не художественностью... Онѣ почти всѣ написаны тяжелымъ, неудобовразумительнымъ слогомъ. Для примѣра приведемъ пѣсню о счастьи:

„Счастье, гдѣ ты живешь?
Горлицы, скажите!
Въ полѣ-ли овцы пасешь?
Голуби, возвѣстите!
    О счастье, нашъ ясный свѣтъ!
    О счастье, нашъ красный цвѣтъ!
    Ты, мати, намъ покажися!
Счастье, гдѣ ты живешь?
Мудрые, скажите!
Въ небѣ-ли ты пиво пьешь,
Книжники, возвѣстите!
    О счастье, нашъ ясный свѣтъ, и т. д.
Книжники вѣдь всѣ молчатъ,
Птицы тоже всѣ нѣмы,
Не говорятъ, гдѣ есть мати,
Мы же сами не вѣмы.
    О счастье...
Счастья нѣтъ на землѣ,
Не обрящешь мя извнѣ" ....

Это одна изъ болѣе выдержанныхъ и складныхъ пѣсенъ Сковороды. Но это не пѣсня, а скорѣе пѣснопѣніе, украшенное риторическими метафорами и не заключающее въ себѣ ни капли поэзіи. Здѣсь звучитъ „серьезная нота морали" (Багалѣй). Ско-

вороду невозможно отнести къ числу поэтовъ. Поэтическое настроеніе его никогда не могло возвыситься до истино-художественнаго порыва. Этому мѣшалъ теоретическій анализъ Сковороды, его логически-критическое умонастроеніе. Этому мѣшала схоластика кіевской бурсы, оставившая замѣтный слѣдъ на всѣхъ сочиненіяхъ и мысляхъ Сковороды. Вотъ почему его пѣсни всегда мечтательно — серьезны, разсудочны, его остроуміе тяжеловатое, придуманное. Острота Сковороды цѣпляется за логику и только подъ этимъ условіемъ взлетаетъ иногда повыше обычнаго уровня; его изреченія, въ которыхъ онъ пытался высказать себя со стороны юмора, нѣсколько странны, а нѣкоторыя даже непонятны. Справедливо замѣчаетъ проф. Багалѣй, что „умъ его никогда не былъ игривымъ" (соч. Сковор. стр. VII).

Конечно, поэзія была доступна ему лишь какъ психологическое настроеніе, но не какъ творчество.

Двѣ его пѣсни стали особенно популярны, благодаря, кажется, популярности „Наталки - Полтавки", въ которую онѣ вставлены Котляревскимъ. Другихъ пѣсенъ, особенно распространенныхъ въ народѣ, изслѣдователи указываютъ очень немного, хотя и много говорятъ о вліяніи Сковороды на народъ, подобно Ливанову. Думаютъ, что духовныя пѣсни, канты и пѣсни были распространены друзьями Сковороды по всей Малороссіи, или, быть можетъ, онъ самъ диктовалъ ихъ своимъ друзьямъ по ихъ просьбѣ, во время своихъ частныхъ путешествій. Какъ бы то ни было, можно утверждать, что пѣсни съ религіознымъ мотивомъ болѣе привились въ народѣ, чѣмъ пѣсни не духовнаго содержанія. Духовныя пѣсни, удовлетворявшія умонастроенію народа, болѣе отвѣчали его запросамъ. Строгая мораль съ замѣтнымъ аскетическимъ оттѣнкомъ, проникающая религіозныя пѣснопѣнія Сковороды, соотвѣтствовала коренной чертѣ малоросса — скептическому равнодушію къ мірской суетѣ и потому находила откликъ въ народной душѣ. Вполнѣ возможно, поэтому, что пѣснопѣнія Скороводы особенно привились у тѣхъ сектантовъ слободской Украины, которые усвоили себѣ аскетическую доктрину. Отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ,

что идеи Сковороды были молоканскія. Во всякомъ случаѣ, предположеніе, что Сковорода подготовилъ своимъ философствованіемъ почву для народнаго раціонализма тамъ, гдѣ она была не подготовлена, и содѣйствовалъ развитію свободомыслія тамъ, гдѣ почва для этого была приготовлена, нисколько не противорѣчитъ всему, что извѣстно о Сковородѣ. Если же къ этому прибавить нѣкоторое сходство идей Сковороды съ идеями молоканъ, то это предположеніе можетъ получить еще большую опору.

XI.

Мистицизмъ Сковороды. Сковорода, какъ обличитель общественныхъ предразсудковъ.

Былъ-ли Сковорода мистикомъ?

Этотъ вопросъ естественно задаютъ изслѣдователи философіи Сковороды и приходятъ иногда къ совершенно противоположнымъ выводамъ. Одни видятъ въ Сковородѣ крайняго мистика и склонны думать, что энтузіазмъ Сковороды простирался до такой степени, что по нѣкоторымъ частнымъ явленіямъ его жизни можно было почесть его за теоманта, испытавшаго всѣ переходы вдохновенія [1]). И дѣйствительно, многія неудобовразумительныя аллегоріи, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ Сковороды (напр. въ „Израильс. Змiѣ“, въ „Пря бѣса съ Варсавою“ и др.) служатъ нѣкоторымъ подтвержденіемъ этого взгляда. Другіе, напр. г-жа Ефименко, отрицаютъ его наклонность къ мистицизму и объясняютъ всѣ эти неудобовразумительныя мистико-туманныя аллегоріи его своеобразнымъ языкомъ.

Сопоставляя туманно-мистическій характеръ многихъ мѣстъ сочиненій Сковороды съ обстоятельствами его жизни, должно признать, что Сковорода былъ очень склоненъ по природѣ

---

[1]) Ливановъ: „Раскольники и острожники“, т. II стр. 237.

къ мистицизму. Но проза жизни, трезвая классическая литература, которою онъ во-время занялся, и путешествіе заграницу отрезвили его и вывели его умъ на болѣе или менѣе здоровую дорогу. Онъ жилъ двумя настроеніями: разсудочными и сердечными. Когда сухой, отвлеченный раціонализмъ не удовлетворялъ его, онъ предавался внутреннему самоуглубленію, входилъ въ область мечтательности и, какъ сообщаютъ его біографы, по нѣсколько часовъ просиживалъ иногда надъ Днѣпромъ, въ экстатическомъ оцѣпенѣніи созерцая проявленіе божества въ природѣ. Многія странности Сковороды прямо вытекали изъ его мистической настроенности.

Какъ извѣстно, Сковорода вѣрилъ снамъ и предчувствіямъ. „Обильное воображеніе вело его не рѣдко въ область изступленія и дѣлало отчасти суевѣромъ", замѣчаетъ одинъ изъ его біографовъ (Гесъ-де-Кальве). Мы не имѣемъ основаній не признавать справедливости этого свидѣтельства.

Впрочемъ, какъ справедливо замѣчено уже, „рѣшенія вопросовъ о томъ, былъ-ли Сковорда, главнымъ образомъ, мистикъ, или-же преимущественно раціоналистъ, или то и другое вмѣстѣ, и какъ сочетались въ его воззрѣніяхъ эти (а также и и другіе могущіе оказаться въ нихъ) элементы,—не являлся-ли его мистицизмъ, напр., привычкой, первоначально вызванной неопредѣленно-внѣшними условіями, а затѣмъ прихотливо сочетавшейся съ другими иногда противоположными ему элементами,—окончательнаго и полнаго рѣшенія этихъ вопросовъ надо ждать отъ дальнѣйшихъ изслѣдованій" [1]).

Какъ общественный дѣятель, Сковорода былъ педагогомъ, для котораго свободное учительство было не профессіей, а результатомъ чистаго нравственнаго побужденія. „Обучатися и купно обучати братію добродѣтели, якоже свыше заповѣдано мнѣ, сей мой единъ есть и жребій, и конецъ, и цвѣтъ, и плодъ жизни, и трудовъ моихъ успокоеніе". Въ частности, относительно воспитанія дѣтей, онъ былъ убѣжденъ, что это воспи-

---

[1]) „Вопр. филос. и психол." 1895 кн. 4 (29) стр. 510.

таніе должно быть полное и затрогивать всѣ стороны человѣческой природы: умственную, нравственную, эстетическую и физическую. Такой взглядъ не былъ еще ясно сознанъ въ педагогической литературѣ того времени, и къ Сковородѣ прислушивались, какъ къ новатору.

Это былъ пропагандистъ новыхъ идей, проводникъ прогрессивной мысли, вѣровавшій въ лучшее будущее, въ „новаго Израиля“, въ „царство Божіе“, и съ энтузіазмомъ возстававшій во имя этой вѣры противъ суевѣрій и предразсудковъ. Его слово было струей здороваго воздуха въ нездоровой общественной атмосферѣ, насыщенной угаромъ нелѣпыхъ предразсудковъ. „Согрѣлось сердце мое и въ поученіи моемъ разгорается огонь, говоритъ онъ убѣжденно съ истинно пророческимъ вдохновеніемъ, ибо что я говорю, то глаголю отъ избытка сердца и не для того только, чтобы говорить“...

„ Нѣтъ смертоноснѣе для общества язвы, говоритъ онъ, какъ суевѣріе“... Атеизмъ онъ считалъ явленіемъ менѣе опаснымъ, чѣмъ суевѣріе... „Нѣтъ желчнѣе и жестоковыйнѣе суевѣрія и нѣтъ дерзновеннѣе, какъ бѣшенность, разжженная слѣпымъ, но ревностнымъ глупаго повѣрія жаромъ—тогда, когда сія ехида, предпочитая нелѣпыя и нестаточныя враки надъ милость и любовь и онѣмѣвъ чувствомъ человѣколюбія, гонитъ своего брата, дыша убійствомъ, и симъ мнится службу приносити Богу“. „Говорятъ суевѣру: слушай, другъ! Нельзя сему статься... Противно натурѣ... Но онъ съ желчью вопіетъ во весь опоръ, что для Бога все возможно... Дѣтское сіе есть мудрованіе, обличающее непостоянность блаженныя натуры: будто она когда-то и гдѣ-то дѣлало то, чего теперь нигдѣ не дѣлаетъ... Возстать противъ царства натуры и ея законовъ—сія есть несчастная, исполинская дерзость; какъ-же могла сама возстать на свой законъ блаженная натура?“ и т. п. Онъ проповѣдывалъ о горнемъ Іерусалимѣ, гдѣ не будетъ „вражды и раздора, гдѣ все общее, гдѣ общество будетъ въ любви, любовь въ Богѣ, Богъ въ обществѣ“, и его проповѣдь дышала тѣмъ

священнымъ пламенемъ мистическаго энтузіазма, который „жжетъ сердца людей“.

Онъ возмущался кастовымъ положеніемъ ученыхъ, требовалъ равноправнаго свѣта науки. „Знаніе, говоритъ онъ, не должно узить своего изліянія на однихъ жрецовъ науки, которые жрутъ и обжираются, но должно переходить на весь народъ и водвориться въ сердцѣ и душѣ всѣхъ тѣхъ, кои имѣютъ правду сказать: „и я человѣкъ и мнѣ, что человѣческое, не чуждо“. Онъ возмущался полуученостью и сатирически обличалъ тѣхъ мудрецовъ, которые „устами бочутъ, устами гогочутъ... измѣняются, какъ луна, безпокоются, какъ сатана... алчны, какъ песъ, жадны, какъ водная болѣзнь... постоянны, какъ море, вѣрны, какъ вѣтеръ, надежны, какъ ледъ, разсыпчаты, какъ прахъ, исчезаютъ, какъ сонъ. И они—люди?... Но сколь много есть головацкихъ, восклицаетъ Сковорода, у нихъ-же нѣтъ головы!“.

Во имя разума Сковорода осуждалъ крайне-утилитарное направленіе умовъ, протестовалъ противъ узко-матеріалистическаго склада жизни. „Нынѣ, говоритъ онъ, измѣрили море, землю, воздухъ, небеса и обезпокоили брюхо земное ради металловъ; размежевали планеты, доискались на лунѣ горъ, рѣкъ и городовъ, нашли закомплектныхъ міровъ несчетное множество; строимъ непонятны машины; засыпаемъ бездны; воспрящаемъ и привлекаемъ стремленія водныя. Боже мой! чего мы не умѣемъ, чего не можемъ? Но то горе, что при всемъ томъ, кажется, *чегось великаго недостаетъ*“... Философъ не досказалъ чего же именно.

XII.

Общественно-воспитательное значеніе Сковороды.

Сковорода вращался, главнымъ образомъ, въ двухъ сферахъ:—въ обществѣ средняго сословія—помѣщиковъ, дворянъ, и въ средѣ низшаго крестьянскаго люда Малороссіи. Въ той и

другой сферѣ его мысли имѣли вліяніе. Воспитательное значеніе Сковороды для средняго полуобразованнаго общества заключается въ томъ, что онъ съ истинно-пророческимъ вдохновеніемъ пробуждалъ въ немъ самосознаніе, критическое отношеніе къ явленіямъ жизни, заставлялъ помѣщиковъ-сибаритовъ, разныхъ Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей, вдумываться нѣсколько въ свою жизнь и видѣть въ ней не одно ядѣніе арбуза.

Всѣ изслѣдователи приписываютъ Сковородѣ вліяніе на открытіе Харьковскаго университета. Указываютъ, между прочимъ, на то обстоятельство, что между жертвователями на открытіе перваго малорусскаго университета находятся все знакомые Сковороды. Если признать тутъ вліяніе, то нельзя не сказать, что оно слишкомъ „косвенное". Харьковскій университетъ, безспорно, открылся бы и безъ Сковороды. Но нельзя отрицать, что представители интеллигентнаго дворянства Слободской Украйны: Квитка, Розальонъ-Сошальскій, Донецъ-Захаржевскій, Ковалевскій, Коваленскій, Щербининъ (харьковскій губерн.), Урюпинъ (харьковскій голова) и др. обязаны лучшими минутами умственной своей жизни этому чудаку-философу. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Урюпину Сковорода увѣщевалъ его непремѣнно слѣдовать по пути „доброй славы", которая „лучше мягкаго пирога". „Не думай, друже, писалъ Урюпину Сковорода, что добрая слава есть то же, что пустозвонный мірской газетъ, гремящій по улицамъ о тѣлесной твоей премудрости, о силѣ и богатствѣ. Да не хвалится премудрый премудростью своей!... [1])". „Въ Израильскомъ Зміѣ" Сковорода побуждаетъ дворянъ (единственный сравнительно-мыслящій классъ людей того времени — послѣ духовенства) заняться любомудріемъ. Но, увы, потомки дворянскихъ родовъ, съ которыми приходилось сталкиваться Сковородѣ, едва-ли долго помнили философа. „Культурные люди

---

[1]) Истор Вѣст. 1897 г., Янв., 336. „Украинск. Старина". Очерки, замѣтки, матеріалы изъ стародавняго харьковскаго быта и культуры. Проф. Багалѣя. Харьковъ 1896 года.

края, говоритъ г-жа Ефименко, успѣли забыть его довольно основательно" [1]). Благодарнѣе въ этомъ отношеніи память народа.

Воспитательное значеніе Сковороды для народа могло опредѣляться его свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, тѣмъ его просвѣтительнымъ оптимизмомъ, который онъ вселялъ въ среду крестьянина, ведущаго безпросвѣтно-тяжелую, безсмысленно-трудовую жизнь. „Большой народъ спитъ и сномъ крѣпкимъ, богатырскимъ, что лишь въ сказкахъ", но Сковорода вѣрилъ, что „всякъ сонъ есть пробудный и кто спитъ, тотъ не мертвечина и не трупище околѣвшее", и онъ, какъ умѣлъ, старался шевелить этого соннаго богатыря, умѣлъ каждаго ободрить, поселить вѣру въ лучшее. Онъ самъ былъ убѣжденный народный учитель добра. „Претрудно быть злымъ, легко быть благимъ", училъ онъ народъ съ свѣтлой надеждой на лучшее. Онъ предлагалъ народу „млеко" соотвѣтственно его развитію... Онъ зналъ, что нужно народу, и вѣрилъ, что „всякое дѣло спѣетъ собой". „Клубокъ самъ собой покатится съ горы, отними только ему препятствующій камень. Не учи его катиться, а только пособляй". Впрочемъ, фактическихъ данныхъ въ подтвержденіе вліянія философіи Сковороды на простой народъ мы еще не имѣемъ. Быть можетъ, эти данныя представитъ намъ впослѣдствіи полная біографія Григорія Саввича. Д. И. Багалѣй, опираясь на воспоминанія Лубянскаго и Срезневскаго о Сковородѣ, говоритъ, что „нравственное вліяніе Сковороды на простой народъ было очень благодѣтельно".

Біографія Сковороды и характеръ его сочиненій показываютъ, что онъ хотѣлъ быть не просто философомъ, но *народнымъ* философомъ. Онъ желалъ своими разсужденіями будить косную народную мысль. Для этой цѣли онъ старался употреблять иногда популярныя, простонародныя разсужденія и доводы.

Не безъ добродушной ироніи называлъ онъ себя „Публиколой", а свое ученіе—„бѣлымъ блиномъ на черной сковородѣ", или „простонародной плеткой, тканкой", которую предлагалъ на дорогахъ, на базарѣ въ праздничные дни, когда скачетъ

---

[1]) „Недѣля", 1894 г. 1 кн.

„пьяная воля“ на поляхъ, гдѣ „въ бездождіи потъ поливаетъ нивы“, по кладбищамъ, церквамъ и вездѣ, гдѣ находилъ слушателей. За эту „плетку“, „тканку“ его особенно не любили тѣ чопорные представители интеллигентнаго общества, которые полагали, что истинное ученіе должно быть предлагаемо въ изящной формѣ, чуждой вульгарности и рѣзкости. Таковъ, между прочимъ, былъ Вернетъ, который называлъ Сковороду „необдѣланнымъ дорогимъ камнемъ“. Сковорода не оставался въ долгу у изящнаго Вернета и обозвалъ его „мущиною съ бабскимъ умомъ и дамскимъ секретаремъ“.

Тяжеловѣсные слитки философскаго знанія, малодоступные публикѣ, онъ хотѣлъ перечеканить и расцѣнить на обыкновенную ходячую монету, сдѣлать ее достояніемъ по возможности большаго круга людей. Нельзя сказать, чтобы это ему удалось, но во всякомъ случаѣ самая попытка къ популяризаціи философскаго знанія въ XVIII в. заслуживаетъ изученія и дѣлаетъ жизнь Сковороды цѣлымъ подвигомъ; особенно, если принять во вниманіе, что и нынѣ популяризація знанія—вопросъ, не далеко ушедшій отъ временъ Сковороды.

Сковорода—замѣчательный представитель глухой, неравной, но упорной борьбы личности съ обществомъ. Этотъ человѣкъ жилъ личнымъ субъективнымъ идеаломъ. Онъ тщательно разобралъ теоретическія основы этого идеала и настойчиво старался проводить его въ жизнь. Но онъ не зналъ, что такое среда съ ея требованіями, компромисами, приспособленіями. Онъ вѣрилъ въ силу своего идеала больше, чѣмъ въ силу общества съ его косностью и препонами. Въ этомъ заключалось трагикомическое положеніе Сковороды, какъ общественнаго дѣятеля.

Личность задумала научить или, лучше, переиначить, перевоспитать общество. Но тщетно. Общество не поддавалось перевоспитанію. Непризнанный реформаторъ—„чудакъ“—уходилъ изъ общества побѣжденный, но не сдавшійся, не сраженный... Залѣчивъ свои раны въ какой нибудь пасѣкѣ, въ усадьбѣ, своеобразнымъ мистико-поэтическимъ настроеніемъ, онъ снова шелъ въ то же общество, снова боролся и снова уходилъ съ клеймомъ неуживчиваго человѣка, но съ незапятнанною совѣстью и съ

тѣмъ свѣтлымъ, радостнымъ сознаніемъ долга, которое позволяло ему смотрѣть на жизнь, какъ на радость. „Я радуюсь, говорилъ онъ, а радованіе есть цвѣтъ человѣческой жизни". Не каждый съумѣетъ вынести такую борьбу, не у каждаго хватитъ для этого силы духа, крѣпости воли. Въ этой непреклонной крѣпости духа, гордости воли и заключается нравственное величіе Григорія Саввича. Онъ хотѣлъ жить такъ, какъ говорилъ, и если это ему не удавалось, то потому, конечно, что столь идеальнымъ, прегрессивнымъ убѣжденіямъ, какія хотѣлъ Сковорода провести въ жизнь, общество съ своими непреодолимыми навыками всегда представляло достаточное противодѣйствіе.

Почему-то думаютъ, что „Сковорода не искалъ ни славы, ни уваженія",[1]) словно въ желаніи прославиться есть нѣчто предосудительное, несогласное съ нравственнымъ обликомъ человѣка.

Сковорода вовсе не былъ чуждъ самолюбивыхъ стремленій. Изображая изъ себя отшельника-странника, онъ въ то же время чутко и самолюбиво прислушивался къ тому, что о немъ говорятъ. Если онъ не печаталъ своихъ произведеній, то не потому, что не желалъ видѣть ихъ пущенными въ читающее общество, а потому, что не имѣлъ средствъ прибѣгнуть для распространенія своихъ идей къ помощи типографскаго станка. Извѣстно, что онъ ничего не имѣлъ противъ списыванія его сочиненій и самъ охотно популяризовалъ свои идеи въ обильной перепискѣ съ друзьями. Популярность, которою онъ по справедливости пользовался, была однимъ изъ сильнѣйшихъ мотивовъ его философскихъ странствованій. Его частыя удаленія изъ общества обусловлены были, конечно, мотивами внутренняго характера, но этимъ мотивамъ нисколько не противорѣчило то эгоистичное внутреннее удовлетвореніе, которое испытывалъ Сковорода отъ сознанія, что о немъ говорятъ, что его мысли разбираются, толкуются, что о немъ судятъ и такъ, и сякъ. Замѣчательно, что онъ уходилъ отъ общества всегда съ нѣкоторой демонстраціей, т. е. произведши нѣкоторое впеча

---

[1]) „Укр. Стар." 36 стр.

тлѣніе, оставивъ послѣ себя извѣстный слѣдъ, который, онъ зналъ, не скоро заметутъ языки... Онъ знаетъ, когда нужно уйти отъ общества. Вообще, онъ былъ, какъ говорится, „себѣ на умѣ"... Этимъ объясняются отчасти и его причуды. Срезневскій говоритъ о Сковородѣ: „глаза его блестятъ то гордостью академика, то глупостью нищаго, то невиннымъ простодушіемъ дитяти; поступь и осанка важная, размѣренная, но тутъ-же, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, и чудная гримаса, и чудная ужимка... говорить умѣетъ и любитъ, и говоритъ иногда, какъ добрый украинецъ; за то умѣетъ и подурачить другихъ вмѣстѣ самимъ собою и ученостью, и умомъ, и благочестіемъ, и часто уловками пронырливаго попрошайки" [1]).

XII.

Сковорода и его эпоха. Заключительныя замѣчанія.

Если-бы потребовалось однимъ словомъ охарактеризовать время Григорія Саввича Сковороды, то мы бы назвали эту эпоху временемъ броженія, новоустройства во всѣхъ сферахъ общественнаго быта Слободской Украйны, въ которой преимущественно жилъ и дѣйствовалъ украинскій философъ. Это было время приспособленій, перемѣщеній, незримой переформировки общественныхъ элементовъ въ краѣ.

Въ государственно-административномъ отношеніи Слободская Украйна, — край малонаселенный и почти дикій,—постепенно принимала видъ благоустроенной страны. Къ этому были направлены всѣ государственныя мѣропріятія того времени. Въ это время (1765 г.) формировалась „Слободская Украинская губернія" (съ ея подраздѣленіями на провинціи и комисарства), переименованная черезъ нѣсколько лѣтъ въ „Харьковское Намѣстничество" (1780 г.). Это было время передвиженія народ-

---

[1]) Сочин. Сковор. стр. XVII.

ныхъ массъ на плодородные, малонаселенные пустыри... Сюда спѣшили и бродячіе элементы населенныхъ странъ, и тѣснимые поляками поселяне],,тогобочной", Заднѣпровской Украйны. Здѣсь завязывались свободныя хозяйства на вольныхъ грунтахъ... Богатые заливные луга, пасѣчныя угодья, лѣса представляли собою благодатную почву для привольной жизни, не стѣсняемой пока ни угнетеніями барства, ни земельными подушными окладами, которые въ то время вводились (и то не на всѣхъ, а лишь на войсковыхъ обывателей). Воинственныя традиціи гетманщины постепенно отдалялись, теряли силу свѣжаго воспоминанія и переходили въ преданіе, давая мѣсто новымъ политическимъ понятіямъ и стремленіямъ. Козачество, коренной политическій элементъ края, постепенно переходило частью на почву земледѣльческаго класса или чумачества, частью реформировалось въ полки великорусскаго строя.—Лишь шайки запорожцевъ—,,рыцарей прадидовщины"—по старой памяти не переставали изрѣдка безпокоить жителей своими набѣгами, но эти набѣги имѣли теперь уже видъ не войны, а разбоевъ при серьезныхъ случаяхъ и шалости—при легкихъ.

Общества, въ смыслѣ класса людей, связанныхъ между собою какими-либо культурными интересами, въ изображаемую нами эпоху не было, а было лишь смѣшеніе разнородныхъ, неустановившихся случайныхъ людей, очутившихся другъ съ другомъ въ случайномъ сосѣдствѣ. Тутъ были туземные запорожцы, знавшіе Сѣчь, отставные вояки, помнившіе удалые походы временъ Петра I, и прислаеные администраторы—чиновники. Молодое великорусское чиновничество переплеталось тутъ съ старыми войсковыми писарями... Старое дворянство, имѣвшее, впрочемъ, въ краѣ немного представителей, предпочитало сибаритствовать и вести рѣдкую по своей неподвижности, праздную жизнь. Новое дворянство, формировавшееся изъ козацкой старшины, не опредѣлилось еще въ своемъ сословномъ быту, хотя и заявило уже свои права на барство и на хозяйственное преимущество въ краѣ. Совершенно особнякомъ стояли при-

вольные мелкопомѣщичьи хутора съ „липовыми покоями, которые по сту лѣтъ слишкомъ пребывали невредимы, чисты, свѣтлы и здоровы“ [1]).

О систематическомъ просвѣщеніи въ описываемое время, конечно, не можетъ быть и рѣчи. „Чары Цирцеи“, навѣянныя въ сѣверной Руси эпохой Екатерины II, не коснулись Слободской Украйны.... Въ краѣ не было ни гимназій, ни школъ.... Единственный пріютъ книжной образованности—„Харьковскій духовный коллегіумъ“ былъ лишь напоминаніемъ школьной образованности, первой залетной птичкой, которая одна еще весны не дѣлаетъ. Церковныя школы давали слабыя начала знанія. Духовенство все еще оставалось въ положеніи самаго образованнаго класса. Но оно жило наслѣдственнымъ запасомъ фамильныхъ преданій и не допускало прогресса идей. Важнымъ условіемъ для развитія мыслей Сковороды было то обстоятельство, что тогда не было еще развито ученіе о фатализмѣ зла и о трагикомической пустотѣ человѣческой жизни, ученіе, составляющее философскую моду нашего времени.

Какъ и во всякое переходное время, въ Слободской Украйнѣ второй половины XVIII вѣка было много дерзкихъ проходимцевъ, авантюристовъ, умѣвшихъ извлечь свои выгоды изъ неопредѣленнаго положенія страны. Поборы, взяточничество, насилія разнаго рода развились въ высшей степени. Крупныя власти брали крупныя взятки деньгами и натурою, кто помельче—бралъ мелкую взятку. Опекуны грабили опекаемыхъ... Все это совершалось открыто и часто безнаказанно.

Педагогическія условія страны сказались въ томъ своеобразномъ складѣ народнаго учительства, который традиціонно вошелъ въ духъ малорусскаго общества и сроднился съ нимъ.

Педагогъ второй половины XVIII в. представлялъ собою явленіе во многихъ отношеніяхъ любопытное. Онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ обязанности—и гувернера, и учителя, и няньки, и

---

[1]) Украинск. Старина. Матеріалы для исторіи украинской литературы и народ. образ. Данилевскаго. Харьковъ 1866 г. стр. 5.

домашняго управляющаго, и балагура-собесѣдника. Директоръ Новгор.-Сѣверск. гимназіи И. Ѳ. Тимковскій вспоминаетъ о своемъ учителѣ — гувернерѣ такимъ образомъ: „онъ носилъ и водилъ меня въ церковь, забавлялъ меня на бузиновой дудкѣ, или громко трубя въ сурму изъ толстаго бодяка, и набиралъ мнѣ пучки клубники на сѣнокосахъ“ [1]). Чтобы ученикъ не бѣжалъ отъ грамматики, его привязывали длиннымъ полотенцемъ къ столу. Письмо практиковалось на черныхъ дощечкахъ, на которыхъ писали или мѣломъ, или бѣлилами (особый составъ, извѣстный должно быть лишь педагогамъXVIII вѣка).

Главными педагогами въ краѣ были дьяки. Чего они не умѣли сообщить, то въ совершенствѣ доучивалось при помощи семинаристовъ, которые имѣли въ Малороссіи значительную,— хотя и невыясненную еще, — воспитательную роль. Гоголь въ „Віѣ“ угадалъ очень вѣрную исторически-типичную сторону старо-малорусской педагогіи, когда выставилъ трехъ путниковъ украинскихъ семинаристовъ, путешествующихъ по селамъ Малороссіи и незамѣтно распространяющихъ сѣмена знанія въ странѣ.

Бродячіе педагоги безъ различія возраста были кореннымъ, хотя и неоригинальнымъ явленіемъ исторической Малороссіи. При своемъ демократическомъ строѣ, Малороссія не знала аристократіи ума, связаннаго съ тѣмъ или другимъ званіемъ, сословіемъ. Малороссы привыкли смотрѣть на образованіе не какъ на привилегію какой нибудь касты, а какъ на законное достояніе всѣхъ. Вотъ почему въ ней постоянно находили и теперь еще находятъ пріютъ разные старые заштатные премудрые дьяки, отставные дряхлые капралы, умудренные приключеніями и опытомъ, старцы-нищіе, кобзари, школяры-эпетеиты и др. И каждаго малороссъ готовъ на досугѣ слушать, сохраняя при себѣ право критическаго отношенія къ разсказамъ, по пословицѣ: „чужихъ людей слухай, а свій розумъ май“. Особеннымъ почетомъ и уваженіемъ пользовались въ народѣ „старцы“. И въ настоящее время въ Малороссіи слово „старецъ“, „дидъ“ не

---

[1]) Украинск. Старина. Харьковъ 1866 г. 7 стр.

всегда значитъ нищій, а въ прежнее время слово „старецъ" было полнымъ омонимомъ народнаго мудреца, умудреннаго самимъ опытомъ, долголѣтней жизнью. Сковорода не безъ основанія подписывался „старецъ Варсава", „старчикъ", т. е. бродячій философъ, народный мудрецъ. И эти движущіеся философы—чудаки, мыслители — самородки были необходимы въ общей экономіи народной жизни. Это „перекати-поле", сѣмя, несущееся вѣтромъ обстоятельствъ, не знающее, гдѣ, на кого оно упадетъ и какой принесетъ плодъ...

Сопоставляя черты жизни нашего философа съ характеромъ эпохи, легко можемъ уяснить себѣ нѣкоторыя особенности въ жизни Сковороды.

Во-первыхъ, понятными становятся передвиженія его и тотъ радушный пріемъ, какой онъ находилъ вездѣ, куда-бы ни приходилъ. Григорій Саввичъ былъ типичнѣйшимъ представителемъ бродячаго малорусскаго духа.

Во-вторыхъ, въ обстоятельствахъ его времени находитъ объясненіе для себя и та часть его философіи, которая направлена къ обличенію предразсудковъ и суевѣрій, царствовавшихъ во второй половинѣ XVIII вѣка.

Наконецъ, въ-третьихъ, особенности языка и стилистики сочиненій Сковороды удовлетворительно объясняются тоже характеромъ времени Сковороды и того школьнаго образованія, которое онъ получилъ въ Кіевской академіи.

О первыхъ двухъ особенностяхъ мы достаточно говорили. Остановимъ свое вниманіе на послѣдней чертѣ философа—оригинальности его языка.

Сковорода былъ воспитанникомъ Кіевской бурсы и заплатилъ большую дань своей almae matri стилемъ своихъ произведеній. Біографы изслѣдователи отдаютъ должную дань „силѣ и разительности" (Снегиревъ) слога Сковороды, но не скрываютъ и недостатковъ его языка. Они находятъ языкъ печатныхъ произведеній Сковороды тяжелымъ, страннымъ, неудобовразумительнымъ, запутаннымъ, исполненнымъ разныхъ провинціализмовъ; и не безъ основанія одинъ изъ почитателей философіи Сковороды (Хиж-

деу), желая издать сочиненія философа, въ то же время задумалъ составить и словарь его мудреныхъ реченій. Другой почитатель Сковороды (К. Я. Сергѣевъ) совѣтовалъ даже издать всѣ творенія его въ переводѣ, дабы странная смѣсь его языка не „испугала многихъ читателей („Сочин. Сковороды“ стр. XIX). Испугаться, правда, было чего... Дѣйствительно, языкъ Сковороды—это какое-то странное глаголаніе съ примѣсью полуславянскихъ, полународныхъ, полулатинскихъ, польскихъ и даже еврейскихъ реченій,—тотъ своего рода волапюкъ, на которомъ иные образованные люди конца прошлаго вѣка считали нужнымъ выражаться, чтобы быть умными, чтобы дивить своихъ слушателей мудреными рѣчами. Сковорода не чуждъ былъ этого предразсудка. Онъ различалъ стили рѣчи и, безспорно, раздѣлялъ убѣжденіе своихъ соотечественниковъ, что о возвышенномъ должно говорить возвышенно. Онъ предпочиталъ иногда облекать свои мысли въ загадочно-таинственную, школьную форму аллегоріи, ученой фабулы, и часто самая простая, обыкновенная мысль выражалась имъ въ вычурной, схоластической формѣ, напр.: „нѣтъ вѣрнѣе, сирѣчь полезнѣе и величественнѣе, какъ познать самого себя... Отсюда рождается благословенное иное царство владѣть собою могти“. Вслѣдствіе неясности языка, многія мѣста его произведеній остаются съ загадочнымъ смысломъ. Даже басни и притчи его (гдѣ, казалось бы, можно быть вполнѣ естественнымъ, народнымъ) носятъ неудобовразумительную форму и малодоступны для народнаго чтенія. Читая басни и пѣсни Сковороды, невольно думаешь, что видишь предъ собою какіе то неудачные переводы съ чуднаго оригинала.

Духъ времени вынуждалъ Сковороду писать иногда такимъ стилемъ. Нужно еще удивляться, что Сковорода, прошедшій схоластическую школу Кіевской академіи, не вполнѣ былъ неудобопонятенъ въ своихъ вычурныхъ произведеніяхъ. Многія мѣста его сочиненій показываютъ, что Сковорода недурно владѣлъ чисто-народнымъ малорусскимъ языкомъ. При томъ же біографія его свидѣтельствуетъ, что онъ былъ незамѣнимый собесѣдникъ и балагуръ въ обществѣ. Значитъ, онъ могъ, когда хотѣлъ, го-

ворить прямо и народно. Уступая лишь модѣ, онъ выражался тумано-прикровенно. Какъ человѣкъ талантливый, стоявшій нѣсколько выше своего общества, Сковорода умѣлъ говорить двоякимъ языкомъ—то простымъ и яснымъ, то тяжелымъ, философскимъ языкомъ. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ онъ спрашиваетъ: „Что есть древо жизни?" — И отвѣчаетъ: „Посреди плоти нашей". —„Что есть древо жизни?"—„Есть законъ ума".— „Что естъ законъ ума?"—„Свѣтъ тихій славы Безсмертнаго Отца Небеснаго". Или: „спортивъ мы отъ самаго начала око нашего ума, не можемъ никакъ проникнуть до того, что одно достойно есть нашего почтенія и любви въ вѣкъ вѣковъ".[1]). Мысли—простыя, а форма темная. Г-жа Ефименко думаетъ, что „Сковорода, по обстоятельствамъ времени и мѣста, былъ самъ творцомъ своего языка". Это справедливо. Нѣкоторыя слова—особенно составныя—обязаны своимъ происхожденіемъ Сковородѣ.

Внѣшняя форма произведеній Сковороды оказала все-таки немаловажную услугу для его популярности. Издавна замѣчено, что люди, загадочно выражающіе свои мысли, невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе, привлекаютъ къ себѣ слушателей. А полуобразованное общество боготворитъ такихъ людей, принимая загадочность ихъ оборотовъ рѣчи за признакъ глубокой мысли и ума. Издавна подмѣчена слабость малоразвитыхъ людей бѣжать на всякую загадку, на все новое, необыкновенное, хотя, быть можетъ, и простое и ясное въ своей сущности.

Но нравственно-философское величіе Сковороды опиралось, конечно, не на одной этой слабости общества. Общество, угадывая въ туманныхъ реченіяхъ Сковороды признаки великаго ума, не ошибалось. На этотъ разъ его слабость послужила не мишурѣ, а настоящему творцу мысли.

Сковорода, какъ мыслитель, говоритъ А. Ефименко, слишкомъ долго и слишкомъ несправедливо былъ въ полномъ забвеніи. Изслѣдователь опасается, какъ-бы волны житейскаго моря съ ихъ непрерывнымъ миражемъ все новыхъ, пестрыхъ и за-

1) Вопр. филос. и псих. Ноябрь 1894 г. 421.

хватывающихъ интересовъ, снова не захлеснули этой фигуры, которой не посчастливилось въ свое время высоко и ярко выкинуть свое знамя[1])". Другой писатель высказываетъ убѣжденіе, „что на этомъ не остановится изученіе такой крупной и цѣльной личности, такого замѣчательнаго культурнаго типа, какимъ былъ Сковорода. Что интересъ къ этой личности возникъ только въ послѣднее время, это объясняется, конечно, какъ случайными обстоятельствами (напр., истекшимъ столѣтіемъ со дня его кончины), такъ и цѣлымъ рядомъ тѣхъ внѣшнихъ причинъ, въ какихъ находилось изученіе такого рода личностей и вопросовъ въ прежнее время. И теперь еще сочиненія Сковороды доступны публикѣ не въ полномъ видѣ" [2]).

Пріятно вѣрить, что надежды исполнятся, хотя данныхъ для осуществленія этихъ надеждъ и нѣтъ. Ничто не предвѣщаетъ, чтобы изученіе этой личности подвинулось впередъ. Изслѣдователи боятся, какъ-бы „волны житейскаго моря не захлеснули этой фигуры"... А мы скажемъ такъ: пусть волны хлещутъ,—въ этомъ и жизнь. Если-же та или другая фигура можетъ быть ими захлеснута,—виноваты въ этомъ не волны. На пьедесталахъ философской сильной мысли не нужны намъ такія фигуры, которыя разрушаются волнами. Далѣе, если этой фигурѣ „не посчастливилось въ свое время высоко и ярко выкинуть свое знамя", то никакія усилія современныхъ философовъ не создадутъ условій для поднятія этого знамени.

Дитя юга, воспитанное въ живописной Малороссіи, прошедшее школу школьной схоластики, съ яркой индивидуальностью и своеобразнымъ темпераментомъ,—Сковорода былъ типомъ въ полномъ значеніи этого слова. Можно и даже должно спорить о стремленіяхъ и идеяхъ этого человѣка, но нельзя отрицать его силы, нравственнаго величія. Соображая все, до сихъ извѣстное о Сковородѣ, каждый безпристрастный изслѣдователь долженъ признать его здоровымъ и отраднымъ явленіемъ своего времени.

Ѳ. Кудринскій.

---

[1]) Вопр. филос. и псих. 1894 г. Ноябрь. 419.

[2]) Вопр. фил. и психол. 1895 г. кн. 4 (29) стр. 509.

ЗАМѢТКИ О МАЗЕПѢ.

(*По поводу книги Ѳ. М. Уманца „Гетманъ Мазепа“*).

I. Мазепа до поставленія гетманомъ.

Главная задача книги Ѳ. М. Уманца заключается въ „выдѣленіи свѣтлыхъ точекъ въ политической и частной жизни Мазепы“, такъ какъ „на Мазепѣ много пятенъ“, да притомъ „общая молва сгустила темныя краски“. Задача выбрана во всякомъ случаѣ интересная. Несомнѣнно, что Мазепа былъ человѣкъ большого ума и еще большаго характера, а тѣ яркія перипетіи, которыя случились въ его жизни, сдѣлали изъ него героя, годнаго во всякій романъ. О такомъ человѣкѣ всегда можно сказать много новаго, если особенно недостатокъ документальнаго матеріала заставляетъ историка прибѣгать къ догадкамъ.

Изслѣдуя личность Мазепы, какъ историческаго дѣятеля и частнаго человѣка, авторъ настоящей книги не пишетъ исторіи его гетманства со всѣми внѣшними событіями послѣдняго, а беретъ только крупные моменты изъ жизни Мазепы, отдѣляя для каждой изъ нихъ особую главу. Такихъ главъ семь: а) *Молодость Мазепы*, б) *У Дорошенка*, в) *Семья Самойловичей*, г) *Быть или не быть*, д) *Поздняя любовь* и е) *„Шведская инкурсія.“* [1]).

Книга г. Уманца написана живымъ языкомъ, и нѣкоторый результатъ отъ этого несомнѣнно получился: книгу его прочли многіе изъ тѣхъ читателей, которые *ученыхъ* книгъ почти не читаютъ. А здѣсь—кромѣ довольно своеобразнаго языка (много словъ и выраженій—изъ домашняго обихода) еще и всегда инте-

---

¹) Въ восьмой главѣ заключается обозрѣніе портретовъ Мазепы.

ресная личность Мазепы... Но книга г. Уманца интересна и для людей, обязательно читающихъ ученыя книги.

Представляя здѣсь свои замѣтки на книгу г. Уманца и по поводу ея, мы впередъ говоримъ, что, хотя во многомъ личность Мазепа представляется еще неясною, но для оцѣнки нѣкоторыхъ эпизодовъ изъ общественной и частной его жизни собрано уже достаточно историческаго матеріала, чтобы не обращаться къ помощи предположеній и догадокъ... Замѣтки наши будутъ слѣдовать въ порядкѣ отмѣченныхъ у автора моментовъ изъ жизни Мазепы.

1. *Молодость Мазепы.* Первый критическій сводъ генеалогическихъ и біографическихъ свѣдѣній о Мазепѣ принадлежитъ извѣстному знатоку исторіи правобережной Малороссіи Эд. Руликовскому, который въ *газетной корреспонденціи* сообщилъ обстоятельный перечень собранныхъ имъ свѣдѣній, какъ о происхожденіи, Мазепы, такъ и о его молодости [1]). Приведя имена Николая, Федора, Адама и Яна Мазепъ (Dzien. W., № 196), Руликовскій никакой родственной связи между ними не установляетъ за неимѣніемъ къ тому данныхъ. Тутъ все однѣ лишь догадки... [2]) Черезъ два года послѣ статьи Руликовскаго, появилась другая статья—„Mazepa. Noty historiczne“, [3]) авторъ которой, положивъ въ основу свѣдѣнія Руликовскаго, дополнилъ ихъ печатными, при чемъ указалъ едва-ли не всю тогда извѣстную литературу о Мазепѣ; впрочемъ, ничего существеннаго къ свѣ-

[1]) Dziennik Warszawski 1854 г., №№ 196—198. При этомъ Руликовскій воспользовался двумя цѣнными замѣтками Ю. Вартошевича о Мазепѣ (его посылка въ Тетерѣ), напечатанными въ томъ же Dzien. Warsz. въ 1853 г., №№ 150 и 188., Статья Руликовскаго дополнена примѣчаніями Вартошевича, которочу, какъ видно она сообщена била въ рукописи.

Раньше Руликовскаго былъ напечатанъ очеркъ жизни Мазепы, принадлеж. польск. ученому Ал. Пршездѣцкому („O Mazepie,“ Atheneum, 1842 г., № 1, стр. 28—61), но здѣсь—сводъ однихъ печатныхъ свѣдѣній.

[2]) Статья Руликовскаго вызвала замѣтку Тим. Липинскаго (Т. ж., № 211), въ которой указывается, что въ актѣ 1572 г. значится не Николай, а Михаилъ Мазепа.

[3]) Авторомъ этой анонимной статьи Вартошевичъ называетъ какого то Чомбера (Swięcki, Histor. Pamiątki, I, 366), лицá совсѣмъ неизвѣстнаго въ польской литературѣ.

дѣніямъ Руликовскаго Чомберъ не прибавилъ. Затѣмъ, сводъ свѣдѣній Руликовскаго былъ повторенъ Ю. Бартошевичемъ, въ 1858 г., въ его дополненіяхъ къ книгѣ Свѣнцкаго [1]), со включеніемъ перечня документовъ, порученныхъ королемъ Мазепѣ въ 1663 г., при посылкѣ его къ Тетерѣ. Позднѣйшія свѣдѣнія о происхожденіи Мазепы и о его молодости принадлежатъ тому же Руликовскому и помѣщены въ его статьѣ о селѣ Мазепинцахъ (Słown. Geogr., VI, 183—184). Здѣсь Руликовскій, говоря о происхожденіи Мазепы, называетъ Михайла Мазепу, получившаго въ 1572 г. отъ Сигизмунда-Августа привилей на земли по р. Каменицѣ, и Николая Мазепу, показаннаго въ 1616 г. владѣльцемъ хутора надъ „Камяницей", [2]) и говоритъ, что, кажется, сыномъ этого Николая былъ Адамъ Мазепа, за которымъ по акту 1659 г. было укрѣплено село Мазепинцы, при чемъ въ этомъ актѣ называется и сынъ Адама—Янъ. Въ актѣ 1659 г. Адамъ Мазепа называется „шляхтичемъ и жолнеромъ", а въ актѣ 1662 г. тотъ же Адамъ Мазепа называется уже „подчашимъ Черниговскимъ", а черезъ три года (1665 г.) подчашимъ Черниговскимъ былъ сынъ умершаго Адама—Янъ. Сообщивъ эти документальныя свѣдѣнія *о Мазепахъ*, Руликовскій ставитъ вопросъ: этотъ ли самый Янъ Мазепа, сынъ Адама, былъ гетманомъ?—Руководясь тѣмъ, что гетманъ Мазепа самъ говоритъ, что онъ родился въ Мазепинцахъ, Руликовскій полагаетъ, что Янъ, сынъ Адама, былъ именно гетманъ [3]).—На основаніи приведенныхъ свѣдѣній г. Уманецъ уже категорически говоритъ: „Родъ гетмана Мазепы принадлежитъ къ самымъ древнимъ въ Малороссіи и *заслуженнымъ въ Войскѣ*. Его пращуръ отъ Сигизмунда I, въ 1544 г., получилъ имѣніе въ Бѣлоцерковскомъ повѣтѣ... Источники не называютъ этого предка Мазепы. Одинъ только Похилевичъ называетъ его Николаемъ... Михаилъ Мазепа, вѣроятно сынъ предыдущаго, получилъ въ 1572 г. утвержденіе на Мазепинцы... Слѣдующее поколѣніе

[1]) Historyczne Pamiątki (Warsz., 1858), т. I, стр. 363—366.

[2]) О владѣльцѣ „хутора на Камяницѣ" Николаѣ Мазепѣ, см. также Арх Юг.-Зап. Россія, ч. VII, т. I, стр. 293.

[3]) На этотъ самый вопросъ Бартошевичъ отвѣчаетъ такъ: „téj zagadki nie smiemy rozwiązywac stanowczo. Histor. Pam.," I, 365.

представляютъ Федоръ и Николай, вѣроятно, сыновья Михаила Мазепы. *Затѣмъ по актамъ выступаетъ Степанъ*-Адамъ Мазепа. О томъ, что онъ былъ единственнымъ сыномъ Николая Мазепы, надо заключать по имѣнію...."

Какъ видимъ, основаній для заключенія о томъ, чтобы *родъ* гетмана Мазепы принадлежалъ къ заслуженнымъ въ „Войскѣ"—нѣтъ никакихъ. О службѣ предковъ Адама Мазепы въ „Войскѣ" свѣдѣній—нѣтъ; самъ Адамъ, именуясь сначала „шляхтичемъ и жолнеромъ", а потомъ—подчашимъ, къ „Войску" принадлежать не могъ. Только гетманъ Мазепа сталъ принадлежать къ „Войску" съ момента своего поступленія на службу къ Дорошенку... Подъ именемъ постоянно употреблявшагося въ въ актахъ термина—„Войско Запорожское", до пол. XVII в. слѣдуетъ разумѣть ту группу русскаго населенія приднѣпровской Украины, которая уже въ концѣ XVI вѣка стала выражать свой протестъ противъ польскихъ порядковъ. Изъ этой группы населенія образовалось особое войско, принявшее названіе Запорожскаго на томъ основаніи, что его зачатки явились въ видѣ поселившихся за Днѣпровскими порогами козаковъ. Войско это служило военную службу польскимъ королямъ, не смѣшиваясь съ другими войсками, подъ именемъ козаковъ, при чемъ, съ теченіемъ времени, не только служилое войско, но и все то населеніе, изъ котораго оно набиралось, стало называться „Войскомъ Запорожскимъ". Такимъ образомъ, подъ именемъ послѣдняго разумѣется обособившаяся въ перв. пол. XVII в. группа малорусскаго населенія, которая противопоставила польскимъ порядкамъ свои порядки, при чемъ совокупность послѣднихъ явилась основою военно-гражданскаго устройства козаковъ „Войска Запорожскаго". Отсюда мы видимъ, что, напр., извѣстный Адамъ Кисель никогда не могъ сказать, что онъ принадлежитъ къ „Войску Запорожскому" и никакой представитель этого „Войска" не назвалъ бы Киселя—*своимъ*... По всему этому г. Уманецъ неправильно причисляетъ къ „Войску" переименованныхъ у него Мазепъ.—Засимъ мы видимъ, какъ легко находитъ г. Уманецъ пращура гетмана Мазепы въ лицѣ предполагаемаго Николая (ссылаясь на Похилевича, какъ извѣстно, автора въ

данномъ случаѣ менѣе чѣмъ авторитетнаго) и относитъ его почему то къ 1544 г. Преемники этого пращура слѣдуютъ въ разсказѣ г. Уманца съ присоединеніемъ слова *вѣроятно*, а Адамъ Мазепа—такъ даже и безъ этого прибавленія называется вмѣстѣ и *Степаномъ*, потому что гетманъ по отчеству звался Степановичемъ.

Также едвали правиленъ выводъ г. Уманца и о томъ, что „Мазепы, оставаясь православными, *продолжали дружбу съ козачествомъ*"... Ни изъ какихъ свѣдѣній г. Уманца этого не видно.

Повторенный г. Уманцемъ перечень именъ Мазепъ, встрѣченныхъ прежними историками гетмана въ юридическихъ актахъ XVI и XVII в.в. (до 1665 г. включительно), ничего не разъяснилъ болѣе того, что говорилось и до сего.

А между тѣмъ нѣкоторое новое освѣщеніе этихъ свѣдѣній о Мазепѣ можно было найти. Въ 10-мъ томѣ *Актовъ Ю. и З. Россіи*, изданномъ въ 1878 г., и заключающемъ въ себѣ свѣдѣнія о состояніи Малороссіи въ 1654 г., напечатано не мало свѣдѣній о персоналѣ тогдашней правобережной козацкой старшинѣ. Здѣсь мы видимъ, между прочимъ, что весною 1654 г. Бѣлоцерковскимъ полковникомъ былъ Семенъ Половецъ (стр. 397 и 405), а Бѣлоцерковскимъ атаманомъ—*Адамъ Мазепа* (стр. 405). Изъ списка Бѣлоцерковской „шляхты", составленнаго въ томъ же 1654 г. и напечатаннаго тутъ же (стр. 783), видно, что въ числѣ ея значится цѣлый рядъ Мокіевскихъ (девять человѣкъ). Намъ извѣстно, что мать гетмана была Мокіевская. Знаемъ мы также (см. ниже), что гетманъ былъ женатъ на дочери Бѣлоцерковскаго полковника Семена Половца. Отсюда мы имѣемъ достаточныя основанія для заключенія, что упоминаемый въ 1654 г. Бѣлоцерковскій атаманъ Адамъ Мазепа былъ женатъ на одной изъ Мокіевскихъ, а слѣдовательно этотъ самый Адамъ и долженъ быть отцомъ будущаго гетмана... Имя Степана явилось, слѣдуетъ полагать, отъ двухъ-именности и—для *благозвучія* въ козацкихъ ушахъ, когда будущій гетманъ попалъ уже межъ козаковъ. Называя мать гетмана, въ монашествѣ Марію-Магдалину, г. Уманецъ говоритъ, что „ея почеркъ заставляетъ предполагать значительное для того времени обра-

зованіе“. Дѣйствительно, почеркъ матери Мазепы, какъ видно изъ прилагаемаго ниже снимка, [1]) можетъ дать нѣкоторое основаніе для заключенія о ея книжномъ образованіи. Снимокъ ея почерка взятъ здѣсь изъ акта 1701 г., когда „Мазепиной“ было не менѣе *восьмидесяти лѣтъ...* Книжное ея образованіе вполнѣ понятно изъ того, что она была несомнѣнная *шляхтянка,* т. е. принадлежала къ семьѣ болѣе или менѣе культурной. Можно думать, что близкое родство будущаго гетмана съ такимъ множествомъ шляхтичей Мокіевскихъ оказало вліяніе и на дальнѣйшую судьбу Мазепъ... Адамъ Мазепа, будучи по происхожденію и самъ шляхтичъ, тѣмъ не менѣе пошелъ въ *козаки* и будучи человѣкомъ замѣтнымъ, былъ поставленъ въ своей сотнѣ атаманомъ. Но Мокіевскіе въ козаки не пошли, а остались по прежнему въ рядахъ шляхты и „шляхтою“ показаны въ спискахъ, по которымъ русскіе воеводы приводили въ январѣ 1654 г. къ присягѣ новыхъ подданныхъ Московскаго государства. Подражая Мокіевскимъ, могъ и Адамъ Мазепа оставить свое козачество и возвратиться въ прежнее положеніе... Тутъ могли дѣйствовать и матеріальные разсчеты, и тѣ шляхетскія тенденціи, которыя несомнѣнно имѣли въ тогдашнемъ южно-русскомъ обществѣ много приверженцевъ даже среди козацкой старшины (Выговскій и друг.). Результатомъ возвращенія въ прежнее положеніе для Адама Мазепы —могла быть возможность помѣстить единственнаго своего сына къ королевскому двору въ число „дворянъ“ [2]) Юный „Янъ“ Мазепа не только сталъ королевскимъ „дворяниномъ“, но и дворяниномъ, котораго король отличилъ отъ другихъ, принявъ въ число своихъ „покоевыхъ“, (должность, соотвѣтствовавшая нѣмецкимъ камеръ-юнкерамъ). Но прежде, чѣмъ Мазепа сталъ „покоевымъ“, король, по свидѣтельству Отвиновскаго, посылалъ его заграницу

---

1) Maryia Magdalena Mazepina Manasterow panienskich Ihumenia pieczarskiego kiiowskiego y Hłuchowskiego

(Купчая полк. Миклашевскому. Подлинникъ у В. В. Тарновскаго).

2) См. это слово р. Линде (*dworźanin*) и въ книгѣ Морачевскаго—*Starożytnosci Polskie*, тоже слово. (Dworzaninem powinien był bydź tylko swój i szlachcic“).

для окончанія образованія, которое будто бы начато было Мазепою въ Кіевской академіи, какъ говоритъ Величко. Такимъ образомъ мы видимъ, что уже въ ранней молодости Мазепа выходилъ изъ ряда своихъ сотоварищей какъ по образованію, такъ и по положенію. „Покоевымъ дворяниномъ" короля Мазепа былъ уже въ 1659 г., какъ это видно изъ упоминанія о немъ въ письмѣ Выговскаго къ кор. канцлеру Пражмовскому [1]). Основываясь на этомъ письмѣ, обыкновенно говорятъ, что король посылалъ Мазепу къ Выговскому съ какимъ то порученіемъ... Говоритъ это и г. Уманецъ („король уже даетъ ему *важное* порученіе къ Выговскому")... Но собственно изъ письма Выговскаго этого не видно, такъ какъ тутъ говорится о томъ лишь, что какое то извѣстіе Выговскій посылаетъ Пражмовскому чрезъ Мазепу... То же самое видимъ и изъ письма Потоцкаго къ королю, что чрезъ Мазепу послано было *только* письмо. Но чтобы Мазепу король посылалъ и къ Выговскому, и къ Потоцкому—съ какимъ либо порученіемъ, а не для доставленія лишь письма, повторяемъ, этого не видно. Обыкновенно съ фактомъ посылки Мазепы къ Выговскому связываютъ вопросъ о годѣ его рожденія. Со словъ Стебельскаго историки повторяли, что Мазепа родился въ 1629 г. [2]). Свѣдѣніе это не документальное и потому останавливаться на немъ нельзя. Настаиваютъ на томъ, что очень молодого Мазепу король не послалъ бы къ Выговскому; но почему же король не могъ послать чрезъ двадцатилѣтняго своего „дворянина" письма къ Выговскому или къ Потоцкому? Указываютъ на посылку королемъ Мазепы, въ 1663 г., къ Тетерѣ, съ клейнодами, какъ на порученіе слишкомъ важное, чтобы оно могло быть довѣрено юному человѣку, но ниже мы увидимъ, что это порученіе Мазепа долженъ былъ исполнить *не самолично* и что онъ его исполнилъ довольно легкомысленно, какъ это могъ сдѣлать именно только юный посланецъ... Говоримъ все это, думая, что Мазепа могъ родиться и въ 1639 г...[3]). Разумѣется, все это догадки, но осно-

---

[1]) Памятники, III, iij, 362 и 366.

[2]) Chronologia, II, 423. То-же повторяетъ и Лакомбъ.

[3]) Въ перечнѣ „реликвій" I-го Кад. Корп. (Русск. Инвал. 1898 г., № 41) указывается между прочимъ Львовское Евангеліе 1644 г. и имѣющіяся въ немъ надписи, и тутъ же замѣчается: „здѣсь нельзя не указать, что 1644 г. былъ годомъ рожденія гетмана Мазепы". Откуда такое заключеніе—не видно. Не изъ надписи ли?

ваніемъ ихъ служитъ то обстоятельство, что „поздняя любовь" естественнѣе могла посѣтить Мазепу не въ 75 лѣтъ, а можетъ быть десятью годами раньше... Г. Уманецъ полагаетъ, что Мазепа могъ родиться и въ 1633 г. (стр. 11) и въ 1629 г. (стр. 23). Безъ документальныхъ данныхъ, поле догадокъ велико.. Объ ученіи Мазепы г. Уманецъ говоритъ, пользуясь показаніями Отвиновскаго и Величка. Тутъ мы читаемъ: „продолжая разыскивать черты воспитанія Мазепы, *надо принять въ разсчетъ его глубокія познанія въ русскомъ языкѣ*". Выписавъ затѣмъ изъ Костомарова отзывъ Мазепы объ одномъ подметномъ письмѣ („письмо это писано не въ Польшѣ и не полякомъ, это показываютъ слова, какихъ въ польской рѣчи нѣтъ; думаю, что это письмо написано здѣшними людьми и при томъ не однимъ" и проч.) г. Уманецъ заключаетъ: „чтобы такъ оріентироваться въ различныхъ діалектахъ русскаго языка, надо или русское филологическое образованіе, или усвоенное съ дѣтства знаніе языка. Перваго тогда не было во всей Россіи; второе Мазепа могъ пріобрѣсти въ дѣтствѣ, *усвоивъ устную народную рѣчь*..." Здѣсь прежде всего не видно, о какомъ *русскомъ языкѣ* говоритъ г. Уманецъ. Намъ не извѣстенъ текстъ того письма, въ сужденіи о которомъ Мазепа обнаружилъ свои познанія „въ различныхъ діалектахъ русскаго языка" [1]); не знаемъ также, самъ ли Мазепа писалъ подписанный имъ отзывъ о „подметномъ" письмѣ, или же его канцелярія... Но во всякомъ случаѣ, если Мазепой и была усвоена „устная народная рѣчь," то этой рѣчью писемъ тогда не писали... *Порусски* писались тогда письма тѣмъ языкомъ, какимъ написаны немногія письма Лазаря Барановича (среди множества его польскихъ писемъ), т. е. языкомъ *книжнымъ* (напр. № 36, 46, 49, 57, 126, 129 и др.) [2]). Письма эти, конечно, далеки отъ *устной народной рѣчи*... Сомнѣваемся, чтобы Мазепа могъ писать въ молодости даже и такимъ языкомъ свои *русскія* письма, какимъ ихъ писалъ Барановичъ, потому что свою молодость онъ провелъ въ той средѣ, которая и говорила, и писала

---

[1]) Сколько можно понять изъ отзыва Мазепы, подметное письмо было написано *по-польски*, но неправильною рѣчью.

[2]) Письма Лазаря Барановича. Черниговъ. 1865.

почти исключительно по-польски... Здѣсь мы разумѣемъ не только Варшавскую придворную обстановку, но и семью Мазепы въ Бѣлоцерковщинѣ, у которой несомнѣнно обиходнымъ языкомъ была рѣчь польская. Мать Мазепы, будучи уже древней монахиней, продолжаетъ подписывать свое имя польскими буквами. Польская рѣчь настолько была распространена среди культурныхъ малороссіянъ праваго берега, что и Печерскій архимандритъ Кроковскій, для своей частной переписки съ генер. есауломъ Ломиковскимъ, употребляетъ эту самую рѣчь польскую..[1]). Этой рѣчью пользовался конечно и Мазепа въ своихъ письмахъ, почему коронный гетманъ Яблоновскій и могъ говорить, что онъ, Яблоновскій, знаетъ „разумъ письменнаго слога Мазепы" [2]). Въ виду всего этого едвали можно говорить о „глубокихъ познаніяхъ Мазепы въ русскомъ языкѣ", да еще пріобрѣтенныхъ имъ отъ „усвоенія устной народной рѣчи"... О языкѣ указываемой г. Уманцомъ „думы" говорить здѣсь не приходится, потому что сочиненіе ея Мазепою—не установлено. Письма Мазепы, писанныя къ Матронѣ Кочубей, наполнены полонизмами, слишкомъ удаляющими ихъ отъ „устной народной рѣчи".

Засимъ скажемъ подробнѣе о посылкѣ королемъ Мазепы въ 1663 г. къ Тетерѣ, такъ какъ, по нашему мнѣнію, послѣдствіемъ этой посылки была отставка Мазепы отъ службы у Яна-Казимира.

Въ февралѣ 1663 г. король послалъ Мазепу съ письмами къ Юрію Хмельницкому, въ то время правобережному гетману; но Хмельницкій въ это время сталъ уже монахомъ, и королевскія письма были получены его преемникомъ Тетерею. Изъ отвѣта послѣдняго можно догадываться, что Янъ-Казимиръ, готовясь въ походъ на лѣвобережную Малороссію, старался обезпечить добрыя отношенія съ правобережными козаками и получить отъ нихъ при этомъ помощь.—Извѣщая, что вмѣсто Хмельницкаго гетманомъ сталъ онъ, Тетеря тутъ же описываетъ тяжкое положеніе Украины отъ насилій „Орды". Подробности этихъ насилій Тетеря передаетъ королю словесно чрезъ Мазепу.—

[1]) Кіевская Старина 1894 г., май, 359.

[2]) Соловьевъ, изд. Т-ва Общ. Польз., III, 1120.

Узнавъ такимъ образомъ о поставленіи гетманомъ Тетери король нашелъ нужнымъ немедленно послать ему гетманскіе „клейноды“ (привилей, булаву, знамя, котлы и печать), опять таки съ главною цѣлію приласкать необходимыхъ ему въ это время козаковъ. Клейноды долженъ былъ везти Мазепа, но врученіе ихъ Тетерѣ, или правильнѣе „Войску,“ должно было быть произведено собственно Холмскимъ ловчимъ, такъ какъ послѣдній долженъ былъ—при церемоніи врученія клейнодовъ—занимать первое мѣсто (w czym pierwsze mieysce mieć będzie p. łowczy Chełmski) [1]). Вмѣстѣ съ порученіемъ доставить клейноды, Мазепѣ были поручены письма для передачи разнымъ лицамъ изъ козацкой старшины. Видимо, что и это порученіе было тѣсно связано съ предположеннымъ походомъ короля на лѣвый берегъ Днѣпра. Изъ данной Мазепѣ инструкціи видно, что онъ долженъ былъ, въ случаѣ если то найдетъ Тетеря нужнымъ, отправиться съ письмомъ короля и къ Самку (Samczenko) на „Заднѣпріе“, и тамъ же отдать и другіе порученные ему универсалы (y uniwersały do wszystkich tamecznych miast odda). Долженъ былъ Мазепа отправиться при этомъ также и въ Запорожье (опять таки, если то найдетъ нужнымъ Тетеря), съ цѣлію отвлечь запорожцевъ отъ „протекціи царя Московского“. Въ инструкціи не были перечислены всѣ порученія, которыя были даны при этомъ Мазепѣ. Болѣе полный ихъ перечень сообщенъ Бартошевичемъ [2]). Изъ этого перечня видно, что Мазепа везъ въ Украину чуть не десятки универсаловъ для разныхъ лицъ изъ козацкой старшины съ разными обѣщаніями. Изъ всѣхъ этихъ свѣдѣній видно, что Мазепѣ давалось очень важное порученіе. Шло дѣло о томъ, чтобы по возможности облегчить будущее завоеваніе королемъ „Заднѣпрія“. Повторяемъ, что по инструкціи Мазепа, исполняя тѣ или другія частности своего порученія, долженъ былъ дѣйствовать по указаніямъ Тетери. Повидимому,

---

[1]) „Informatia panu Mazeppie, pokoiowemu JK mści, iadącemu do p. hetmana Zaporoskiego (Tetery). Dana z cancellariey wielkiey koron. we Lwowie“. *Źródła do dziejów Polskich. Wilno.*, 1843. Томъ 1, стр. 34—43.

[2]) Dziennik Warsz. 1853 г., № 150, а затѣмъ перепечатанъ въ книгѣ Свѣнцкаго, Hist. Pamiątki, I, 364.

приняты были всѣ мѣры, чтобы Мазепа потщился исполнить порученіе возможно аккуратно. Такъ, между разными „привилеями“ и универсалами, которые вручены были Мазепѣ, былъ врученъ ему привилей и лично для него—на маетность Будище (въ староствѣ Богуславскомъ); тутъ же былъ приказъ Бѣлоцерковскому коменданту объ охраненіи маетностей Адама Мазепы, предполагаемаго отца будущаго гетмана.

И тѣмъ не менѣе Мазепа исполнилъ это порученіе очень неудачно. Сохранилось письмо Тетери по этому предмету, писанное къ Пражмовскому (кор. канцлеру), въ которомъ гетманъ говоритъ, что присланные королемъ клейноды очень было обрадовали „Войско“, но въ тоже время одно обстоятельство наполнило сердца старшины и черни неудовольствіемъ (poaltеrowało serca), а именно то, что король, должно быть плохо свѣдомленный (male informatus), прислалъ эти клейноды чрезъ п. Мазепу, который не достигъ еще до такой высокой чести и не заслужилъ еще того, чтобы обращаться (szafować) съ клейнодами. И Войско Запорожское усматриваетъ особую немилость короля въ томъ, что королевскія свои отличія (regimina) онъ поручилъ „Войску“ принять изъ рукъ своего брата (nostratis), нигдѣ ничѣмъ еще не отличившагося. Безъ сомнѣнія, не только Заднѣпровцы (Zadnieprzanie), но и чужіе нашли бы въ этомъ обстоятельствѣ предлогъ для ѣдкой насмѣшки (do urąganiа), такъ какъ имъ, Заднѣпровцамъ, *знаки* (insignia) будетъ вручать какой-то знаменитый князь, а не молокососъ (młokos)... И хорошо еще добавляетъ Тетеря, что Мазепа предупредилъ меня о своей миссіи прежде, чѣмъ собралась великая рада, а то произошло бы въ „Войскѣ“ великое смятеніе... А потому, заключаетъ Тетеря, прошу вашу милось упросить короля не оскорбляться (żeby urażać sie nie raczył), что *мы не приняли изъ рукъ Мазепы присланныхъ клейнодовъ* (oto że przez p. Mazerę przysłanych z rąk onego nie odebraliśmy kleinotow)... [1]) Такимъ образомъ, изъ этого письма видно, что вручить клейноды „Войску“ Мазепа хотѣлъ было *самолично*. Значитъ, Холмскаго ловчаго

---

[1]) Памятники, IV, отд. 3, 299—303.

съ нимъ не было, а между тѣмъ по инструкціи Мазепа долженъ былъ явиться къ Тетерѣ, съ клейнодами, не иначе, какъ вмѣстѣ съ ловчимъ, потому что ловчій долженъ былъ быть *первымъ* при ихъ врученіи „Войску", а Мазепа тутъ оставался лишь ассистентомъ... Но Мазепа явился къ Тетерѣ *одинъ* и самолично хотѣлъ было передать „Войску" королевскіе дары. Тетеря обидѣлся и, какъ видно, справедливо, потому что и король, посылая Мазепу съ клейнодами, находилъ поднесеніе ихъ „Войску" Мазепою же неудобнымъ, почему церемонія передачи клейнодовъ и поручалась королевскому чиновнику, хотя и не особенно высокаго, но все же замѣтнаго ранга.—Не вручивъ Тетерѣ клейнодовъ, Мазепа тѣмъ самымъ не могъ исполнить и другихъ, сдѣланныхъ ему порученій, такъ какъ по инструкціи—эти другія порученія должны были быть исполнены при руководительствѣ Тетери... Но Тетеря былъ обиженъ присылкою къ нему „молокососа" и—совсѣмъ его не принялъ...

Можно предполагать, что Мазепа намѣрился передать Тетерѣ клейноды—безъ участія ловчаго—по легкомыслію и самонадѣянности; если этотъ ловчій почему-либо и не могъ явиться для исполненія королевскаго порученія, то Мазепа, согласно инструкціи, все таки не могъ передавать клейнодовъ Тетерѣ—*самолично*. Какъ бы то ни было, но Мазепа не съумѣлъ исполнить даннаго ему важнаго порученія, причемъ еще и оскорбилъ самолюбіе очень нужнаго въ тотъ моментъ для Польши человѣка...

Вотъ причина, по нашему мнѣнію, отставки Мазепы отъ службы у короля въ 1663 г. Легкомысліе Мазепы, да еще въ такомъ важномъ дѣлѣ, естественно могло отвратить отъ него милость короля, и Мазепѣ оставалась одно—уходить...

У г. Уманца отставка Мазепы объяснена иначе, конечно, потому, что имъ упущена изъ виду данная Мазепѣ инструкція, при чемъ оставленъ безъ вниманія и *отказъ Тетери отъ принятія клейнодовъ изъ рукъ Мазепы*. Г. Уманецъ указываетъ при этомъ на непослѣдовательность Тетери (стр. 11), который де, обозвавъ Мазепу молокососомъ, забылъ, что два мѣсяца тому назадъ „совершенно серьезно относился къ его посольству", возложивъ на него подробное донесеніе королю о видѣнныхъ имъ, Мазе-

пою, разореніяхъ Украины татарами... Но, какъ видно, положеніе Мазепы въ томъ и другомъ случаѣ было далеко не одно и то же: въ первомъ случаѣ король ему поручалъ только отвезти письма къ Юрію Хмельницкому; письма приняты были Тетерею, который, извѣщая короля о своемъ избраніи въ гетманы, жаловался еще на разоренія татаръ и, желая лучше освѣдомить короля объ этихъ разореніяхъ, поручалъ посланцу разсказать королю устно то, что этотъ посланецъ самъ видѣлъ... Въ этомъ случаѣ для Тетери безразличенъ былъ „молокососъ", такъ какъ послѣднему поручалось дополнить письмо разсказомъ очевидца; при чемъ чѣмъ ближе посланецъ стоялъ къ королю, тѣмъ подробнѣе онъ разскажетъ о томъ, что видѣлъ на Украинѣ.—Совсѣмъ не въ томъ положеніи былъ Мазепа, когда хотѣлъ въ апрѣлѣ 1663 г. лично передать „Войску" королевскіе клейноды... Тутъ Мазепа захотѣлъ стать въ то положеніе, права на которое и король не признавалъ за нимъ. Слѣдовательно, Тетеря, какъ въ февралѣ не принималъ посольства Мазепы, такъ не хотѣлъ принимать его въ роли посла и двумя мѣсяцами позже.

Послѣдовавшая затѣмъ отставка Мазепы въ книгѣ г. Уманца находитъ объясненіе натянутое... Разсказавъ стычку Паска съ Мазепою, который де былъ „на сторонѣ короля", почему и донесъ на Паска, г. Уманецъ такъ говоритъ объ отставкѣ Мазепы: „порученіе доставить гетманскую булаву Тетерѣ было едва ли не послѣдней службой Мазепы Польшѣ. Его положеніе въ Варшавѣ съ каждымъ днемъ дѣлалось болѣе затруднительнымъ. (?) Онъ былъ на сторонѣ короля; польскій же шляхтичъ всегда подозрѣвалъ короля въ посягательствѣ на „золотую свободу". Поляки терпѣли (?) Мазепу, пока видѣли въ немъ орудіе польскаго вліянія въ Малороссіи (?); но письмо Тетери разсѣяло иллюзіи (?). Оказалось, что козаки, для ухаживанія за собой, требуютъ болѣе дорогой декораціи (воеводъ и сенаторовъ), а не какого-нибудь Мазепу. Поляки относились къ Мазепѣ не только свысока, но и подозрительно (?). Малороссіяне столько разъ измѣняли, что измѣна (?) Мазепы—какъ шляхтича православнаго—была только вопросомъ времени... *И такъ Мазепа*

имѣлъ всѣ поводы задуматься надъ своимъ положеніемъ. Послѣ ряда измѣнъ своей вѣрѣ и народности, онъ могъ добиться здѣсь только мѣста регента королевской канцеляріи или ротмистра какой-нибудь надворной хоругви... И это въ то время, когда карьеры одна—другой экстравагантнѣй возникали на берегахъ Днѣпра, когда смѣлые авантюристы—Пушкарь, Самко, Выговскій, *Дорошенко*, Тетеря, *Брюховецкій*—ворочали обществомъ и, казалось, находили свое счастье."

„*Душными показались Мазепѣ улицы Варшавы. Среди непривѣтливыхъ взглядовъ заносчивой шляхты ему чудятся звуки родной пѣсни и ярче выступаютъ картины родной страны*".

„Мазепа сопровождалъ Яна Казимира въ началѣ его похода въ Малороссію (1663 г.), но около Бѣлой Церкви, „отклонившися за службу королю, зосталъ при отцу своемъ еще въ живыхъ бывшему", говоритъ Величко. *Отецъ Мазепы, вѣроятно, былъ боленъ, что и дало предлогъ отстать отъ похода и поселиться въ Мазепинцахъ* [1])".

Фактическихъ основаній для всего этого разсказа въ книгѣ г. Уманца мы не находимъ... Одинъ указывается здѣсь фактъ, что будто Мазепа „отклонился королю" на его походѣ въ Заднѣпріе. Такъ свидѣтельствуетъ Величко. Здѣсь вѣрно, что Мазепа оставилъ службу у короля въ 1663 г., но нѣтъ основаній относить этотъ фактъ ко времени *похода* короля въ Заднѣпріе. Если король нашелъ Мазепу неумѣлымъ исполнителемъ важнаго порученія, то онъ съ нимъ, вѣроятно, тогда же и разстался, т. е. лѣтомъ 1663 г. А если Мазепа остался у короля и послѣ возвращенія отъ Тетери и если затѣмъ онъ пошелъ съ королемъ въ походъ, то не ловко было ему оставлять короля *на походѣ*... Думается, что Величко, писавшій свою лѣтопись болѣе чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ послѣ 1663 г., могъ слыхать объ отставкѣ Мазепы, случившейся въ этотъ достопамятный для лѣвобережной Малороссіи годъ, причемъ Мазепа, будучи уже гетманомъ, могъ пояснять, что „откло-

[1]) Есть извѣстіе, что Адамъ Мазепа жилъ въ Бѣлой Церкви, что разумѣется не мѣшало ему владѣть и Мазепинцами. См. разсказъ польскаго посланца къ Выговскому Перетятковича въ 1659 г. Универс. Изв. Кіевск. У—та 1873 г., № 9, стр. 14.

нился" онъ королю въ моментъ его похода противъ той страны, гдѣ онъ сталъ затѣмъ властелиномъ... *Вѣроятная* болѣзнь отца Мазепы въ этотъ моментъ, разумѣется, нисколько не устраняетъ полной сомнительности извѣстія Величка.

Послѣ ухода отъ короля, Мазепа шесть лѣтъ остается въ неизвѣстности. Къ этому времени историки относятъ время его романовъ съ Фальбовской и Загоровской, точно не опредѣляя ихъ моментовъ. Восполняя бѣдность свѣдѣній за это время о Мазепѣ, г. Уманецъ говоритъ, что послѣдній, оставивъ Варшавскую службу, продолжаетъ числиться при королѣ и даже добивается нѣкоторыхъ выгодъ и отличій. При этомъ указывается инструкція Кіевскихъ дворянъ своимъ посламъ на Варшавскій сеймъ, назначенный на мартъ *1665* г., причемъ упоминается Адамъ Мазепа, подчашій королевскій, имѣющій сына „при боку панскомъ въ покоѣ его королевской милости". [1]) Изъ этого упоминанія о Мазепѣ выходитъ, что если тутъ разумѣется будущій гетманъ, то онъ и въ 1665 г. сохраняетъ должность королевскаго „покоеваго"... Затѣмъ г. Уманецъ говоритъ о назначеніи *Яна* Мазепы Черниговскимъ подчашимъ, ссылаясь на свѣдѣнія Бартошевича (стр. 462). Всѣ эти свѣдѣнія пока еще темны... Но весьма вѣроятно, что получившій въ 1662 г. званіе Черниговскаго подчашаго Адамъ Мазепа былъ тотъ самый Мазепа, который козаковалъ въ 1654 г.; званіе подчашаго онъ могъ получить въ награду за свое обращеніе къ Польшѣ. Такимъ образомъ Черниговскій подчашій долженъ быть отецъ будущаго гетмана... А тогда слѣдуетъ признать, что и инструкція Кіевскихъ дворянъ упоминаетъ о будущемъ гетманѣ, который, слѣдовательно, въ 1665 г. *снова* служилъ при королѣ, а по смерти отца въ томъ же году получилъ его званіе—Черниговскаго подчашаго...

Эти похожденія Мазепъ, конечно, не даютъ основаній для заключенія о „православныхъ и козацкихъ ихъ традиціяхъ" (стр. 18). Похожденія „Яна" Мазепы сопровождались, какъ извѣстно, романами; ихъ извѣстно два и оба они случились съ замужними

---

[1]) Кіевск. Стар. 1886 г., дек., 758. Польскаго текста инструкціи, упоминающей о Мазепѣ, здѣсь нѣтъ.

женщинами [1]). Можно думать, что Мазепа избѣгалъ романовъ съ незамужними... Очень можетъ быть, что эта осторожность привела Мазепу и къ его женитьбѣ на вдовѣ. Могло случиться, что и тутъ дѣло началось романомъ, а кончилось бракомъ... Впрочемъ, жена Мазепы занимала видное положеніе въ своемъ околоткѣ; это была дочь Бѣлоцерковскаго полковника Семена Половца и вдова другого Бѣлоцерковскаго полковника „Самуила Фридриховича Козмы", повидимому иностранца. Отъ этого Фридриховича остался сынъ, котораго вотчимъ переселилъ на лѣвый берегъ, гдѣ онъ сталъ родоначальникомъ вымершей уже фамиліи Фридрикевичей. Какъ бы то ни было, но мы имѣемъ несомнѣнный фактъ, что женщины въ жизни Мазепы красной нитью проходили уже съ юныхъ его лѣтъ.

Послѣ ухода отъ короля, Мазепа прожилъ на правомъ берегу какъ разъ то время, когда здѣсь центральнымъ козацкимъ дѣятелемъ становился Дорошенко. Затѣмъ видимъ, что какъ только Дорошенко добился, послѣ смерти Брюховецкаго, видной роли главнаго претендента на гетманство (не только правобережное, но и лѣвобережное), то Мазепа поступаетъ къ нему на службу и становится, если вѣрить Величку, ротмистромъ гетманской надворной корогвы, т. е. начальникомъ оберегателей личности гетмана.

У Дорошенка. Такъ называетъ г. Уманецъ вторую главу своей книги, которую начинаетъ обрисовкою личности Дорошенка, надѣляя его и талантами, и простодушіемъ человѣка, у котораго „цѣль всегда открыта или заслонена такъ неловко, чтобы никого не обмануть"... Но мы имѣемъ въ виду одного Мазепу. О мотивѣ перехода его на службу къ Дорошенку г. Уманецъ говоритъ: „соблазнъ (перехода на службу къ Дорошенку) заключался не въ преимуществахъ службы при Дорошенкѣ, а въ той національной программѣ, которой онъ (Дорошенко) держался, въ томъ, что въ данную минуту *Мазепа не могъ сдѣлать ничего прав-*

---

[1]) Интересно, что разсказанная Паскомъ легенда о Мазепѣ—какъ привязалъ его къ лошади мужъ одной изъ этихъ женщинъ (Фальбовской)—извѣстна уже была и Вольтеру Записки Паска въ первый разъ изданы только въ 1843 г, Откуда же Вольтеръ заимствовалъ эту легенду?

ственно лучшаго. Когда всѣ увлекались Дорошенкомъ, имъ увлекся и Мазепа [1]).

Предположеніе объ увлеченіи Мазепы „національной программой“ составляетъ одно предположеніе и, по нашему мнѣнію, едва ли даже вѣроятное. Еслибы тутъ было увлеченіе личностью Дорошенка, то почему же Мазепа не присталъ къ нему лѣтомъ 1668 г., когда Дорошенко, истребивъ непопулярнаго Брюховецкаго, сталъ, какъ говоритъ Самовидецъ, гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра. А можетъ быть, что Мазепа поступилъ на службу къ Дорошенку, по приглашенію послѣдняго, въ начальники своихъ тѣлохранителей, такъ какъ Мазепа когда-то находился у польскаго короля въ роли очень близкой къ той, которая требовалась Дорошенку. Мазепа скоро прижился у Дорошенка, получилъ у него урядъ генер. есаула и сталъ, повидимому, очень нужнымъ для правобережнаго гетмана человѣкомъ. Но когда „національная программа“ оказалась Дорошенку не подъ силу и популярность правобережнаго гетмана стала меркнуть, Мазепа, повидимому, сталъ думать о перемѣнѣ положенія. Такое желаніе Мазепы сталъ подозрѣвать и Дорошенко [2]). При какихъ обстоятельствахъ Мазепа оставилъ Дорошенка и перешелъ на сторону Самойловича, объ этомъ имѣются документальныя свѣдѣнія, которыя и разсказаны г. Уманцомъ съ добавленіемъ, что Мазепа „очаровалъ“ Самойловича, а когда былъ посломъ послѣднимъ (въ 1674 г.) въ Москву, то и тамъ „всѣхъ очаровалъ“. Вторую главу своей книги г. Уманецъ заключаетъ такъ: „во всякомъ случаѣ, факты говорятъ, что Мазепа оставилъ Дорошенка не потому, что нашелъ болѣе выгодное мѣсто, но вслѣдствіе *непредвидѣннаго* стеченія обстоятельствъ“. Къ этому можно добавить, что стеченіемъ послѣднихъ Мазепа съумѣлъ воспользоваться: „очаровалъ“ новаго

---

[1]) Тутъ же г. Уманецъ добавляетъ, что Мазепа зналъ Дорошенка, уже съ 1663 г.; но это свѣдѣніе сомнительное. Видимо, что г. Уманецъ думаетъ такъ на основаніи сообщенія Бартошевича (см. стр. примѣч.), что Мазепа возилъ въ 1663 г. къ Дорошенку королевское письмо... Но, какъ мы видѣли, письмо это едвали было довезено.

[2]) Самъ Мазепа разсказываетъ, что когда онъ просился разъ у него къ женѣ въ Корсунь, то Дорошенко, заподозривъ его въ измѣнѣ, сказалъ: знатно, что Ромодановскій соболми его прелстилъ... „Акты Ю. З. Россіи, XI, 559.

своего патрона и во всякомъ случаѣ нашелъ у послѣдняго „болѣе выгодное мѣсто“.

Третья глава названа—„*Семья Самойловичей*“. И здѣсь мы не будемъ останавливаться надъ портретами Многогрѣшнаго и Самойловича, которые попутно нарисовалъ г. Уманецъ. Какъ извѣстно, гетманъ Самойловичъ по происхожденію былъ *поповичъ* („Поповичемъ,“ а не Самойловичемъ зовутъ его лѣтописи); отецъ его былъ священникомъ м. Ходоркова, откуда онъ потомъ переселился на лѣвый берегъ, въ м. Красный Колядинъ (Конотопскаго у.). Такимъ образомъ, Самойловичъ хотя выросъ и на правомъ берегу, высшее общество котораго было культурнѣе лѣвобережнаго, но не могъ имѣть особой „эдукаціи“. А между тѣмъ эта „эдукація“ сдѣлалась необходимой Самойловичу, когда онъ сталъ гетманомъ и когда на каждомъ шагу хотѣлъ показать свое превосходство предъ простыми смертными. Превосходство его предъ послѣдними должно было выразиться и вообще въ держаніи гетманскаго двора,—въ устройствѣ извѣстной его обстановки. Имѣлась въ виду, конечно, обстановка *панская*—правобережныхъ польскихъ вельможъ, въ свою очередь старавшихся подражать королю. Самовидецъ подробно разсказываетъ, какъ Самойловичъ сталъ величаться, возсѣвъ на гетманскій столъ. Одною изъ принадлежностей этого величанья явились гетманскіе „дворяне“, состоявшіе главнымъ образомъ изъ молодыхъ людей знатныхъ фамилій, пребывавшихъ при гетманскомъ „дворѣ“ ради большей его пышности. Такими „дворянами“ окружали себя всѣ польскіе вельможи, не говоря уже о королѣ. Такихъ „дворянъ“ завелъ у себя и Самойловичъ [1]). Вотъ этотъ человѣкъ и сталъ патрономъ Мазепы послѣ Дорошенка.

Несомнѣнно, что новый патронъ скоро оцѣнилъ Мазепу, какъ человѣка, которому хорошо были извѣстны всѣ обычаи дворской жизни и который, кромѣ того, былъ еще и хорошо обученъ наукамъ въ тогдашнемъ ихъ обиходѣ. Какъ бывшій королевскій „покоевый“, Мазепа могъ наставлять гетманскій „домъ“ въ надлежащемъ публичномъ его держаніи, а какъ бывшій воспитанникъ заграничныхъ училищъ, Мазепа могъ помогать

1) Кіевск. Стар. 1884 г., № 10, Томары.

и въ дѣлѣ „эдукаціи“ гетманскихъ дѣтей. „Сему человѣку (Мазепѣ) ввѣрилъ гетманъ Самойловичъ воспитаніе своихъ дѣтей“, говоритъ Бант.-Каменскій, ссылаясь на „малороссійскія дѣла коллежск. архива“. Не упоминая о свѣдѣніи Бант.-Каменскаго, г. Уманецъ не вѣритъ свѣдѣнію объ этомъ учительствѣ Мазепы, сообщаемому „Исторіей Русовъ“, причемъ указываетъ на бывшихъ при дѣтяхъ Самойловича учителей—монаховъ. Одно другому, какъ видно, не мѣшало.—Трудно сказать, насколько Мазепа могъ быть зачисленъ въ ряды „людей, окуренныхъ порохомъ“ (стр. 65), но несомнѣнно, что помогать въ воспитаніи гетманскихъ дѣтей онъ могъ, обладая плодами заграничной „эдукаціи“. А послѣдняя для Самойловича именно и была важна: своихъ дѣтей онъ хотѣлъ воспитать совсѣмъ по иному, чѣмъ самъ воспитывался. Пребываніе Мазепы въ первые годы при Самойловичѣ, въ качествѣ гетманскаго „дворянина“, сохранялось въ народной памяти еще и въ 1721 г. Интересный разсказъ записанъ въ этомъ году гетманскими чиновниками по жалобѣ жителей Конотопскаго села Мал. Самбора на Андрея Лизогуба за захватъ имъ Самборскихъ земель: „и когда то село Мал. Самборецъ—разсказывали мѣстные сторожилы—еще за власти гетмана Самойловича, досталось Мазепѣ, *на тотъ часъ еще дворянинномъ будучому,* въ то время Мазепа, принявши тое село..... и яко-жъ на тотъ часъ, зъ почагку, еще не оживщись, велѣлъ своему старостѣ спрягатися зъ Иваномъ Охрѣменкомъ, Малосамборскимъ козакомъ....“ [1]). Отсюда между прочимъ видно, что Мазепа пришелъ къ Самойловичу человѣкомъ не богатымъ, такъ какъ на первый разъ, въ новомъ хозяйствѣ, ему пришлось „спрягаться“ съ богатымъ козакомъ.

Такимъ образомъ дворская служба Мазепы у Самойловича на первый разъ была награждена лишь небольшою маетностью. Въ ряды войсковой старшины Мазепа сталъ не скоро: по своимъ близкимъ отношеніямъ къ Самойловичу и по прежней службѣ у Дорошенка, Мазепа могъ удовлетвориться только генер. урядомъ (въ полковники Самойловичъ Мазепу, вѣроятно, не отпу-

---

[1]) Историч. Очерки селъ Конотопск. уѣзда. (Черниговъ 1886), стр. 2.

стилъ бы, чтобы не разставаться...), но для полученія такого уряда требовалось, значитъ, время. По свидѣтельству, Бант.-Каменскаго, только въ 1682 г. Мазепа поставленъ былъ генеральнымъ есауломъ.—И въ званіи „дворянина", и уже будучи генер. есауломъ, Мазепа нѣсколько разъ посыланъ былъ Самойловичемъ въ Москву съ разными порученіями офиціальнаго характера. Съ такими же порученіями посылалъ Мазепу Самойловичъ и въ Кіевъ, напр., для участія въ избраніи митрополита въ 1685 г. Г. Уманецъ замѣчаетъ, что при этомъ „въ Москву и Кіевъ Мазепа возилъ только мысли Самойловича и нигдѣ не дѣйствовалъ офиціально по собственному усмотрѣнію". А мы скажемъ, что иначе и быть не могло, такъ какъ Мазепа былъ очень уменъ, чтобы дѣйствовать иначе и затѣнять собою того, въ чьихъ пока рукахъ находилась его карьера... Нигдѣ не выказывая „собственнаго усмотрѣнія", Мазепа тѣмъ не менѣе за тринадцатилѣтнюю службу при Самойловичѣ самъ хорошо узналъ Москву и Москвѣ далъ возможность узнать себя. Въ это же время онъ еще лучше изучилъ тотъ персоналъ высшей войсковой старшины, которая и при самовластіи Самойловича не теряла значенія въ направленіи общественныхъ дѣлъ.

Результаты пребыванія Мазепы при Самойловичѣ, сначала—въ маломъ званіи гетманскаго „дворянина", а потомъ въ генеральномъ чинѣ, обнаружились на Коломакѣ, лѣтомъ 1687 г., когда Самойловичъ былъ низложенъ, а на мѣсто его поставленъ былъ онъ, Мазепа. Кто былъ руководителемъ интриги противъ Самойловича, кто писалъ на него доносъ,—это пока окончательно еще не выяснено. Но результатъ интриги—на лицо. Преемникомъ Самойловича сталъ Мазепа. Г. Уманецъ говоритъ, что Мазепа избранъ правильно, а потому ни въ чемъ и винить его нельзя, кромѣ данной Голицыну десятитысячной взятки. Доказывая *правильность* выборовъ Мазепы, г. Уманецъ указываетъ и на значеніе „козацкаго лагеря", юридически будто бы представлявшаго Малороссію, и на то обстоятельство, что выборъ Мазепы во всякомъ случаѣ правильнѣе де выборовъ Сомойловича, Многогрѣшнаго... Послѣднее указаніе едвали правильно. И Самойловичъ, и Многогрѣшный—поставлены на гетманство своею же бра-

тіею старшиною, безъ того сильнаго посторонняго вліянія, которое имѣло мѣсто на Коломацкой радѣ и которое такъ подробно описано въ дневникѣ Гордона [1]). Читая это описаніе, конечно, нельзя согласиться съ г. Уманцемъ, чтобы „избраніе не зависѣло отъ Голицына". Да и записка Мазепы къ Голицыну, найденная между сокровенными бумагами послѣдняго, о посылкѣ ему 10/т. рублей, *обѣщанныхъ* раньше [2]), видимо говоритъ, что Голицынъ былъ купленъ за эту сумму раньше избранія, такъ какъ поднесеніе подарка „человѣку своей партіи послѣ избранія", конечно, сдѣлано было бы въ реальномъ видѣ, а не въ „обѣтницѣ" 10/т. рублей, т. е. такой суммы, которой даже не могло найтись у дарителя, когда онъ пообѣщалъ его одарить... Тутъ виденъ уже не подарокъ post factum (который въ семъ случаѣ и не простирался бы до такой огромной суммы), а заранѣе условленная плата за обѣщанную помощь и плата такого размѣра, что Мазепа на Коломакѣ и собрать ее не могъ [3])... При этомъ, конечно, никто не станетъ спорить съ г. Уманцемъ, что „людей прежнихъ эпохъ нужно брать въ обстановкѣ ихъ времени", т. е. что Мазепу нельзя де особенно винить за то, что онъ купилъ гетманство взяткою.—Можно его и не винить, но нельзя видѣть въ немъ „самаго популярнаго человѣка если не во всей Малороссіи, то по крайней мѣрѣ въ лагерѣ подъ Коломакомъ". Мазепа былъ большой эгоистъ, былъ скупъ, храбрости—совсѣмъ неизвѣстной... Словомъ, не видно у него въ характерѣ тѣхъ чертъ, которыя дѣлаютъ человѣка популярнымъ. Но былъ Мазепа смышленъ и ловокъ и „во всей Малороссіи, и въ лагерѣ подъ Коломакомъ"—и эта ловкость была единственною причиною, доставившею ему булаву. Ловкость, съ

---

[1]) Tagebuch, II, 190.

[2]) Устряловъ, Истор. царств. Петра В., I, 356, „Записка Мазепы князю В. Голицыну".

[3]) Отсюда, вѣроятно, идетъ преданіе, что Мазепа заплатилъ Голицыну взятку деньгами, взятыми въ долгъ у генер. обозчаго Борковскаго (Б. Каменск. III, пр. 2) Такъ разсказывали потомки Борковскаго, хвастая богатствомъ предка... Вѣроятнѣе, что Мазепа просилъ этихъ денегъ на Коломакѣ у Борковскаго, но послѣдній по скупости не далъ... Послѣдующія отношенія Мазепы къ Борковскому такую догадку дѣлаютъ болѣе вѣроятною, чѣмъ преданіе потомковъ.

которою Мазепа обдѣлывалъ свое избраніе, замѣчательна. Главный пріемъ этой ловкости заключался въ томъ, чтобы устранить всѣхъ конкурентовъ, персоналъ которыхъ ограничивался лицами, подписавшими доносъ. Здѣсь значатся: генер. обозный Борковскій, генер. судья Вуяхевичъ, генер. писарь Прокоповичъ, пять „заслуженныхъ въ войскѣ особъ“: Солонина, Яковъ Лизогубъ, Григорій Гамалѣя, Дмитрашко-Раичъ и Степанъ Забѣла [1]). Изъ числа этихъ пяти безъурядныхъ лицъ, четыре—*бывшіе* полковники, а пятый, Забѣла, бывшій генер. хоружій, сынъ извѣстнаго долгою своею службою генер. обознаго Петра Забѣлы. Лизогубъ былъ полковникомъ у Дорошенка, на правомъ берегу, а остальные три на лѣвомъ, при чемъ Гамалѣя былъ низложенъ еще при Брюховецкомъ, а Солонина и Дмитрашко были низложены Самойловичемъ. При этомъ Лизогубъ, Гамалѣя и Дмитрашко по прежнимъ своимъ похожденіямъ были старые авантюристы, хорошо знакомые съ старшинскою интригою. Вотъ эти пять лицъ, слѣдовавшіе за Самойловичемъ въ походѣ въ званіи лишь „значного товариства,“ тѣмъ не менѣе были ядромъ вліятельной старшины, при чемъ четыре изъ нихъ несомнѣнно мечтали о возвращеніи прежнихъ полковничьихъ урядовъ, а пятый, Забѣла, по своему знатному родству и богатству [2]) и какъ отставной генер. хорунжій, хотя и не былъ до того полковникомъ, но, добиваясь высшаго уряда, могъ мириться, конечно, только на полковничествѣ.

Вотъ этихъ пять человѣкъ Мазепѣ, главнымъ образомъ, нужно было не только привлечь на свою сторону, но и поставить ихъ при этомъ въ положеніе властное... Такъ, повидимому, долженъ былъ разсуждать Мазепа, обдумывая планъ дѣйствій для достиженія булавы...

Несомнѣнно, что самый вѣрный къ этому способъ заключался въ предоставленіи этимъ пяти лицамъ полковничьихъ мѣстъ, но притомъ, конечно, такъ, чтобы мѣста ими были полу-

---

1) Источники Малор. Исторіи, Бант.-Каменск. I, 304. Значился тутъ еще, послѣднимъ въ числѣ подписавшихъ доносъ, и Кочубей, безъ указанія его уряда былъ онъ въ это время „реентомъ“ генер. канцеляріи.

2) Описаніе Стар. Малороссіи, II, 138.

чены чрезъ Мазепу или посредствомъ его. Причемъ сдѣлать это нужно было, разумѣется, до рады, т. е. въ тотъ моментъ, когда всѣ полковничьи мѣста были заняты... И тѣмъ неменѣе все это было сдѣлано: *всѣ названные пять лицъ явились на раду 25 іюля уже полковниками*, и притомъ три изъ нихъ тѣхъ самыхъ полковъ, которыхъ они уже были и прежде полковниками, а Забѣла—полковникомъ того полка, въ которомъ находились его маетности. Кромѣ того, Прокоповичъ и Кочубей явились на раду 25 іюля тоже съ повышенными урядами: бывшій передъ тѣмъ генер. писарь Прокоповичъ явился генер. судью (вторымъ), а бывшій „реентъ“ Кочубей—генер. писаремъ. Какъ же это сдѣлалось?—Фактъ этотъ до сихъ поръ не былъ отмѣченъ; не могло быть, значитъ, и его объясненій [1]). Изъ свѣдѣній Бант.-Каменскаго, заимствованныхъ имъ изъ „дѣлъ коллежсскаго архива“ (III, 5), видно, что 24 іюля Голицынъ собралъ у себя въ палаткѣ „генеральную старшину“, при чемъ прочтены были новыя „статьи“ *будущаго* гетмана и затѣмъ, по одобреніи ихъ старшиною, будто бы условлено было и избраніе Мазепы... Было ли говорено на этой *предварительной радѣ* о завтрашнемъ избраніи Мазепы—точно сказать нельзя, но несомнѣнно, что только въ этотъ моментъ могли быть поставлены *новые* полковники и *повышены* въ рангахъ Прокоповичъ и Кочубей. Другого подходящаго момента для этихъ перемѣнъ до 25 іюля не было.

Новые полковники были поставлены слѣдующіе: Лизогубъ въ Черниговъ, вмѣсто Григорія Самойловича, Гамалѣя въ Лубны, вмѣсто Ильяшенка [2]), Дмитрашко—въ Переяславъ, вмѣсто Леонтія Полуботка [3]), Солонина—въ Козелецъ (Кіевск. полкъ),

---

1) Костомаровъ (Руина, стр. 682) полагалъ, что эти лица были полковниками уже и въ то время, когда подписывали 7 іюля доносъ на Самойловича, но его ошибка тутъ явственна: не могъ быть Лизогубъ Черниговскимъ полковникомъ, когда этотъ урядъ былъ занятъ Григоріемъ Самойловичемъ, Дмитрашко—Переяславскимъ, когда здѣсь былъ Леонт. Полуботокъ, Забѣла—Нѣжинскимъ, когда это мѣсто занималъ Ярема Непракъ, что видно именно изъ той страницы книги Ригельмана (III, 3), на которую Костомаровъ дѣлаетъ ссылку на стр. 691-й „Руины“.

2) Тестя гетманскаго племянника Михаила Самойловича.

3) Сынъ Леонтія Полуботка Павелъ женатъ на дочери гетманскаго племянника Михайла Самойловича.

вмѣсто (кажется) Коровченка-Вольскаго, и Забѣла—въ Нѣжинъ, вмѣсто ничтожнаго Яремы Неирака, (неизвѣстно откуда взявшагося и неизвѣстно куда дѣвавшагося). Наконецъ, поставленъ былъ и шестой—*новый* полковникъ Тимофей Алексѣевъ — въ Стародубъ, вмѣсто Якова Самойловича, при чемъ и Алексѣевъ *былъ* уже и прежде Стародубскимъ полковникомъ и былъ низложенъ Самойловичемъ для очистки мѣста старшему сыну, Семену.

Всѣ эти шесть лицъ значатся полковниками на актѣ объ избраніи Мазепы, происшедшемъ 25 іюля [1]). Кто же могъ распорядиться поставленіемъ *новыхъ* полковниковъ наканунѣ выборовъ новаго гетмана, когда прежніе полковники (за исключеніемъ двухъ сыновей Самойловича) формально еще оставались на своихъ мѣстахъ? Разумѣется, не та *рада*, которая собиралась у Голицына 24 іюля, потому что она состояла изъ пяти—шести лицъ (Борковскій, Вуяхевичъ, Прокоповичъ, Кочубей)... не имѣвшихъ значенія... Думается, что никто другой такого важнаго распоряженія, кромѣ Голицына, сдѣлать не могъ. Только власть Голицына могла устранить безъ всякаго суда прежнихъ полковниковъ, поставивъ имъ въ вину близость къ низложенному гетману. Выборы *новыхъ* лицъ на мѣсто устраненныхъ тоже не могли произойти безъ чьего-либо особаго указанія и ходатайства. А Голицынъ могъ это сдѣлать по ходатайству—или самихъ лицъ, получившихъ полковничьи уряды, или того, для кого нужны были именно эти назначенія... Если Мазепа пообѣщалъ Голицыну 10/т. рублей за его помощь при выборахъ новаго гетмана, то Голицынъ долженъ былъ эту помощь оказать во всѣхъ тѣхъ ея частностяхъ, которыя нужны были Мазепѣ. А какое же лучшее средство можно было употребить Мазепѣ для привлеченія на свою сторону указанныхъ лицъ и сдѣлать ихъ властными, какъ не давши имъ возможности явиться на выборы—*полковниками* и притомъ желанныхъ ими полковъ... Голицыну дана была дорогая „обѣтница", а Голицынъ далъ шести вліятельнымъ лицамъ полковничьи мѣста, и на радѣ явилось шесть полковниковъ—несомнѣнно усерднѣйшихъ сторонниковъ Мазепы, потому что уряды

---

[1]) Собраніе государств. грамотъ и договоръ IV, 558.

свои получили они посредствомъ этого самаго Мазепы... [1]) Повышены были при этомъ въ своихъ урядахъ, какъ сказано выше, еще и Прокоповичъ съ Кочубеемъ и, разумѣется, волею Голицына. Можно думать, что повышеніе при этомъ Кочубея въ генер. писари сдѣлано было потому, что Мазепѣ онъ былъ желательнѣе въ этомъ рангѣ, чѣмъ Прокоповичъ.—Неужели же не ясно, что „Голицынъ подсунулъ Мазепу козакамъ"? (Стр. 75). Поэтому едва ли можно говоритъ, что козаки, при выборѣ новаго гетмана, не имѣли де никакихъ основаній, чтобы „подчиниться внушеніямъ иностраннаго вельможи, ничѣмъ неизвѣстнаго, имъ незнакомаго, только что потерпѣвшаго пораженіе и не бывшаго даже воиномъ по профессіи". Какъ будто бы рада 25 іюля происходила въ идеальной обстановкѣ... Всякую иллюзію при этомъ уничтожаетъ описаніе этой самой рады, сдѣланное очевидцемъ: на радѣ участвовало 2000 козаковъ (800 конныхъ и 1200 пѣшихъ), при чемъ это небольшое войско было окружено другимъ войскомъ—московскимъ, нарочно придвинутымъ сюда по распоряженію, сдѣланному наканунѣ вечеромъ [2]). Правда, участвовало на радѣ и все остальное козацкое войско, но лишь *номинально*, при чемъ *представлялось оно лицемъ одного генер. писаря Кочубея* [3])... Вотъ при какой обстановкѣ Голицынъ спросилъ казаковъ—кого желаютъ они выбрать себѣ гетманомъ?... Козаки сначала молчали, а потомъ ближайшіе къ Голицыну назвали Мазепу, и это имя повторено было другими. Нѣсколько голо-

---

[1]) Замѣтимъ, что изъ шести полковъ, въ которые назначены были новые полковники, пять—были обширнѣйшіе въ Малороссіи, занимая территорію едва ли не въ 3/4 всей гетманщины. См. карту Малороссіи при книгѣ Шафонскаго Опис Черниг. намѣстн.

[2]) Tagebuch Гордона, II, 189.

[3]) На актѣ избранія, послѣ подписей наличной старшины, значится: „А вмѣсто полковъ, на службѣ монаршой ихъ царского пресвѣтл. величества зостаючихъ на Запорожью, Чернѣговского, Переяславского, Прилуцкого, Миргородского, охотницкихъ конныхъ Новицкого и Пашковского и пѣхотныхъ Яворского и Герасимового и сотнѣ Глуховской, а вышей Кодаку на устю Самары—Нѣжинского и пѣхотнихъ Иванѣевого и Кожуховского, *за самыхъ тыхъ полковниковъ, за старшину ихъ полковую, за сотниковъ и за атамановъ куренныхъ и за всю чернь, рядовое товарицтво, я, Василь Кочубей, писаръ войсковый енералный, властною рукою подписуюся*". Собран. госуд. грам. и договор., IV, 560.

совъ назвало было Борковскаго, но—sie wurden aber bald zum stillschweigen gebracht... (Гордонъ). Такимъ образомъ Коломацкая рада должна была „подчиниться внушеніямъ иностраннаго вельможи, хотя ничѣмъ неизвѣстнаго и не бывшаго воиномъ по профессіи“, но повелѣвавшаго всѣмъ бывшимъ въ походѣ русскимъ войскомъ, часть котораго окружала тотъ „козацкій лагерь на рѣкѣ Коломакѣ, который, по мнѣнію г. Уманца, въ этотъ моментъ совершенно легально обратился въ „Коломацкую раду“... Если и существовало какое-либо подобіе „теоріи государственнаго права Малороссіи“ (стр. 70) въ формѣ „войсковыхъ обычаевъ“, то ужъ никакъ не могла имѣть эта „теорія“ примѣненія на Коломакѣ, гдѣ властно повелѣвалъ и распоряжался кн. Голицынъ, самый сильный тогда человѣкъ въ Московскомъ государствѣ...

Думается, что всего сказаннаго достаточно, чтобы убѣдиться, что Мазепа получилъ булаву только при помощи власти Голицына, которую онъ при этомъ такъ ловко эксплуатировалъ. Отсутствіе у Мазепы той популярности, которую приписываетъ ему г. Уманецъ, доказывается рядомъ событій, послѣдовавшихъ вслѣдъ за его поставленіемъ въ гетманы. Эти событія указываютъ, что народъ считалъ избраніе Мазепы какою-то случайностью и не ожидалъ отъ новаго властелина крѣпкой власти. Обыкновенно бываетъ такъ, что когда, при смѣнѣ властителей, власть попадаетъ въ руки авторитетнаго и популярнаго избранника, то народъ сразу и всецѣло подчиняется новой власти. Не то бываетъ, когда эта власть достается незаслуженно человѣку сомнительнаго авторитета. Тогда народная масса обыкновенно спѣшитъ воспользоваться случаемъ или для заявленія какихъ-нибудь протестовъ, или—просто для того, чтобы побушевать и сорвать на комъ-нибудь сердце. Такимъ образомъ заволновалась народная масса въ Малороссіи, когда на гетманство поставленъ былъ при протекціи Московскаго боярина (Великогагина) авантюристъ Брюховецкій, устранивъ народнаго предъизбранника Самка. Заволновалась народная масса и вслѣдъ за поставленіемъ въ гетманы Мазепы. Г. Уманецъ приводитъ случаи „поднявшагося волненія“ среди козаковъ, находившихся

въ походѣ, при чемъ „буйство разрослюсь“ до того, что Прилуцкіе полчане бросили своего полковника (Лазаря Горленка) живого въ печь, а затѣмъ ограбили свою полковую церковь; въ Переяславскомъ и Нѣжинскомъ полкахъ арестованы были козаками ихъ прежніе полковники. Факты эти приведены въ книгѣ г. Уманца безъ объясненія [1]), при чемъ не говорится въ ней о такихъ же волненіяхъ, происшедшихъ во многихъ мѣстахъ Малороссіи, вслѣдъ за полученіемъ тамъ извѣстія о новомъ гетманѣ. Такъ Лизогубовская лѣтопись, послѣ извѣстія о поставленіи Мазепы, говоритъ: „тогда чернь и мужики пановъ своихъ, а паче арендаровъ, грабовали, а иныхъ мучили, въ смерть забивали, по городамъ и въ Войску“ [2]). Новый властитель спѣшилъ тушить эти волненія не властью, а уступками массѣ, разославъ „универсалы по всей Украйнѣ, жебы тую своеволю унимали, а тихъ бунтовщиковъ карали, а ежели кому какая кривда отъ кого есть, жебы правомъ доходили, а сами своихъ кривдъ не мстилися, а *также постановили, жебы юже арендъ не было на Украинѣ на горѣлку, а ни на жадный напитокъ*, опрочь индукты“. (Самовид., 1687 г.).

Отвергая подкупъ Голицына Мазепою для полученія булавы, г. Уманецъ говоритъ, что „по духу времени Мазепа не могъ не дарить людей своей партіи послѣ избранія“. Дѣйствительно, Мазепа сдѣлалъ нѣкоторые подарки послѣ своего избранія. Подарки эти выразились въ маетностяхъ, какъ и слѣдовало ожидать отъ гетмана. Но подарки были сдѣланы почти исключительно людямъ незначительнымъ и, повидимому, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вслѣдствіе близкихъ личныхъ къ нимъ отношеній новаго гетмана. Важные люди, какъ мы видѣли, были награждены урядами уже передъ выборами; дѣлать имъ еще подарки Мазепа находилъ ненужнымъ. Кого Мазепа одарилъ послѣ своего избранія, видно изъ слѣдующаго перечня универсаловъ на маетности, выданныхъ въ первыя шесть недѣль послѣ 25 іюля [3]).

---

[1]) Убитъ былъ еще Гадяцкими полчанами и бывшій миргородскій полковникъ Кіяшка. Tagebuch Гордона, II, 188.

[2]) Сборн. лѣтописей, изд. Кіевск. Арх. Ком. 1888 г., стр. 34. См. также Сулим. Арх., 25, Мотыж. Арх., 3, Кіевск. Стар. 1889 г., лѣтоп. Мгарск. м-ря, стр. 8—9.

[3]) Перечень универсаловъ на маетности, рукоп. нашей б—ки.

1687 г., 26 іюня. Генер. судьѣ Саввѣ Прокоповичу подтвержденіе права на с. Кудровку.

— 17 августа. Черниговскому полковнику Якову Лизогубу на с. Сосновку. (Универсалъ выданъ на пути изъ-подъ Коломака въ Батуринъ, въ г. Ромнѣ).

— 17 августа. Войск. товар. Данилу Лѣсницкому на с.с. Матяшовку и Милюшки.

— 25 августа. Прилуцкому полковому есаулу Ивану Носу на с. Голубовку.

— 25 августа. Черниговскому войсков. писарю Ивану Скоропадскому (будущему гетману) на села Выхвостовъ, Боровицу и слоб. Дроздовку.

— 25 августа. Войсков. товарищу Пантелеймону Радичу на с.с. Буянку и Сахновку.

— 27 августа. Кролевецкому сотнику Ивану Маковскому на с. Подоловъ.

— 28 августа. Войсков. товарищу Карпу Мокріевичу подтвержденіе права на с.с. Сибережъ, Ямище и Гучинъ.

— 9 сентября. Вдовѣ прилуцк. полк. писаря Раковича Агафьѣ подтвержденіе права на с.с. Петровку и Поповку.

Сдѣлаемъ здѣсь нѣкоторыя поясненія.

Универсалъ Саввѣ Прокоповичу, выданный хотя и на другой день послѣ избранія, но лишь заключающій въ себѣ подтвержденіе на имѣвшуюся уже у него маетность, показываетъ, что Мазепа считалъ достаточнымъ повышеніе Прокоповича въ генер. судьи.

Универсалъ Якову Лизогубу, поставленному на Коломакѣ полковникомъ одного изъ значительныхъ полковъ (Черниговскаго), на с. Сосновку, данный *на пути* изъ-подъ Коломака въ Батуринъ, долженъ указывать, что Лизогубъ, *не имѣя въ это время ни одной маетности*, спѣшилъ выпросить у новаго гетмана универсалъ на село, около котораго онъ, переселившись изъ-за Днѣпра, имѣлъ уже значительное хозяйство [1]). Поэтому Лизогубу важно было получить именно Сосновку, хотя и находившуюся въ чужомъ полку. Никому изъ другихъ пяти новыхъ полковниковъ

[1]) Кіевск. Стар. 1882 г., № 1. *Лизогубы.*

Мазепа маетностей не далъ, тоже, значитъ, находя, что они получили уже хорошую награду въ видѣ урядовъ.

Данило Лѣсницкій, занимая совсѣмъ невидное положеніе въ „Войскѣ", получилъ, однако же, *два села*. Это обстоятельство слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что Лѣсницкій былъ пасынокъ Степ. Куницкаго, товарища Мазепы по службѣ у Дорошенка [1]).

Носъ, Скоропадскій и Радичъ получили маетности, можетъ быть, въ благодарность за ту или другую помощь, оказанную при избраніи. При этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что Носъ былъ вообще очень юркій человѣкъ по своему характеру, а Скоропадскій отличался угодливостью... Кролевецкій сотникъ Маковскій былъ почему-то очень близокъ къ Мазепѣ и въ народѣ извѣстенъ былъ, какъ „кумъ" послѣдняго [2]).

Вдова Раковича могла получить универсалъ по ходатайству Носа, который былъ женатъ на сестрѣ умершаго ея мужа [3]).

Трудно объяснить выдачу универсала Карпу Мокріевичу. Мокріевичу приписывается главное руководительство въ интригѣ, низложившей Многогрѣшнаго. Какъ видно, дѣйствія его при этомъ были таковы, что и свои отъ него отвернулись: на радѣ, выбиравшей преемника Многогрѣшному, Мокріевичъ былъ устраненъ отъ писарства и остался въ ряду „знатныхъ войсковыхъ товарищей". За предательство Мокріевича, Лазарь Барановичъ публично обзывалъ его Іудою, какъ объ этомъ разсказываетъ Орликъ въ его письмѣ къ Яворскому. Вотъ этому Мокріевичу Мазепа нашелъ нужнымъ почему-то тоже дать подтвердительный универсалъ въ первые дни своего гетманства.

Изъ всѣхъ этихъ универсаловъ мы видимъ, что Мазепа считалъ достаточною наградою для подписавшихъ доносъ на Самойловича лицъ—повышеніе ихъ урядами. Одинъ остался не повышеннымъ на урядѣ (не было высшаго уряда)—генер. обозный Борковскій, и онъ былъ награжденъ маетностями: въ октябрѣ 1687 г. Мазепа далъ Борковскому три богатыхъ села—Орловку, Брусиловъ и Тупичевъ.

Ал. Лазаревскій.

---

1) Кіевск. Стар. 1886 г., 1 іюнь, 453.
2) Опис. стар. Малороссіи, II, 366, 389.
3) Кіевск. Стар. 1888 г., ноябрь, 369.

„МАМАЙ“

(ранней редакціи)

„МАМАЙ“

МАМАЙ.

Изображенія запорожца.

(*Къ рисункамъ*).

Запорожскій козакъ былъ долгое время олицетвореніемъ малорусскаго народнаго идеала. Его воспѣвала народная поэзія, его-же стремилась выразить въ краскахъ народная живопись. Въ старое время по всей Малороссіи очень распространена была картина, обыкновенно написанная какимъ нибудь наивнымъ и неискуснымъ сельскимъ художникомъ, на которой изображался козакъ съ обычными аттрибутами своего быта, каковы: осѣдланный конь, списъ, лукъ, мушкетъ, шабля, люлька и бандура. Для поясненія мысли художника на картинѣ помѣщались обыкновенно стихи, представляющіе болѣе или менѣе краткую, но мѣткую и проникнутую юморомъ характеристику изображаемаго молодца. Иногда портретъ запорожца дополнялся изображеніемъ повѣшеннаго имъ на деревѣ за ноги жида; иногда художникъ давалъ просторъ своей фантазіи и портретъ разростался въ цѣлую жанровую картину, на которой появлялись другіе козаки, истребляющіе надъ котелкомъ въ степи горячія галушки съ приправой горилки и жартовъ; появлялся жидъ, умоляющій о пощадѣ; другого жида козакъ вздергиваетъ въ это время на дубъ внизъ головою. Разговоры дѣйствующихъ лицъ изображены въ въ видѣ надписей, вытягивающихся изъ ихъ устъ. Иногда по-

вѣшенный на дубѣ жидъ замѣнялся козакомъ, который съ обрубленными руками болтается на деревѣ также внизъ головою. Такія картины, по объясненію А. А. Скальковскаго, дѣлали Поляки въ 1760 годахъ на страхъ гайдамакамъ и выставляли ихъ по корчмамъ и на ярмаркахъ [1]).

Двѣ картины, перваго и второго типа, сохранились въ музеѣ В. В. Тарновскаго, откуда мы и воспроизводимъ ихъ на прилагаемыхъ рисункахъ. На первой картинѣ, ограничивающейся портретомъ Запорожца, помѣщена надпись:

„Гай, гай! Якъ я молодъ бувавъ, що то во мнѣ була за сила, ляхѣвъ, жидѣвъ, туркѣвъ, татаръ воюючи, и рука немлѣла. А теперь и вошъ сылнѣща здаеця; плечи и ногтѣ болятъ, якъ день и нѣчъ попобиеця. Отъ така то буча недовга нашихъ лѣтъ година; скоро цвѣте и вяне, якъ у полѣ билина.

Хоть на мене и дивись, да ба не вгадаешь, вѣтки родомъ и якъ зовутъ, нѣчичірkъ не знаешь. Колы трапилось кому въ степахъ бувати, то той можеть мое имя и призвѣще оугадати. Бо въ мене имя не одно, а есть ихъ до ката, такъ назовуть якъ натрапишь на якого свата; жидъ зъ бѣди аз бѣди за рѣдного батька почитае, а ляхъ милостивимъ добродзеемъ називае, а ти якъ хочь назови, на все позволяю, абы не крамаремъ, бо зате и пополаю; отъ ляхи трохи оугадали що лошака подаровали, посмотри на гербъ знаменитый, что сверху онъ прибитій.

Гей нуте степи горѣть пужарами, пора мѣнять кожухъ на жупани, та якъ добрій ярмарокъ и оудача покаже, то ще не одинъ ляхъ из жидомъ въ барѣши, пекъ имъ якъ наможутся, поляже; то мушу оуступити за шкатулу червонихъ и за рѣгъ золотомъ литій. Кожухъ шкорупѣлій скинувъ имъ до ката, аби якъ сцуратся оу прямого свата, та вже бѣжишъ на сѣчъ могоричу пити, цуръ имъ бѣгдай. Якъ извикли насъ ляхи дурити а надѣя певна мушкетъ сѣромаха, та еще не заржавѣла и шабля моя сваха, хоть уже и неразъ пасокою въмилась да и теперь якъ бы разозлилась.

---

[1]) Порубежники. Соч. А. Скальковскаго. Вып. IV, 1850, стр. 204.

Случилось минѣ и не разъ въ степу варити пиво: пивъ турчинъ, пивъ татаринъ, пивъ и ляхъ на диво, то и теперъ до вражого батка валяеця въ степу спохмѣля головъ, костокъ мертвіхъ, отого весѣля.

Да и справдѣ пристарѣвшись на Русь пѣти мушу, ачей тамъ отпоминають попи мою душу, тілкожъ минѣ негля на лавѣ оумѣрати и съ французами бере охота ище погуляти.

То не одинъ кателикъ либо и два не стане, якъ случитця..... на спису застряне; да якъ натягну и лукъ та бразну тетиву, мусить ханъ Кримскій за Дунай оутѣкати зъ ордою.

Хотя и минѣ нестрашно на степу оумѣрати, тилко жалко що нѣкому буде поховати: татаринъ цураетця, а жидъ зъ ляхомъ не приступитъ, хиба якій звѣроха въ байраки поцупить.

Ачей минѣ в степахъ що небудь прикинуть для смерти, однакъ ще не одному ляху зъ жидомъ мушу носа втерти.

О уже хоть трохи зъледачѣвъ, однакъ чуютця плечи, щебъ прогнавъ хоренгву за Віслу и розлетѣлася бъ съ французами ляхва, якъ одъ жару блохва. Вѣдкіль родомъ Я на свѣтѣ, всякъ з васъ хоче знати, ясенъ на сѣчѣ и всякій назови братомъ.

А имя минѣ Хома, що на головѣ волося нема, бувъ космокъ, да и той оу Дунаи за три днѣ одмокъ».

На второй картинѣ надъ главной фигурой надписано: „Козакъ Мамай“. Онъ играетъ на бандурѣ и говоритъ, обращаясь къ товарищамъ: „по трудахъ, хлопци, гуляйте, лишъ дило свое сполняйте“. Одинъ изъ вечеряющихъ козаковъ, подавая чарку другому, говоритъ: „пый, брате, за Йося, та тягны за лобъ и Мося“. Третій, держа галушку на спичкѣ, обращается къ жиду: „намъ грошей твоихъ не треба, за такыхъ платятъ спасеннемъ зъ неба.“ Жидъ говоритъ: „ой вей, пане Мамаю, помилуй мене, я ни копѣйки грошей не маю.“ Козакъ, вздергивающій жида за ноги на дерево, приговариваетъ: „годи тоби, вражій сыну, чвертки пысаты, ось будешъ на дубови маюхвесъ [1]) спиваты“. Подъ повѣшеннымъ жидомъ подписано: Йось.

---

[1]) Маюхвесъ=Maifest, жалобная еврейская пѣснь.

На первой картинѣ имя козака—Хома безъ прозвища. На второй онъ названъ Мамаемъ. *Мамай*—не былъ вымысломъ народной фантазіи, а, дѣйствительно, въ срединѣ прошлаго столѣтія существовало два лица, преемственно носившихъ это имя. А. А. Скальковскому удалось собрать о нихъ слѣдующія свѣдѣнія.— „Съ 1750 года, восемь лѣтъ сряду, границы Польскія были терзаемы гайдамаками. Страхъ народный увеличивалъ ихъ число до невѣроятности, такъ что теперь, когда намъ вполнѣ извѣстно ничтожное число этихъ грабителей, не имѣвшихъ никогда и 300 человѣкъ въ одной шайкѣ, понять даже трудно, какъ ихъ въ одну экспедицію не истребляли ни польскіе, ни русскіе коменданты. Особенный ужасъ наводила въ Украйнѣ шайка *Мамая*, козака Запорожскаго.... Оказывается, что подъ этимъ именем дѣйствовало два лица. Одинъ *Мамай* въ 1750 году пришелъ на байдакѣ въ Мошны и какъ это мѣстечко, такъ и всѣ имѣнія князя Любомірскаго разорилъ и людей изрубилъ. Генералъ Леонтьевъ сильно его преслѣдовалъ, а его команды за нимъ долго по степямъ гонялись, пока, наконецъ, не настигли его. Шайка его была совершенно истреблена, а самъ атаманъ былъ повѣшенъ и четвертованъ. Голову его съ шапкою и усами воткнули на *шпиль* и поставили на мосту въ Тарговицѣ. Нѣкій *Андрей Харченко* снялъ съ этой головы шапку, надѣлъ на себя и назвалъ себя Мамаемъ. Этотъ Мамай, по примѣру своего предшественника, ходилъ съ шайкой на *Лядчину*. Черкасскій губернаторъ Ростковскій писалъ о немъ русскимъ пограничнымъ властямъ слѣдующее: „Сего 1758 года мѣсяца апрѣля въ прошлыхъ числахъ козакъ куреня Щербиновскаго въ Сѣчи Запорожской, назвискомъ *Мамай*, напавши съ чатою своею гайдамацкимъ способомъ на маетности здѣшнія Украинскія, а особливо на мѣстечко *Мошны*, и староство Черкасское разбойнически разорилъ. Не только людей зруйновалъ, худобы оныхъ позабиралъ и нѣсколько надесять человѣкъ слушныхъ обывателей поубивалъ и осѣдлости попалилъ, да и церкви святыя пообдиралъ, что только знайдовалось въ оныхъ позабиралъ; все отъ мала до велика разгромилъ и внивецъ означенное мѣстечко обернулъ. Откуда возвра-

тившись байдакомъ, рѣкою Днѣпромъ плывучи внизъ съ чатою своею и здѣсь въ староствѣ Черкасскомъ, въ селѣ *Ломоватомъ*, людямъ худобы позабиралъ и нѣкоторыхъ мучивъ мало не до смерти, и оттуда отплывши, ѣхалъ тѣмъ же байдакомъ водою до староства Чигринскаго, въ которомъ приставши до берега и забравши добычь оную на нѣсколько десять возовъ, посреди бѣла дня переѣхалъ въ томъ же старостве на *Калантаевскую греблю* въ слободы малороссійскія мимо караула, стоящаго тамъ при Русской границѣ"..... Второй Мамай впослѣдствіи, по распоряженію польскихъ властей, былъ сначала посаженъ на *палю*, а потомъ повѣшенъ" [1]).

Собиратели этнографическихъ матеріаловъ давно обратили вниманіе, какъ на народный портретъ Запорожца, такъ и на преданія о Мамаѣ, съ нимъ связанныя. Мы знаемъ слѣдующія литературныя извѣстія объ этомъ предметѣ.

1) 16-го іюля 1848 года П. А. Кулишъ, посылая О. М. Бодянскому изъ Тулы нѣкоторыя бумаги, писалъ ему:

„Перший шпаркгалыкъ. Може выдавъ,—де вже не выдаты? де-инде по Вкраини голеного запорозця намалёваного, що седя, пидобгавши ноги, грае на кобзи та ще й промовляе. А що промовляе, те внызу й пидпысано. Ляхы зовуть ёго въ своихъ кныжкахъ *Козакомъ Мамаемъ*. Есть коло Субботова, чы що, и дубъ Мамаивъ, де винъ вишавъ ихъ браччыкивъ та жыдову. Було въ мене воно десь и запысано, та вже запамятавъ. Отъ же я колысь бувъ у Мошнахъ и знайшовъ тамъ сего козарлюгу изъ такою пидпысью, що краща й просторнища одъ усихъ иншыхъ; та й саме малевання вже старе дуже, що ажъ полупалось, дакъ тымъ-то я й нерозибравъ одного слова на кинци—чы *головатый*, чы *бородатый*. Самъ уже домизкуесся,—мое дило тилькы зпысаты" [2]).

---

[1]) Порубежники. Соч. А. Скальковскаго. 1850. Вып. III, стр. 65, 66, 70, 71, 13, 185; вып. IV, стр. 53, 71. Подзаглавіе III и IV выпусковъ: „Мамай". Повѣсть 7758—1760 годовъ. Въ 2-хъ частяхъ.

[2]) Кіевск. Стар. 1898, февраль, стр. 290.

2) Въ заключеніи къ упомянутой выше въ примѣчаніи повѣсти „*Мамай*", занимающей III и IV вып. „*Порубежниковъ*", А. А. Скальковскій въ 1850 г. писалъ: „О Мамаѣ сохранилось много преданій и памятниковъ; много крестовъ каменныхъ и бабъ обломанныхъ называются *Мамаями*; но самый обыкновенный изъ нихъ есть одна оригинальная картина, которой лучшій экземпляръ можно видѣть въ домѣ князя Воронцова въ Мошнахъ (Кіев. губ.), но тысячи копій вы найдете по всей Украйнѣ... Въ Кіевской губерніи Чигиринскаго уѣзда въ Бураковскомъ лѣсу по дорогѣ изъ казеннаго селенія Херсонки въ с. Нестеровку есть еще дерево, называемое *Мамаевымъ дубомъ*; стволъ его, необыкновенной толщины, весь избуравленъ отыскивателями кладовъ" [1]).

3) Извѣстный составитель *Этнографическаго альбома* [2]), оставшагося ненапечатаннымъ, докторъ Де-ла-Флизъ, помѣстилъ въ своемъ альбомѣ снимокъ съ портрета Запорожца и снимокъ съ Мамаева дуба, раскрашенные акварелью. Въ объясненіяхъ къ снимкамъ Де-ла-Флизъ говоритъ: „Между поселянами есть преданіе о разбойникѣ Мамаѣ и во многихъ домахъ находится картина, изображающая сего разбойника, сидящаго подъ дубомъ съ бандуркою въ рукахъ; подъ этой картиной есть стихи... Въ Чигиринскомъ уѣздѣ около деревни Херсонки я видѣлъ огромнѣйшій дубъ, давно уже усохшій и безъ вѣтвей; его называютъ дубомъ Мамая и сказываютъ, что подъ этимъ дубомъ Мамай располагался своимъ таборомъ и вѣшалъ на вѣтвяхъ его поляковъ и жидовъ, попадавшихся въ его руки, и на немъ же послѣ самъ былъ повѣшенъ".—„Мамаевъ дубъ, срисованный съ натуры. Сей дубъ находится въ урочищѣ Васильковскомъ Мотренинской дачи возлѣ д. Херсонки Чигиринскаго уѣзда, у котораго разбойникъ Мамай весьма часто располагался таборомъ, какъ говоритъ мѣстное преданіе. Дубъ сей имѣетъ

---

1) Вып. IV, стр. 204—205.

2) Рукопись церковно-археологическаго музея при Кіевской Дух. Академіи № 206. Альбомъ составленъ въ 1854 г. См. Описаніе рукописей Н. И. Петрова. 1875, стр. 153—155.

толщины $3^1/_3$ аршина при раздѣленіи вѣтвей и старожилы говорятъ, что около ста лѣтъ, какъ дерево то безъ листья... Во время пребыванія у сего дерева пиры его (Мамая) обозначались кровавою местью на полякахъ и жидахъ, которыхъ, попадавшихся въ его руки, онъ вѣшалъ на вѣтвяхъ сего дуба, на которомъ и самъ, пойманный, по распоряженію польскаго правительства повѣшенъ". Рисунокъ дуба представляетъ гигантское дерево, лишенное вѣтвей и листьевъ, съ ободранной корой внизу ствола и съ клочьями зеленаго мха во впадинахъ [1]).

4) Въ I томѣ Записокъ о Южной Руси (1856 г.) на стр. 316—319 П. А. Кулишъ напечаталъ одинъ изъ извѣстныхъ ему варіантовъ надписей на изображеніи Запорожца подъ заглавіемъ: „II. Стихи на картинѣ, представляющей Запорожца-Кобзаря". Никакого примѣчанія, поясняющаго, гдѣ хранится картина, съ которой списаны надписи, нѣтъ.

5) Въ 1888 году Д. И. Эварницкій описалъ портретъ Запорожца, видѣнный имъ въ г. Новомосковскѣ у крестьянина Ивана Чуприны, который унаслѣдовалъ его отъ предковъ, и напечаталъ помѣщенные подъ нимъ стихи. „Этотъ портретъ", говоритъ г. Эварницкій, „одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ, которые ходятъ съ разными варіяціями по Старой и Новой Малороссіи, съ подписанными подъ ними стихами, иногда короткими, иногда очень длинными" [2]).

Насколько намъ извѣстно, снимки съ народныхъ изображеній Запорожца вообще или Мамая были до сихъ поръ напечатаны дважды:

1) Въ приложеніи къ „Исторіи о козакахъ запорожскихъ" князя Мышецкаго, изданной въ Одессѣ въ 1852 г. (съ экземпляра Одесскаго музея Общества исторіи и древностей).

2) Въ книгѣ Д. И. Эварницкаго „Запорожье" и пр., 1888, т. I, стр. 72, рис. 5 (съ экземпляра собранія Я. П. Новицкаго).

А. С.

---

[1]) Рукописи стр. 80—85.

[2]) См. Запорожье въ остаткахъ старины и преданіяхъ народа. Спб. 1888 г., т. I стр. 73—75.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Малороссійскія пьесы въ казармѣ. Трудна и томительно однообразна казарменная жизнь солдата. Понятно поэтому, что доставленіе разумныхъ развлеченій обитателямъ казармъ крайне важно. Вотъ почему мы видимъ довольно частыя посѣщенія солдатами заѣзжаго театра и цирка. Однимъ изъ наиболѣе доступныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе пріятныхъ развлеченій для солдата является постановка такъ называемыхъ «солдатскихъ спектаклей».

Не говоря о важномъ воспитательномъ значеніи и сближеніи солдата съ офицеромъ (устроителемъ спектакля) на почвѣ внѣслужебной, сближенія крайне необходимаго для разумнаго руководства массами въ минуты необходимости, мы отмѣтимъ только значеніе его для жизни казармы, какъ развлеченія.

Оно прежде всего пріятно для актеровъ. Дни репетиціи для актеровъ—это чрезвычайно пріятные дни. Актеры почти забываютъ, что они солдаты въ казармѣ, и отдаются всей душой разучиванію и исполненію незамысловатыхъ ролей и забываютъ здѣсь свои служебныя неудачи. Намъ случилось наблюдать, какъ одинъ изъ актеровъ,

фейерверкеръ, будучи разжалованъ въ рядовые, все-таки продолжалъ репетиціи и съ успѣхомъ участвовалъ въ представленіи, несмотря на всю тяжесть понесеннаго взысканія. Онъ на репетиціяхъ забывалъ свое горе, и его самолюбіе послѣ перенесеннаго удара получило нѣкоторое удовлетвореніе въ томъ, что его не исключили изъ числа актеровъ. Это удержало его отъ дальнѣйшихъ ошибочныхъ шаговъ, и скоро онъ возстановилъ свою репутацію и получилъ обратно утерянное званіе.

Что устройство спектаклей доставляетъ большое удовольствіе солдатамъ, видно изъ того, что стоитъ офицеру разъ выразить желаніе устроить спектакль, чтобы потомъ къ нему обращались съ просьбами о дальнѣйшемъ движеніи дѣла.

Кромѣ солдатъ-актеровъ, солдатскій спектакль доставляетъ удовольствіе солдатамъ зрителямъ. Во-первыхъ, онъ даетъ имъ нѣкоторое эстетическое наслажденіе (конечно, при удовлетворительномъ исполненіи, чего всегда можно добиться), да кромѣ того пріятно имъ и сознаніе, что «не одни паны могутъ играть, а и нашъ братъ солдатъ».

Такого рода развлеченія намъ случалось устраивать въ казармѣ войсковой части, расположенной на одной изъ нашихъ окраинъ.

Достаточно намъ было одного-двухъ солдатъ спросить, «не найдутся-ли охотники играть на сценѣ?», какъ труппа была уже готова. Оставалось выбрать пьесы и разучивать.

Мы не будемъ здѣсь разбирать скудный репертуаръ нашего народнаго театра и доказывать трудность выбора пьесы. Не въ этомъ цѣль настоящей замѣтки. Мы имѣли въ виду разсказать, какія малорусскія пьесы мы поставили, кто и какъ ихъ сыгралъ, и какое впечатлѣніе произвели на зрителей.

Приступая къ устройству спектакля и имѣя въ виду, что въ части войсковой имѣется достаточный процентъ малороссовъ и что въ число актеровъ записалось нѣсколько человѣкъ ихъ, мы рѣшились разучить не только всю русскую народную пьесу, но и малорусскій водевиль. Наше предложеніе было встрѣчено восторженно. Актерамъ воронежцамъ такъ понравилось оно, что они съ нетерпѣніемъ ждали, когда будемъ читать пьесы. Подъ руками оказались «Москаль-Чаривныкъ» Котляревскаго и «Простакъ» В. Гоголя. Обѣ пьесы были прочитаны, и выборъ палъ на «Простака». Въ этомъ мы сошлись съ актерами. Эта пьеса показалась актерамъ и болѣе естественной, и

болѣе простой. Разобрали роли. «Романъ, украинскій козакъ» сразу овладѣлъ своей ролью и потребовалъ только небольшихъ поправокъ. «Параска, ёго жинка» была понята солдатомъ и нѣкоторыя мѣста—первыя сцены съ мужемъ—были хорошо исполнены на первой же репетиціи. Остальныя сцены, особенно кокетничаніе и заигрываніе съ дьячкомъ требовало упорной работы. «Соцькій» былъ слабъ. Солдатъ, исполнявшій его, очень конфузился, а главное плохо владѣлъ языкомъ и требовалъ постоянныхъ поправокъ въ произношеніи, хотя онъ чистокровный малороссъ, воронежской губерніи, острогожскаго уѣзда. Во время представленія этотъ актеръ такъ смутился, что пропустилъ цѣлую сцену, что вызвало сначала нѣкоторое замѣшательство, особенно непріятное потому, что мы играли, какъ и всегда, безъ суфлера. Послѣ этой неудачи солдатъ отказался отъ всякаго участія въ спектакляхъ. «Москаля» изображалъ уроженецъ могилевской губерніи, съ великорусскимъ говоромъ, съ нѣкоторой примѣсью бѣлорусскаго. Онъ требовалъ большихъ поправокъ, хотя и игралъ привычный ему образъ—солдата. Онъ тоже отказался отъ участія въ дальнѣйшихъ спектакляхъ, но потому только, что обиліе служебной работы не оставляло ему достаточно досуга для участія. Самой трудной ролью оказалась, какъ и слѣдовало ожидать, роль «Дьячка». Солдатъ, взявшійся играть «Дьячка», былъ малограмотный, но зато единственный изъ всѣхъ нашихъ актеровъ, игравшій раньше на сценѣ. Онъ прежде, еще въ сельской школѣ, игралъ Царя Максиміана и теперь можетъ прочесть его наизусть съ свойственнымъ исполнителямъ этой извѣстной пьесы пафосомъ. Быть можетъ, именно это участіе въ безтолковомъ исполненіи Царя Максиміана и было отчасти причиной, что онъ не сразу овладѣлъ своей ролью, гдѣ отъ него прежде всего потребовалось, хотя и своеобразное, но выразительное чтеніе. Послѣ долгой работы, почти надъ каждой фразой, онъ овладѣлъ ролью настолько, что исполненіемъ своимъ доставилъ большое удовольствіе зрителямъ и заставилъ ихъ отъ души похохотать.

Этотъ спектакль былъ на Рождество, слѣдующій мы поставили на масляную. Здѣсь малорусскій водевиль былъ «Гласный» П. Козловскаго. «Мыколу Ивановыча Лагоду» исполнялъ тотъ-же солдатъ, который игралъ Романа въ «Простакѣ», и надо отдать ему справедливость, что онъ въ «Лагодѣ» не повторилъ «Романа» и далъ новый образъ. «Прасковья Хведоровна» была исполнена тѣмъ-же, кто

игралъ «Параску» въ «Простакѣ«, а «Васыля Васыльевича Цуркына» игралъ бывшій «Дьячокъ». Надъ Цуркинымъ пришлось опять много поработать, такъ какъ у солдата крѣпко осталась въ памяти роль «Дьячка», и сначала онъ то и дѣло переходилъ въ дьяковскій тонъ. «Катрю» изображалъ новый солдатъ, впервые изъявившій желаніе играть. Будетъ даже правильнѣе, если мы скажемъ, что его пригласили остальные актеры, такъ какъ онъ по своей фигурѣ болѣе другихъ подходитъ къ роли «дивчины». Выборъ былъ очень удаченъ, такъ какъ загримированнымъ онъ оказался очень красивой «дивчиной», да и сыгралъ эту роль настолько хорошо, какъ только можно было сыграть ее солдату. Ясно, значитъ, что заботясь о хорошей постановкѣ пьесы, актеры-солдаты подумали прежде, чѣмъ указали мнѣ на этого актера. «Михайло Семенюта», молодый парубокъ, вышелъ нѣсколько тяжеловатъ и неповоротливъ—солдатъ не подходилъ къ роли и не обладалъ ею, несмотря на все стараніе наше.

Третій спектакль былъ поставленъ лѣтомъ, въ лагерѣ. Зрителями были и окрестные дачники. Малорусскій водевиль былъ «Якъ на лоби роги ростуть» Боровиковскаго. Здѣсь «Охрима Лемишку» исполнялъ опять тотъ-же, уже поработавшій надъ ролями стариковъ, солдатъ. Несмотря на это, роль эта была имъ исполнена менѣе удачно, чѣмъ двѣ предыдущія. «Кнышолапенко» игралъ опять бывшій «дьячокъ», и здѣсь опытъ «дьячка» ему очень помогъ. Онъ почти сразу понялъ роль и не требовалъ большой надъ собою работы. Зато много пришлось поработать надъ ролью «Омелька». Выборъ актера для роли дурня былъ неудаченъ. Актеръ, исполняющій дурня на сценѣ, долженъ быть самъ умнымъ,—тогда только онъ можетъ изобразить настоящаго дурня. Къ сожалѣнію, въ данномъ случаѣ этого не было, и «Омелько», представляющій слабое подражаніе «Стецьку» Квитки, не былъ хорошъ. Немного лучше оказался «Мыкола Зубенко». Зато очень удачно исполнилъ роль «Оксаны» молодой солдатъ, непрослужившій еще и года въ войскахъ, малороссъ, уроженецъ саратовской губерніи. Правда, будучи самъ по натурѣ вялъ и скроменъ, онъ лучше изобразилъ «Оксану» тамъ, гдѣ она является послушной и покорной жинкой, а не въ тѣхъ сценахъ, гдѣ она—безшабашная, веселая молодыця.

Вотъ въ краткихъ словахъ исполненіе пьесъ.

Что касается исполнителей, то таковыхъ въ малорусскихъ водевиляхъ участвовало одиннадцать человѣкъ, изъ нихъ восемь воронежской губерніи, острогожскаго уѣзда; двое могилевской губерніи, климовичскаго уѣзда, а одинъ саратовской губерніи, балашовскаго уѣзда. Въ числѣ воронежцевъ одни на службѣ уже 4 года, трое—3 года, двое—2 года и двое—2-й годъ. Могилевскіе оба два года прослужили, а саратовскій служитъ только первый годъ, еще только что окончилъ курсъ молодыхъ солдатъ. Четверо изъ нихъ прибыли на службу неграмотными, а остальные научились хорошо грамотѣ и прошли высшую войсковую школу—учебную команду. Двое пришли малограмотными,—одинъ изъ нихъ окончилъ учебную команду. Всѣ остальные, включая и молодого солдата, пришли на службу грамотными.

Никто изъ актеровъ, кромѣ одного, о которомъ сказано было выше, не только никогда не участвовалъ ни въ какомъ спектаклѣ, но до поступленія на службу и не видалъ театра и не имѣлъ о немъ представленія. Только будучи уже на службѣ, нѣкоторые изъ нихъ видали театръ.

По происхожденію—всѣ крестьяне.

И эти актеры такъ заинтересовались спектаклями, что охотно исполняли роли, при чемъ двое изъ нихъ участвовали во всѣхъ трехъ пьесахъ, одинъ въ двухъ, изъ остальныхъ только одинъ отказался играть по нежеланію участвовать, остальные же не повторяли ролей по случайнымъ, отъ нихъ независѣвшимъ обстоятельствамъ. Исполненіе именно малорусскихъ пьесъ такъ ихъ заинтересовало, что всѣ они, кромѣ могилевцевъ, записывались только на малорусскія пьесы, и у насъ, такимъ образомъ, образовались двѣ труппы—одна великорусская, другая малорусская. Къ сожалѣнію, не у всѣхъ малороссовъ сохранилась чистая малорусская рѣчь, и мнѣ частенько приходилось поправлять ихъ говоръ. Порча языка происходитъ еще въ деревнѣ. Солдаты-актеры объяснили мнѣ, что старики въ деревнѣ говорятъ не такъ, какъ они, и что народная малорусская пѣсня частенько уступаетъ мѣсто разудалой солдатской пѣснѣ, часто чуждой и напѣва и смысла.

Участіе двухъ могилевцевъ-бѣлоруссовъ не помѣшало цѣльности впечатлѣнія малорусскихъ пьесъ. Одинъ изъ нихъ исполнялъ солдата, другой-же, участвовавшій во всѣхъ трехъ пьесахъ, игралъ не простонародные типы, а дьячка, бурсака и полупанка. Здѣсь кстати

будетъ упомянуть объ одномъ наблюденіи. Въ минувшемъ году мы участвовали въ составленіи войсковой перечневой переписи. Опрашивая солдатъ, мы обратили вниманіе на то, что бѣлоруссы часто не знаютъ названія своего нарѣчія, и многіе изъ нихъ на вопросъ о родномъ языкѣ, отвѣчали: «малороссійскій».

Указавъ здѣсь на отношеніе исполнителей къ своимъ ролямъ, мы скажемъ нѣсколько словъ о зрителяхъ. Нечего и говорить, что солдаты-малороссы, которые составляли около одной четверти всѣхъ зрителей, были въ полномъ восторгѣ, слыша съ подмостковъ простой сцены, въ казармѣ, свою родную рѣчь; но даже и немалороссы были очень довольны малорусскими пьесами, такъ какъ всякое остроумное выраженіе вызывало неудержимый смѣхъ и веселье и, пожалуй, эти малорусскіе водевили понравились публикѣ больше, чѣмъ пьесы изъ народной великорусской жизни, поставленныя нами одновременно съ малорусскими водевилями.

Заканчивая нашу замѣтку, мы считаемъ нелишнимъ упомянуть, что въ сосѣдней съ нами части на солдатской сценѣ была поставлена, и говорятъ не безъ успѣха, драма Кропивницкаго «Дай серцю волю, заведе въ неволю». Намъ не удалось быть на этомъ представленіи, но ясно, что такую пьесу можно поставить только послѣ достаточной подготовки актеровъ на другихъ болѣе легкихъ вещахъ.

Пожелаемъ-же дальнѣйшаго успѣха развитія малорусскаго театра въ казармѣ, и пусть онъ въ связи съ малорусскими хоровыми пѣснями явится коррективомъ къ нивеллирующему вліянію военной службы.

К. О.

Читатели изъ народа и поэзія Кулиша. Одинъ изъ наблюдателей народной жизни въ *екатеринославской губерніи* сдѣлалъ опытъ раздать читателямъ изъ народа нѣкоторыя малорусскія произведенія покойнаго П. А. Кулиша и затѣмъ записать отзывы ихъ о прочитанномъ. Своихъ читателей этотъ наблюдатель характеризуетъ такимъ образомъ: «Все это люди сельскіе, земледѣльцы, иногда

неграмотные, иногда съ грамотой, которую можетъ дать довольно усидчивое самостоятельное чтеніе послѣ окончанія народной школы. Народъ въ большинствѣ случаевъ молодой (18—25 лѣтъ); но есть и нѣсколько стариковъ. Въ общемъ и грамотные и неграмотные очень любятъ слушать чтеніе, и грамотный всегда предпочтетъ прослушать книжку, чѣмъ прочесть, и читаетъ охотнѣе, прослушавъ уже разъ произведеніе. Это объясняется просто тѣмъ обстоятельствомъ, что при самостоятельномъ чтеніи большинство сельскихъ читателей затрудняется самымъ механизмомъ чтенія, и значительная часть активнаго вниманія такого читателя идетъ именно на преодолѣніе трудностей этого механизма, почему самое содержаніе книги усвояется хуже, чѣмъ при слушаніи сколько-нибудь сноснаго чтенія, когда пониманіе читаемаго облегчаетъ интонація голоса чтеца. Вслѣдствіе той-же причины охотнѣе берутъ читать понравившіяся при слушаніи книги: знакомый уже въ общемъ съ содержаніемъ, сельскій читатель усваиваетъ его въ деталяхъ при самостоятельномъ чтеніи, несмотря на трудности самаго процесса чтенія». Относительно *«Досвитокъ»* (сборникъ думъ и поэмъ, 2-е изданіе 1876 г.) наблюдатель такъ резюмируетъ мнѣнія сельскихъ читателей: «Одной изъ читательницъ очень понравилось «Люли-люли»—грустное стихотвореніе на тему о душевномъ одиночествѣ, но такая вещь, какъ «До Данта» осталась совершенно непонятной уже по тому одному, что ни о Данте, ни о его сочиненіяхъ никто ничего не зналъ. Переводная баллада изъ Мицкевича «Русалка» обыкновенно была неясна для сельскихъ читателей, и совсѣмъ непонятною была баллада изъ Мицкевича-же «Химеры». Зато превосходный перепѣвъ баллады того-же Мицкевича «Powrót taty» («Чумацьки диты») нравился моимъ читателямъ и трогалъ ихъ. Это собственно и не переводъ, а перенесеніе на малорусскую почву сюжета изъ польской литературы, сдѣланное въ высшей степени удачно и согласно съ малорусскимъ народнымъ духомъ,—онъ производилъ поэтому (а также и по своему близкому народному чувству сюжету) всегда большое впечатлѣніе. Прекрасныя маленькія историческія поэмы «Солоныця» и «Кумейки» очень нравились читавшимъ уже кое-что по малорусской исторіи, но «Дунайська дума» не была понятна: она требуетъ для своего пониманія уже большихъ историческихъ знаній. Поэма «Настуся», обладающая многими прекрасными поэтическими мѣстами, возбуждала интересъ читателей, но не удовлетворяла ихъ, потому что казалась имъ неоконченной: ав-

торъ обрываетъ ее на томъ, что герой (Морозенко) пока остается дома, но имѣетъ отправляться на войну. Наибольшею и наилучшею поэмою сборника является «Велыки проводы». Какъ извѣстно, героя этой поэмы «Голку» Кулишъ списалъ съ знаменитаго сподвижника Богдана Хмельницкаго и Выговскаго Юрія Немирича. Этотъ украинскій панъ, широко, по-европейски, образованный, попутешествовавшій по Западной Европѣ, оставилъ по собственному побужденію свою партію и примкнулъ къ народу. Среди малорусской «старшины» того времени онъ выдѣляется не только своей образованностью, но и широтой взглядовъ и гуманностью, исключающими междуплеменную вражду. Таковъ у Кулиша и Голка: онъ оставляетъ казацкаго врага Іеремію Вишневецкаго и присоединяется къ козакамъ, борясь вмѣстѣ съ ними противъ притѣснителей. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ рѣшительный врагъ варварства и дикости, и является защитникомъ польскаго и еврейскаго мирнаго населенія противъ насилій и грабежей своевольнаго «гультяйства».

Онъ мечтаетъ засѣять

Надіи
И думы высоки
У козацькій, у лыцарській
Натури шырокій.

И тогда

Збудуеться церква нова,
Пидъ небо знесеться,
Якъ истыны вичне слово
На ввесь мыръ проллеться;
Якъ забудуть братывъ братта
Мужыками зваты;
Якъ у всихъ насъ на Вкраини
Одна буде маты.

Но именно эти «думы высоки» и не были понятны для той среды, въ которой онъ дѣйствовалъ или—лучше сказать—онѣ были поняты въ совершенно превратномъ смыслѣ, благодаря его запрещенію грабежей и насилій: онъ былъ сочиненъ сторонникомъ польскихъ пановъ. Любовь его къ польской паннѣ, которую онъ спасъ, еще ухудшила дѣло, а онъ былъ убитъ возмутившейся чернью. Растерзанное его тѣло было брошено въ Днѣпръ... Эта поэма читалась съ большимъ интересомъ всѣми, кто читалъ «Досвитки», но нельзя

сказать, чтобы Голка былъ понятъ сельскими читателями. Вотъ отзывъ одной читательницы, когда-то окончившей народную школу, много потомъ читавшей, а теперь уже жены и матери. «Не нравится мнѣ Голка, потому что онъ хоть и былъ въ душѣ сторонникъ козаковъ,—а почему ему не оставаться жить у поляковъ? А то что это за козакъ, если онъ козакъ лишь въ мысляхъ, а на дѣлѣ—полякъ? Хоть онъ и хотѣлъ, чтобы въ Украйнѣ была воля, и запрещалъ козакамъ нападать на костелы и грабить, а ксендзовъ убивать, а какъ разъ эти ксендзы были лютые враги,—зачѣмъ-же ему жалѣть ихъ? Я думаю, что Хмельницкій справедливо сдѣлалъ, велѣвъ его убить. Зачѣмъ ему отпускать тайно Рарожинскую, если она желала Украинѣ зла, а онъ о томъ зналъ, что она врагъ родинѣ, а помогъ ей убѣжать. Можетъ быть, что когда-нибудь онъ и сдѣлался бы хорошимъ козакомъ, только зачѣмъ-же ему быть склоннымъ къ полякамъ, которые, какъ попадетъ къ нимъ козакъ, то такъ его жестоко мучатъ: если не безъ ногъ, то безъ рукъ оставятъ, а ужъ сдѣлаютъ калѣкою. Хоть онъ и полюбилъ эту Рарожинскую, а все таки долженъ былъ помнить, что она полька и хотѣла зла Украинѣ. Книжку не совсѣмъ понимаю: кто его мать и какъ это, что онъ казачьяго рода, а жилъ у поляковъ». Въ этомъ отзывѣ такъ и слышится голосъ тѣхъ «гайдабуръ», которымъ Голка запрещалъ грабить костелы и убивать мирныхъ жителей. Это тѣмъ болѣе удивительно, что писавшая его—женщина. Читала она—для крестьянки—много, но безсмысленно, конечно, болѣе плохого, чѣмъ хорошаго и, какъ видно, большого развитія изъ чтенія не вынесла. Гораздо мягче отзывъ парубка, тоже учившагося прежде въ школѣ: «хорошій былъ человѣкъ Голка за то, что онъ отказался отъ поляковъ и рѣшился своихъ братьевъ оборонять. Онъ хотѣлъ своему народу добра. Одно плохо сдѣлалъ Голка, что промѣнялъ на черныя брови, да на карія очи всю Украину. Книга эта очень хорошая, потому что она разсказываетъ, какъ мы когда-то жили». Еще больше понравился Голка товарищу этого парубка по школѣ, вмѣстѣ съ нимъ учившемуся. Онъ тоже не совсѣмъ одобрилъ Голку за любовь къ полькѣ, но понялъ его гуманныя стремленія. Онъ находилъ, что Голка и Украину любилъ, и правду—потому такъ и дѣйствовалъ, а любовь къ полькѣ вещь простительная; измѣны-же онъ здѣсь не видѣлъ. Этотъ парубокъ пріобрѣлъ себѣ, ради поэмы «Велыки проводы», «Досвитки» и очень дорожилъ ими.

Послѣ разбора «Досвитокъ», сельскіе читатели высказывались екатеринославскому наблюдателю еще относительно романа Кулиша «Черная рада».—«Во всей этой сутолокѣ лицъ и сталкивающихся интересовъ, изображаемыхъ въ романѣ, мои сельскіе читатели хотя и разбирались съ трудомъ, но приходили не всегда къ одинаковымъ выводамъ. Въ мнѣніи о Брюховецкомъ всѣ сошлись: «Брюховецкій Иванець былъ погань: онъ изъ сѣчевыхъ козаковъ сдѣлалъ хищныхъ волковъ, они грабили лавки, обирали богатыхъ мѣщанъ и мужиковъ, такихъ-же крещеныхъ, какъ и сами»—пишетъ крестьянка І. К. «Брюховецкій—пагубникъ людскихъ душъ»,—характеризуетъ его другая крестьянка М. П. «Хитрый Брюховецкій для того и сдѣлался гетманомъ, чтобы дѣлать что угодно съ мужиками и запорожцами»—говорилъ о немъ въ своемъ отзывѣ о книгѣ крестьянинъ П. К. Еще большую непріязнь вызвалъ своею личностью сторонникъ Брюховецкаго—Гвинтовка. «Гвинтовка силился показать себя вельможнымъ паномъ. Онъ мнѣ очень не нравился за то, что такъ издѣвается надъ своею женою, да еще и при людяхъ; хоть она и полька, а все-таки ее жаль; онъ могъ-бы склонить ее къ козацкимъ обычаямъ, а то изо-всего видно, что онъ только издѣвался надъ ней» (У. К.) «Гинтовка отвратителенъ за свой звѣрскій характеръ «бузувирськый», онъ заслуживаетъ собачьей чести; больше всего я на него зла за его жену, да за его ко всѣмъ лицемѣріе. Скверный, гнусный «злодіяка». (М. П.)- Такъ возмущаются противъ Гвинтовки женщины за его деспотизмъ и издѣвательство надъ женой; мужчина не обращаетъ на это никакого вниманія и говоритъ лишь: «Гвинтовка поганый потому, что вмѣстѣ воюютъ, а добычу лишь козаки берутъ,—больше всего отъ этого и поссорились, и плохо вышло». Противникъ Брюховецкаго, Сомко, котораго авторъ надѣлилъ всевозможными добродѣтелями, не произвелъ особаго впечатлѣнія на сельскихъ читателей. Сомко—козакъ хорошій, и умный, и правдивый, не ошибался нигдѣ словомъ»—говоритъ о немъ М. П.; У. К. выражается неопредѣленнѣе: «Сомко тоже, кажется, былъ хорошій человѣкъ, только ему не удавалось». Крестьянину онъ не совсѣмъ понравился: «Сомко былъ хорошій человѣкъ, да панъ былъ». И рядомъ съ этимъ горячія похвалы по адресу Кирилла Тура, которому авторъ не совсѣмъ симпатизируетъ. «К. Туръ мнѣ очень нравится, онъ мнѣ лучше всѣхъ, описанныхъ въ этой книгѣ; онъ мнѣ понравился всѣми своими поступками; очень уважаетъ свои обычаи, говоритъ всегда правду и

тоже не желалъ людямъ худого; а что онъ Лесю укралъ, то въ этомъ онъ не виноватъ: сердце его заставило, и онъ бился за нее, какъ честный и добрый козакъ; онъ дѣлалъ все по совѣсти и какъ долгъ велитъ». Въ такомъ родѣ и другіе отзывы, но интересно, что почему-то никто не отмѣчаетъ его великодушія, выразившагося въ желаніи замѣнить присужденнаго къ смерти Сомка самимъ собою. Что касается стараго Шрама—лица, если не ошибаемся, наиболѣе симпатичнаго автору, то и здѣсь, какъ и относительно Сомка, отзывы различны: «Шрамъ очень хорошій человѣкъ»—(У. К.). «Шрамъ очень хорошій человѣкъ, любилъ очень Украину и желалъ всѣмъ добра, какъ добрый отецъ дѣтямъ, даже больше». (М. П.). За то крестьянину Шрамъ совсѣмъ не понравился: «Шрамъ былъ плохой человѣкъ, только и хвалилъ свое козачество, а то всѣ глупцы». Интересно, что во всѣхъ этихъ отрывкахъ лица характеризуются больше со стороны ихъ личной нравственности и личной симпатичности, а мотивъ политическій и общественный почти отсутствуетъ. Это обстоятельство даетъ возможность упомянутымъ сельскимъ читателямъ хвалить не только Сомка, Кирилла Тура и Шрама, но и Череваня съ Череванихою.

Гораздо больше общественнаго элемента въ отзывахъ читателей тамъ, гдѣ они говорятъ о порядкахъ той эпохи вообще. Въ общемъ отзывы эти не благопріятны. «Плохіе были тогда порядки, такъ какъ не было никакого ладу: всякъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ, и многимъ хотѣлось быть старшими; это еще бы ничего, да было много такихъ, которые привыкли въ прежніе годы войны наживаться чужимъ добромъ,—имъ не хотѣлось добывать трудомъ кусокъ хлѣба, они то и мутили между народомъ, находя, что имъ прежде лучше жилося. И потому еще плохо, что въ этихъ порядкахъ не было никакой крѣпости: кто хотѣлъ, тотъ и былъ гетманомъ, и начальствовалъ, и никого не боялся». Другой читатель относится снисходительнѣе къ порядкамъ той эпохи: «Порядки были тогда, мнѣ кажется, хорошіе. Хорошіе потому, что тогда хоть какой «значный» козакъ, но онъ не презиралъ и самаго послѣдняго человѣка. Какъ теперь у насъ есть паны, такъ и тогда были; но тогда хоть и были паны козаки, однако, на нихъ смотрѣли не какъ на пановъ, а какъ на богатыхъ людей, которые могутъ помогать болѣе бѣднымъ, и эти богатые не презирали никого». Книга вообще понравилась: «Книга очень хорошая и интересная очень, хорошее въ ней описано и ко-

нецъ хорошій, только трудновато разбирать о тѣхъ несогласіяхъ, которыя въ ней описаны». Въ такомъ родѣ и другіе отзывы.

«Изъ другихъ произведеній Кулиша», продолжалъ екатеринославскій наблюдатель,—«изящная, граціозная идиллія «Орыся», написанная въ подражаніе шестой пѣсни «Одиссеи», читается крестьянами съ удовольствіемъ; но они мало понимаютъ «Дивоче серце». Причина этого та, что тѣ стороны жизни интеллигенціи, которыя затронуты здѣсь авторомъ, требовали-бы для сельскаго читателя болѣе подробной обрисовки, а безъ этого многое въ книжкѣ является совершенно непонятнымъ.

Совсѣмъ оказался непонятнымъ разсказъ «Про злодія у сели Гакивныци» (изъ серіи «Лысты съ хутора»). Этотъ разсказъ былъ прочитанъ однимъ лицомъ въ собраніи взрослыхъ крестьянъ — мужчинъ и женщинъ. Слушатели сперва смѣялись надъ разсказомъ вора, да слегка побранивали его за воровство. Когда же они узнали, что воръ разбогатѣлъ, что ему удалось, то, къ крайнему изумленію читавшей,—послышались такіе разговоры:

— Смотри-ка, и не ловятъ его!

— Потому что онъ молился Богу, когда шелъ красть.

Семьѣ вора, противодѣйствовавшей ему, повидимому, не сочувствовали. Когда воръ поймался возлѣ церкви, слушатели говорили:

— Видите: не помолился Богу и поймался!

— Видите,—даже и на иконы въ церкви не смотрѣлъ, — поэтому Богъ ему и не далъ удачи.

Подобный-же взглядъ на этотъ вопросъ встрѣтили мы и у одного мальчика, маленькаго (лѣтъ 10), но умнаго. Вотъ что онъ сказалъ, прочитавъ книжку:

— Сперва ему удавалось: пойдетъ, украдетъ — и не поймаютъ; а какъ пошелъ церковь обкрадывать, *но не захотѣлъ молиться Богу, говоря: я теперь уже и самъ*—то и поймался.

— Да развѣ-же Богъ помогалъ ему красть?

— Кто его знаетъ»...

Авторъ приведенныхъ замѣтокъ о впечатлѣніи произведеній Кулиша на читателей изъ народа говоритъ, что всѣ отрывки написаны были читавшими по-малорусски, а имъ переведены на литературный языкъ, и проситъ, чтобы приведенныя наблюденія были провѣрены кѣмъ-либо инымъ на практикѣ, т. е. путемъ чтеній произ-

веденій Кулиша въ различныхъ мѣстностяхъ Малороссіи. (Извлечено изъ газеты «Волынь» 1898 г. №№ 25 и 25).

„Зміевый валъ" въ черниговской губ. (Историческая замѣтка). Въ недавно вышедшей монографіи г. Ляскоронскаго — «Исторія Переяславской земли», въ которой подробно перечисляются всѣ древнія укрѣпленія Переяславскаго княжества, въ томъ числѣ и городища южной части черниговской губерніи, территорія которой входила въ составъ упомянутаго княжества, ничего не сказано о существованіи, въ предѣлахъ козелецкаго уѣзда, древняго вала, извѣстнаго въ народѣ подъ названіемъ «зміеваго вала» или «змѣинаго рва». Изъ этого я заключаю, что упомянутый остатокъ древности неизвѣстенъ историкамъ, и потому сообщаю о немъ все, что мнѣ извѣстно.

Та часть вала, которая мною изслѣдована, проходитъ черезъ лѣсную дачу м. Кобыжчи, козелецкаго уѣзда, идя параллельно теченію р. Остра, но южнѣе его верстъ на 5—6, при чемъ валъ насыпанъ къ сторонѣ рѣки, а открытая сторона рва обращена къ степной части уѣзда. Валъ, изслѣдованный мной на протяженіи одной версты, представляетъ насыпь вышиною отъ 1 до $1^1/_2$ аршина и ровъ, шириною отъ 2-хъ до 3-хъ саж., а глубиною не болѣе аршина. Какъ валъ такъ и ровъ покрыты густымъ лѣсомъ, ростущимъ тамъ съ незапамятнаго времени. Мѣстные крестьяне, хорошо знающіе мѣстность, утверждаютъ, что валъ этотъ, начинаясь въ остерскомъ уѣздѣ, проходитъ черезъ весь козелецкій уѣздъ и теряется въ предѣлахъ нѣжинскаго; и при томъ, во многихъ мѣстахъ, валъ будто-бы сохранился гораздо лучше, чѣмъ въ кобыжчской дачѣ.

При разспросахъ крестьянъ, какъ они объясняютъ себѣ происхожденіе рва—послѣдніе разсказали легенду, совершенно сходную съ тѣми, которыя разсказываются народомъ о «змѣиныхъ рвахъ» въ полтавской и кіевской губерніяхъ. Именно: въ пещерѣ поселился змѣй, чудовище, пожиравшее людей, и никто не могъ одолѣть его; только свв. Кузьма и Демьянъ, по ходатайству гибнувшаго населенія, при помощи особыхъ молитвъ, запрягли змѣя въ изготовленный спеціально

для него тяжелый желѣзный плугъ,—и змѣй, въ ярости, началъ проводить плугомъ глубокую борозду, которая тянется до самаго Чернаго моря; но и море не остановило-бы его, если бы сильная жара не заставила змія выпить воды столько, что онъ лопнулъ.

Чтобы выяснить значеніе и происхожденіе этого вала, тянущагося, слѣдовательно, 100 или 150 верстъ, нужно обратиться къ лѣтописи. Въ лѣтописи же говорится, что Владиміръ св. вскорѣ послѣ крещенія (988 г.), видя, что около Кіева мало городовъ, и находя, что это «не добро есть»,—«нача ставити городы по Деснѣ и по Устри и Трубешеви, по Сулѣ, и по Стугнѣ» [1]). Это мѣсто лѣтописи большинствомъ ученыхъ объясняется такъ, что Владиміръ возводитъ новыя укрѣпленія, расширяетъ восточную часть своего княжества отъ вторженія разныхъ враждебныхъ народовъ, а въ особенности степныхъ кочевниковъ. Но однѣхъ крѣпостей было недостаточно для сдерживанія набѣговъ,—и Владиміръ св., по свидѣтельству Брунона, оградилъ свое княжество валомъ и рвомъ для отраженія кочевниковъ [2]). Такихъ валовъ и другихъ укрѣпленій было нѣсколько линій, подвигавшихся все къ югу по мѣрѣ расширенія государства. Самой южной линіей укрѣпленій были защитныя сооруженія по р. Сулѣ; но между этой рѣкой и рѣкой Остромъ было еще нѣсколько линій защитныхъ валовъ, проходившихъ иногда параллельно одинъ другому. Такъ, вблизи г. Переяславля (полт. губ.), со стороны степей, проходятъ два земляныхъ вала, значительныхъ по высотѣ и протяженію [3]). Объ этихъ валахъ есть упоминаніе и въ лѣтописи: «і приде Ітларь (1095 г.) у городъ Переяславль, а Китанъ—ста *межи валома* с вои» [4]); затѣмъ, подъ 1149 г. говорится о Юріи Долгорукомъ: поиде отъ Стряквы мимо городъ, по зори, исполцився, и ста *межи валома*» [5]).

Не касаясь затѣмъ вопроса объ укрѣпленіяхъ по р. Удаю и въ другихъ мѣстахъ, такъ какъ это слишкомъ бы расширило нашу замѣтку, перейдемъ къ разсмотрѣнію раіона по теченію р. Остра. Значеніе Остра, какъ пограничной рѣки, извѣстно въ отдаленной древности, извѣстно также значительное число селеній по его бере-

---

[1]) Ипат. лѣт., стр. 83.

[2]) В. Б Антоновичъ. Зміевы валы въ предѣлахъ Кіев. земли, Кіев. Стар. 1884.

[3]) Лясксронскій. Исторія Переясл. земли, стр. 159 и 162.

[4]) Ипат. лѣт., стр. 158.

[5]) Ипат. лѣт., стр. 265.

гамъ уже въ X вѣкѣ. Такимъ образомъ, Владиміръ св., построивъ по теченію Остра города-крѣпости, не только защитилъ окрестныя села и города, но и преградилъ доступъ врагамъ къ Кіеву и Чернигову, и сдѣлалъ безопаснымъ плаваніе по рѣкѣ Деснѣ. Принять мнѣніе г. Ляскоронскаго о томъ, что не было надобности *усиленно* защищать этотъ отдѣлъ княжества, такъ какъ «на протяженіи *всего* теченія р. Остра, *по обѣимъ сторонамъ* послѣдняго, находились въ древнее время обширные лѣса и болота» [1], —можно только относительно. Дѣло въ томъ, что лѣвый (обращенный къ степи) берегъ р. Остра во многихъ мѣстахъ возвышенъ, глинистъ, и переходитъ въ постепенно повышающуюся къ югу равнину, сливающуюся со степями у верховьевъ р. Супоя. Для примѣра достаточно указать лѣвый берегъ Остра возлѣ г. Козельца. Да и самъ цитированный выше авторъ, нѣсколькими строками ниже на приведенной страницѣ, признаетъ нѣсколько особо опасныхъ мѣстъ, гдѣ и были выстроены крѣпости— гг. Остеръ и Нѣжинъ. Можно думать, что это существованіе легкихъ подступовъ къ городамъ по р. Остру и заставило Владиміра св. насыпать этотъ защитный валъ, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, протянувъ его по всей линіи остерскихъ городовъ. Что такое мнѣніе имѣетъ извѣстныя основанія, это, мнѣ кажется, подтверждается тѣмъ, что существуетъ третья параллельная защитительная линія, въ видѣ отдѣльныхъ городищъ, находящихся въ Заворичахъ, Бобровицѣ, Носовкѣ и Дорогинкѣ. Такому обилію защитныхъ сооруженій нельзя удивиться, если вспомнить, что Бобровицкое городище лежитъ верстахъ въ 6-ти отъ истоковъ р. Супоя, а лѣтопись свидѣтельствуетъ, что на верховьяхъ и вообще по теченію р. Супоя постоянно происходили встрѣчи и битвы съ половцами. Если объ этомъ валѣ не встрѣчается указаній въ лѣтописи, то причина кроется въ томъ, что, вслѣдствіе быстраго расширенія границъ государства, онъ скоро утратилъ свое стратегическое значеніе.

Сопоставляя все сказанное, можно прійти къ тому выводу, что, во 1-хъ, ровъ и валъ, идущіе параллельно теченію р. Остра, имѣли оборонительное значеніе, что, во 2-хъ, сооруженіе этого вала должно быть отмѣчено, съ большой вѣроятностью, ко времени Владиміра Св., и что, въ 3-хъ, защитный валъ этотъ долженъ быть признанъ самымъ сѣвернымъ, изъ сооруженій подобнаго рода, на территоріи Сѣверской земли.

---

[1]) Ляскоронскій. Истор. Переясл. зем., стр. 73. Курсивъ въ выдержкѣ нашъ

Въ заключеніе нужно пожелать, чтобы этотъ исчезающій памятникъ сѣдой старины былъ изученъ и изслѣдованъ лучше, чѣмъ это удалось мнѣ.

А. Бѣлецкій-Носенко.

Январь, 1898 г.

Къ вопросу о собираніи этнографическихъ матеріаловъ.

Въ очередномъ черниговскомъ губернскомъ земскомъ собраніи послѣдней сессіи 1898 года былъ, между прочимъ, сдѣланъ очень интересный докладъ губернской земской управы *о сохраненіи памятниковъ народнаго творчества*. Докладъ этотъ, затрогивая вопросъ о сохраненіи памятниковъ народной старины вообще, разъясняетъ въ частности значеніе произведеній народнаго творчества, какъ неизсякаемаго источника, изъ котораго вдохновеніе поэта, музыканта и художника черпаетъ образы и краски. «Среди нивеллировки, производимой существующими жизненными условіями,—говорится въ докладѣ,—свѣжая струя, вносимая остатками древняго народно-художественнаго творчества, нерѣдко спасаетъ искусство отъ безцвѣтности настоящаго». Обращаясь, далѣе, къ судьбамъ Малороссіи, докладъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что здѣсь выработался и самобытный типъ народной пѣсни, и своя мелодія, имѣющая своеобразныя достоинства,—и при всемъ томъ въ настоящее время всѣ эти дорогія качества малорусской пѣсни начинаютъ уступать мѣсто новымъ теченіямъ, подъ вліяніемъ фабричной и солдатской жизни. Ввиду сказаннаго, нельзя допустить мысли о возможности нерадѣнія въ этомъ случаѣ со стороны учрежденій, самою жизнію призванныхъ стоять на стражѣ народныхъ богатствъ разнаго вида. Такое нерадѣніе докладъ называетъ *художественнымъ вандализмомъ*, потопленіемъ корабля съ произведеніями античнаго искусства. Хотя въ Черниговѣ существуетъ Ученая Архивная Коммиссія, въ программу дѣятельности которой входитъ и указанная задача, но во 1-хъ, на одномъ и томъ-же полѣ два работника сдѣлаютъ болѣе, нежели одинъ, а во 2-хъ, Архивная Коммиссія посвящаетъ свою дѣятельность преимущественно кабинетной разработкѣ документовъ, а задачи сохраненія памятниковъ народнаго творчества требуютъ непосредственнаго соприкосновенія съ народной жизнью.

Въ заключеніе докладъ управы предполагаетъ: 1) войти въ сношеніе съ мѣстными знатоками и любителями народнаго быта о доставленіи различнаго рода памятниковъ народнаго творчества; 2) ассигновать 500 руб. въ годъ спеціально для этой цѣли; 3) ходатайствовать предъ правительствомъ о разрѣшеніи публичнаго исполненія малороссійскихъ театральныхъ піесъ и пѣсенъ на общихъ основаніяхъ съ русскими піесами и пѣснями. Къ сожалѣнію, докладъ этотъ въ собраніи былъ отложенъ обсужденіемъ въ подробностяхъ до сессіи будущаго года, а между тѣмъ онъ затрогиваетъ одну изъ живыхъ страницъ въ жизни народа, требующихъ союзныхъ усилій въ работѣ какъ ученыхъ обществъ, такъ и разныхъ учрежденій, близко соприкасающихся съ народнымъ бытомъ. Въ этомъ случаѣ земскіе органы, конечно, не должны быть разсматриваемы узко въ ихъ дѣятельности и задачахъ: вѣдь на земствѣ лежитъ обязанность блюсти не только матеріальные, но и духовные интересы массъ, а что можетъ быть въ культурномъ отношеніи выше и дороже сохраненія въ народѣ тѣхъ самобытныхъ, національныхъ устоевъ, которые, съ одной стороны, не противорѣчатъ общимъ принципамъ человѣчества, а съ другой—будучи поддержаны въ народѣ, охранятъ его отъ псевдо-культуры, такъ рѣзко обозначающейся въ послѣднее время въ жизни нашего села? Не напрасно, вѣдь, обращено на этотъ вопросъ о народной пѣснѣ вниманіе нашего правительства, которое, вслѣдствіе всеподданнѣйшей записки предсѣдателя пѣсенной комиссіи, государственнаго контролера Т. И. Филиппова, поставило дѣло собиранія и изданія пѣсенныхъ русскихъ мотивовъ на широкую дорогу, обезпеченную уже тѣмъ однимъ, что поѣздки для собранія пѣсенъ и изданія ихъ производятся на средства, опредѣленныя Высочайшею волею.

Описаніе Днѣпра. Инспекторъ судоходства по р. Днѣпру инженеръ Н. И. Максимовичъ предпринимаетъ въ ближайшемъ будущемъ изданіе составленнаго имъ весьма цѣннаго труда, имѣющаго своимъ содержаніемъ описаніе Днѣпра въ судоходномъ, гидротехническомъ и экономическомъ отношеніяхъ. Матеріалы для этого труда собирались инженеромъ г. Максимовичемъ въ теченіе десятка лѣтъ,

почему изданіе обѣщаетъ выйти весьма полнымъ и обстоятельнымъ. Оно составитъ одинъ томъ большого формата in folio. Кромѣ подробнаго гидрографическато обзора Днѣпра и экономическаго очерка Днѣпровскаго бассейна, изданіе это будетъ заключать въ себѣ цѣлый рядъ картъ, таблицъ, графиковъ и діаграммъ, наглядно объясняющихъ движеніе судоходства по Днѣпру, показывающихъ характеръ судового хода и промѣры глубинъ въ различныхъ участкахъ рѣки, состояніе горизонта водъ въ рѣкѣ въ разныя времена года и т. д. Помимо этого, къ изданію будетъ приложена большая серія иллюстрацій, изображающихъ виды наиболѣе важныхъ пристаней Днѣпра, интереснѣйшихъ прибрежныхъ мѣстностей и крупнѣйшихъ рѣчныхъ сооруженій и работъ, а также типы плавающихъ по р. Днѣпру паровыхъ и непаровыхъ судовъ. Послѣ выхода въ свѣтъ этого капитальнаго и широко задуманнаго труда, предполагается сдѣлать изъ него краткое извлеченіе и издать въ видѣ справочной книги—путеводитель по Днѣпру, въ которомъ давно уже ощущается сильная потребность. Принимая во вниманіе, что гидрографія рѣкъ, развившаяся, напр., въ Германіи въ цѣлую литературу, равно какъ и экономическое изслѣдованіе рѣчного судоходства по отдѣльнымъ бассейнамъ, имѣющее важное значеніе при рѣшеніи многихъ краевыхъ вопросовъ, представляетъ пока у насъ совершенно почти непочатую область,—нельзя не признать изданіе инж. г. Максимовича вполнѣ своевременнымъ и желательнымъ. (Приднѣпровскій Край 1898 г., № 32). Къ этому можемъ добавить что рѣка Днѣпръ уже имѣетъ нѣкоторую литературу. Можемъ указать, напр., на монографію Н. Мосаковскаго, первая часть которой напечатана въ 1884 г. (Спб. 8 д. l., 112 стр.). вторая («Рѣка Днѣпръ и ея пороги») въ журналѣ «Инженеръ» 1886 г., №№ 5 и 9. Рядъ статей о Днѣпровскихъ порогахъ въ экономическомъ отношеніи напечатанъ въ Журн. Мин. Пут. Сообщ. за 1873—75 гг. Прекрасная карта теченія всего Днѣпра издана была лѣтъ 10—20 назадъ Мин. Путей Сообщенія.

Предполагаемый памятникъ Въ 1894-мъ году общество станицы Таманской, Темрюкскаго отдѣла, Кубанской области, обратились по начальству съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему сбора добро-

вольныхъ пожертвованій на сооруженіе памятника на томъ мѣстѣ, гдѣ въ 1792 году впервые высадились запорожскіе козаки, образовавшіе бывшее Черноморское, нынѣ Кубанское козачье войско. Военнымъ министерствомъ подписка разрѣшена, а затѣмъ военный министръ повергалъ это дѣло на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе, и на всеподданнѣйшемъ докладѣ по этому предмету имѣется резолюція военнаго министра: «Высочайше одобрено». Въ настоящее время установленъ порядокъ производства подписки и пожертвованій, но остается еще выработать проектъ памятника, а по немъ уже исчислить приблизительную смѣту потребныхъ расходовъ на сооруженіе памятника. По этому поводу начальникъ Кубанской области, желая придать проектируемому памятнику идею, симпатичную Кубанскимъ козакамъ и наиболѣе соотвѣтствующую историческому событію въ жизни Черноморскаго козачества, обратился къ нѣкоторымъ изъ должностныхъ лицъ, художникамъ и пр. съ циркулярнымъ письмомъ, въ которомъ проситъ сообщить: какую слѣдовало бы вложить идею въ имѣющій быть сооруженнымъ памятникъ; къ письму приложена для свѣдѣнія особая печатная брошюрка: «историческая прсавка объ обстоятельствахъ образованія Черноморскаго, нынѣ Кубанскаго козачьяго войска.

Преміи Харьковскаго земельнаго банка. Комитетъ по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ земельнымъ банкомъ при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императроа Александра II, объявляетъ, что на основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го мая 1894 года положенія, назначеніе названныхъ премій имѣетъ цѣлію содѣйствовать изученію экономическаго состоянія части Россіи въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и области войска Донского, а также и другихъ сторонъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности. Преміи—одна въ 1000 рублей и двѣ по 500 рублей—присуждаются одинъ разъ въ три года. Очередное присужденіе этихъ премій состоится въ началѣ февраля 1901 г., въ виду этого сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ Комитетъ не позже 19-го февраля 1900 года.

Сочиненія, представляемыя на конкурсъ, могутъ быть печатанныя и писанныя. Первыя должны присылаться въ пяти экземплярахъ, а вторыя въ двухъ экземплярахъ. Кромѣ того, на конкурсъ допускаются только сочиненія, прежде нигдѣ непремированныя и вышедшія въ свѣтъ не раньше 1897 года (§ 11 положенія о преміяхъ).

Авторы, желающіе представить свои сочиненія для соисканія премій, благоволятъ присылать ихъ по адресу: *г. Харьковъ, университетъ, въ Комитетъ по присужденію премій въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.*

Подробныя условія, которымъ должны отвѣчать премируемыя сочиненія, см. въ подлинномъ положеніи о преміяхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, экземпляры котораго по требованію заинтересованныхъ лицъ высылаются немедленно предсѣдателемъ Комитета.

Общество любителей изученія Кубанской области. Въ гор. Екатеринодарѣ на дняхъ начало дѣйствовать «Общество любителей изученія Кубанской области». По уставу этого общества, утвержденному 16 октября 1897 года, оно имѣетъ цѣлью: изученіе, изслѣдованіе и описаніе Кубанской области въ научномъ отношеніи. Для достиженія этой цѣли Обществу предоставлено право устраивать засѣданія, открытыя и закрытыя, снаряжать экспедиціи, командировать членовъ, входить въ сношенія съ учрежденіями, обществами и лицами, отъ которыхъ оно можетъ ожидать содѣйствія, назначать вознагражденія за особенно выдающіеся труды и за разрѣшеніе научныхъ задачъ, содѣйствующихъ цѣлямъ общества; печатать свои труды. 1-го прошлаго февраля состоялось первое торжественное собраніе этого общества. Объ этомъ собраніи въ мѣстныхъ «Кубанскихъ Областныхъ Вѣдомостяхъ» (№ 27) читаемъ слѣдующее:

1-го февраля, въ $12^1/_2$ час. дня, въ зданіи женской гимназіи, состоялось первое торжественное собраніе общества любителей изученія кубанской области. Собраніе было открытое для посторонней публики (не членовъ общества), въ которое пришло очень много изъ среды мѣстной интеллигенціи. Въ числѣ присутствовавшихъ были: почетный предсѣдатель общества—начальникъ области и наказной атаманъ генералъ-лейтенантъ Я. Д. Малама, а также и многія другія лица, занимающія высшіе посты въ области. Торжество началось

служеніемъ молебствія, совершеннаго соборнымъ протоіереемъ, о. Воскресенскимъ. Затѣмъ, предсѣдатель общества, г. Сысоевъ, прочелъ предъ собраніемъ исторію зарожденія и возникновенія общества и, перейдя къ вопросу о задачахъ, предстоящихъ обществу, указалъ на то, что Кубанская область представляетъ собою положительно неисчерпаемое поприще для изученія со стороны представителей самыхъ разнообразныхъ отраслей знанія.

Въ слѣдующихъ затѣмъ рефератахъ товарищъ секретаря общества А. И. Дьячковъ-Тарасовъ указалъ на тотъ интересъ, какой представляетъ Кубанская область для этнографа, какъ магистраль движенія народовъ изъ Азіи въ Европу, оставившихъ слѣды по пути движенія, и на неотложность изученія жизни горныхъ племенъ, а дѣйствительный членъ общества И. И. Дмитренко сообщилъ о поселеніи на Кубани некрасовцевъ, борьбѣ съ ними правительства и объ удаленіи ихъ въ Анатолію.

Всѣ рефераты были выслушаны присутствующими съ большимъ интересомъ и вызывали дружные аплодисменты.

Въ заключеніе предсѣдатель общества, В. М. Сысоевъ, въ короткой рѣчи просилъ собравшихся содѣйствовать развитію общества, а почетный президентъ общества, Я. Д. Малама, выразилъ желаніе, чтобы общество развивалось на пользу Государю Императору и отечеству.

Изъ тѣхъ-же «Куб. Вѣд.» узнаемъ, что 11 февраля состоялось открытое засѣданіе общества любителей изученія Кубанской области, въ которомъ были предложены слѣдующіе доклады: 1) П. П. Короленко: «о первоначальномъ заселеніи Кубанской земли черноморскими козаками», 2) В. М Сысоева: «о древностяхъ терской области и ихъ связи съ Кубанскими древностями» и нѣсколько отрывковъ «изъ исторіи Тмутороканскаго княжества».

Желаемъ новому обществу полнаго процвѣтанія въ предстоящей ему широкой дѣятельности.

Подписка на памятникъ И. П. Котляревскому въ Полтавѣ. Въ теченіе января и февраля мѣсяцевъ въ редакцію вновь поступили слѣдующія пожертвованія: 1) отъ К. В. Жученка—20 руб.; Д. А. Ткаченка—2 р.; 3) Н. И. Ткаченка—1 р.; 4) М. А. Ткаченка—1 р.: 5) NN—изъ ложи театра—1 р.; 6) И. Е. Гребенюка—50 коп.; 7) Г. Ф. Овсянко—50 к.; а всего 26 р., что вмѣстѣ съ прежними 835 руб. 77 коп. (см. 1897 г., № 12) составитъ *861 р. 77 к.*, которые и отправлены въ Полтаву.

Поправка. Въ февральской книжкѣ «Кіевской Старины» въ отдѣлѣ «Библіографіи» вкрались слѣдующія опечатки:

Стр.	Строка:	Напечатано:	Должно быть:
58	8 сверху	Очеркъ Кіева	Очеркъ исторіи Кіева
59	7 снизу	экономическое	эпонимическое
60	8 сверху	но также несомнѣнно	также несомнѣнно
—	10 »	Возвышеніе	Но возвышеніе
—	18 »	остальныхъ	отдѣльныхъ
—	3 снизу	Постанова	Но статья
63	4 сверху	Галшки	Галшка

БИБЛІОГРАФІЯ.

Д-ръ Любор Нидерле. Человѣчество въ доисторическія времена. *Переводъ съ чешскаго Ѳ. К. Волкова, подъ редакціею Д. Н. Анучина. С.-Петербургъ, 1898 г.*

Трудъ г. Нидерле представляетъ выдающееся сочиненіе въ европейской археологической литературѣ. Это самый полный сводъ свѣдѣній, добытыхъ нынѣ наукою о доисторическомъ періодѣ существованія человѣчества. И по полнотѣ, и по времени выхода онъ далеко превосходитъ всѣ своды археологическихъ данныхъ, существовавшіе до того времени. Сочиненіе г. Нидерле не ограничивается изслѣдованіемъ одной лишь или нѣсколькихъ странъ Западной Европы, подобно трудамъ Эванса, Ворсо, Монтеліуса, Сакена и т. д., или описаніемъ одного лишь періода или одного рода памятниковъ, подобно Мортилле, Шантру, Фергюсону, гр. Уварову и т. д., но старается сгруппировать данныя, добытыя наукою во всѣ періоды доисторическаго времени и на пространствѣ всей Европы и значительной доли другихъ частей свѣта (Сибирь, Кавказъ, Индія, Египетъ и т. д. Даже въ сравненіи съ другими лучшими археологическими сборниками, захватывавшими всеобщую археологію и всѣ ея періоды, какъ сочиненія Лебокка, Бэра, Надальяка, книга г. Нидерле отличается гораздо большею полнотою и всесторонностью, какъ потому, что въ нее включены новѣйшія открытія и изслѣдованія, появившіяся уже послѣ выхода въ свѣтъ названныхъ сочиненій, такъ и потому, что первый разъ въ сводѣ археологическихъ свѣдѣній обращено должное вниманіе на древности славянскія и русскія, о которыхъ обыкновенно за-

падные ученые упоминали бѣгло и отрывочно, иногда и съ явнымъ непониманіемъ памятниковъ славянскихъ земель и ошибочною ихъ классификаціею (вспомнимъ, напримѣръ, что Надальякъ относитъ курганы къ разряду мегалитическихъ памятниковъ).

Русское изданіе книги г. Нидерле не представляетъ перевода въ тѣсномъ смыслѣ слова—ее скорѣе можно-бы назвать вторымъ, дополненнымъ изданіемъ. Дополненія эти составлены частью самымъ авторомъ, который доставилъ для русскаго перевода приложенія, касающіяся всего того, что было добыто наукою за послѣднія пять лѣтъ, т. е. послѣ выхода чешскаго изданія (Прага 1893), и въ гораздо большей степени, особенно по отношенію русской археологіи, переводчикомъ и редакторомъ, обогатившими книгу весьма цѣнными примѣчаніями, замѣтками и разъясненіями.

Къ выдающимся достоинствамъ книги слѣдуетъ отнести сдержанность, объективность и осторожность выводовъ, которые всегда основаны на всесторонней критической оцѣнкѣ фактовъ съ полнымъ воздержаніемъ отъ фантазіи и предвзятыхъ апріорныхъ положеній, таковы, напримѣръ, прекрасныя главы, посвященныя вопросамъ: о происхожденіи человѣка, о существованіи его въ третичной эпохѣ, о первобытныхъ рассахъ, населявшихъ Европу. Такимъ-же характеромъ объективизма и сдержанности отличаются прекрасные очерки, рисующіе характеръ человѣческой культуры въ разные періоды доисторическаго времени.—При размотрѣніи русскихъ древностей, г. Нидерле принадлежитъ большая заслуга по отношенію къ ихъ классификаціи; онъ положительно отказывается размѣщать ихъ въ рамки, выработанныя западною археологіею, и указываетъ на ихъ отличительный характеръ и на невозможность распредѣлить ихъ по тѣмъ категоріямъ, въ какія совершенно естественно укладываются памятники древнихъ странъ западно-европейскихъ; такъ, указавъ характеристику двухъ періодовъ желѣзнаго вѣка въ западной Европѣ: Гальштадскаго и Лятенскаго, онъ положительно утверждаетъ, что подобное распредѣленіе русскихъ древностей желѣзнаго вѣка не мыслимо, и предлагаетъ весьма, по нашему мнѣнію, справедливую мысль о томъ, что русскій желѣзный вѣкъ можетъ быть раздѣленъ на два періода: 1) до великаго переселенія народовъ (скиѳскій) и послѣ этого переселенія и до введенія христіанства (славянскій). Правда, при дальнѣйшемъ изложеніи желѣзнаго вѣка г. Нидерле дѣлаетъ отступленіе отъ этой основной схемы и вводитъ классификацію, на нашъ взлядъ не вполнѣ удачную,

предложенную г. Самоквасовымъ, на періоды: киммерійскій, скиѳскій, сарматскій, славянскій и половецко-татарскій; эта сложная классификація не способствуетъ разъясненію значенія памятниковъ древности, въ нѣкоторыхъ частяхъ довольно произвольна и вызвала весьма обстоятельныя возраженія со стороны гг. Милюкова, Анучина, гр. Бобринскаго и другихъ; между прочимъ при всей своей сложности она не даетъ возможности размѣстить весьма численные памятники древности, какъ напримѣръ курганы и похоронныя поля финскихъ и тюркскихъ племенъ, обитавшихъ на территоріи Россіи въ доисторическое время. Для переводчика ясна была неконсеквентность этой классификаціи, о чемъ онъ и оговорился въ примѣчаніи (стр. 422), но тѣмъ не менѣе оставилъ классификацію автора, не желая вѣроятно передѣлывать значительную часть текста и вводить новое распредѣленіе не принятое авторомъ.

Въ числѣ другихъ, весьма впрочемъ немногочисленныхъ мѣстъ книги, съ которыми мы не можемъ заявить согласія, отмѣтимъ только одно: на 93 страницѣ г. Нидерле относитъ городища къ памятникамъ неолитической эпохи, хотя и самъ соглашается, что сдѣланныя изслѣдованія не даютъ неоспоримыхъ фактовъ въ подтвержденіе этой гипотезы; мы позволяемъ себѣ заявить категорически, по крайней мѣрѣ относительно городищъ, встрѣчающихся въ южно-русскомъ краѣ, что нѣтъ ни одного городища, которое-бы относилось ко времени, предшествовавшему желѣзному вѣку; полагаемъ, что и для западной славянщины изслѣдованія городищъ въ будущемъ не доставятъ данныхъ, на основаніи которыхъ ихъ было-бы возможно отнести къ каменному вѣку.

Вообще книга г. Нидерле, какъ въ русской, такъ и въ общеевропейской литературѣ составляетъ лучшій, нынѣ вышедшій, compendium археологіи; она несомнѣнно составляетъ прекрасный источникъ позитивнаго знанія по отношенію къ древнѣйшей исторіи быта человѣчества. Петербургское изданіе съ внѣшней стороны вполнѣ удовлетворительно и даже изящно; печать четкая, типографскихъ погрѣшностей почти нѣтъ, текстъ иллюстрированъ 459 рисунками, значительно помогающими точному уразумѣнію текста, наконецъ, книга снабжена весьма обстоятельнымъ указателемъ, который даетъ возможность забирать справки по любому вопросу археологіи. Несомнѣнно, что изданія, подобныя переводу книги г. Нидерле, расширяютъ кругозоръ знанія и, въ силу этого, спомоществуютъ поднятію культурнаго

уровня нашего общества; потому мы и не можемъ не заявить глубокой благодарности автору, переводчику и редактору этого истинно ученаго и вмѣстѣ съ тѣмъ легко-читаемаго интеллигентною публикою сочиненія.

В. А.

Гетманъ Мазепа. *Историческая монографія Θ. М. Уманца. Спб. 1897. Стр. 455.*

Загадочность личности гетмана Мазепы, несмотря на то, что поэты и историки съ особеннымъ вниманіемъ, въ теченіе почти 200 лѣтъ, относятся къ событіямъ его времени; коренное противорѣчіе во взглядахъ на предметъ; поразительная неясность главныхъ обстоятельствъ; странное умолчаніе о многомъ и неправильное толкованіе нѣкоторыхъ фактовъ,—все это побудило Θ. М. Уманца пересмотрѣть старое забытое дѣло, результатомъ чего и явилась его монографія о гетманѣ Мазепѣ.

Г. Уманецъ дѣлитъ свою монографію на 8-мь главъ и въ концѣ ея даетъ приложеніе 14 документовъ, хранящихся въ семейныхъ архивахъ самого автора, П. Я. Дорошенка и В. А. Кочубея.

Первая глава касается «молодости Мазепы». Авторъ относитъ родъ гетмана къ древнѣйшимъ въ Малороссіи; онъ жилъ въ бѣлоцерковскомъ староствѣ и упоминается въ актахъ начала XVI в. Семья Мазепы держится крѣпко православія во всѣ вѣка: мать гетмана была игуменьей Кіевскаго Вознесенскаго женскаго монастыря, а сестра, не желая принимать католичества, расходится съ мужемъ. Гетманъ Мазепа, по вполнѣ вѣроятнымъ догадкамъ автора, родился въ 1629 г. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ Кіевской братской школѣ, гдѣ и застаютъ его начавшіяся въ 1648 году войны Хмельницкаго. Вскорѣ послѣ этого Мазепа былъ взятъ въ Варшаву, и тамъ закончилъ свое образованіе. Въ 1659 году король даетъ ему порученіе къ Выговскому, а затѣмъ въ 1663 году къ Павлу Тетерѣ. Въ Варшавѣ при особѣ короля гетманъ былъ пажемъ и пользовался его довѣріемъ и расположеніемъ. Въ 1663 году, осенью, въ началѣ похода короля въ Малороссію, Мазепа оставляетъ дворъ и остается при отцѣ. Что побудило Мазепу къ удаленію—теперь рѣшить трудно. Очень можетъ

быть, что поводомъ къ этому могло послужить и столкновеніе съ Пасекомъ во дворцѣ, и скандально окончившійся для Мазепы романъ его съ Еленой Загоровской. Г. Уманецъ обходитъ этотъ вопросъ и не возражаетъ противъ установившагося мнѣнія. Но онъ не раздѣляетъ нашего предположенія о томъ, что любовная интрига Мазепы, относима Пасекомъ къ пани Фальбовской, должна быть отнесена къ Загоровской. Г. Уманецъ думаетъ (быть можетъ, ради увеличенія числа побѣдъ Мазепы надъ женщинами), что это были два отдѣльныя увлеченія будущаго гетмана, изъ коихъ одно имѣло мѣсто въ 1663 году, а другое въ 1669 г.; въ подтвержденіе своей догадки онъ приводитъ тотъ фактъ, что Мазепа въ 1669 г., наканунѣ перехода своего въ козачество, вноситъ во Владимір. гродскія актовыя книги привилегіи короля Яна-Казиміра на утвержденіе за нимъ его родовыхъ имѣній и дѣлаетъ будто-бы это ради того, чтобы завязать знакомство съ семьей Загоровскаго. Но съ такимъ предположеніемъ согласиться нельзя, во 1-хъ потому, что Загоровскій былъ земскій судья, а не гродскій; слѣдовательно, къ гродскимъ книгамъ онъ не имѣетъ никакого отношенія; во 2-хъ онъ былъ судьей, а не подстаростой, и поэтому онъ не могъ принимать отъ Мазепы его привилегій, когда бы тотъ даже представлялъ ихъ въ земскій судъ, а не гродскій. Если же въ 1669 г. Иванъ Мазепа вноситъ свои привилегіи, то скорѣе всего для укрѣпленія своихъ правъ на имѣнія по смерти отца и для предупрежденія захвата ихъ въ то время, когда онъ будетъ находиться на службѣ въ козачествѣ; внесеніемъ своихъ документовъ въ актовыя книги Мазепа скорѣе всего хотѣлъ обезпечить себя въ будущемъ, на случай оставленія службы въ козачествѣ. Поэтому мы, какъ и прежде, имѣя въ виду общія черты разсказа Пасека о связи Мазепы съ Фальбовской съ обстоятельствами романа его съ Загоровской, продолжаемъ думать, что мемуары Пасека и бракоразводное дѣло Загоровскаго говорятъ объ одномъ и томъ же фактѣ. Продолжаемъ мы также думать, что на переходъ Мазепы въ козачество могъ вліять разрывъ съ польскимъ обществомъ, гдѣ къ нему могли относиться пренебрежительно, какъ къ православному, какъ къ стороннику козачества, какъ къ дважды оскорбленному человѣку и Пасекомъ и Загоровскимъ, и безсильному, чтобы смыть это оскорбленіе. Предполагать же, что Мазепа еще въ Варшавѣ мечталъ занять положеніе, ускользнувшее отъ Выговскаго, какъ думаетъ г. Уманецъ, нѣтъ никакихъ основаній да и жизнь въ козацкомъ лагерѣ зависѣла отъ столькихъ случайностей, что самый предусмотрительный козакъ едва ли могъ предви-

дѣть свой конецъ, что въ другомъ мѣстѣ своего труда признаетъ и самъ авторъ.

Переходя въ козачество, Мазепѣ приходилось дѣлать выборъ между Петромъ Дорошенкомъ и Иваномъ Брюховецкимъ. Почему онъ выбралъ перваго? Разрѣшенію этого вопроса посвящена вторая глава монографіи г. Уманца: «У Дорошенка». Авторъ старается характеризовать, подробнѣе даже, чѣмъ требуетъ того необходимость, характеръ и политическія стремленія обоихъ гетмановъ Дорошенка и Брюховецкаго. «Изъ всѣхъ гетмановъ Малороссіи, Дорошенко, говоритъ авторъ, съ наибольшей энергіей и убѣжденіемъ стоитъ за «Рѣчь посполиту Украинскую». Поколѣніе, само умиравшее за Малороссію, невольно мирится съ нимъ ради его политической программы». Вокругъ Дорошенка соединяются всѣ лучшіе люди правобережной Украины; къ нему же переходитъ и Мазепа. Понятно—почему. На сторонѣ Дорошенка престижъ таланта, патріотизма и увлекательной для малороссіянъ цѣли. Но тутъ же г. Уманецъ допускаетъ какіе-то личные разсчеты Мазепы, оговариваясь, что «объяснять переходъ къ Дорошенку однѣми только частными выгодами нельзя уже потому, что тѣхъ выгодъ не было». Зачѣмъ же предполагать эти «личные разсчеты», когда для нихъ не было даже основанія? Авторъ и забываетъ о нихъ далѣе и говоритъ: «Мазепа не могъ сдѣлать ничего нравственно лучшаго. Когда всѣ увлекались Дорошенкомъ, имъ увлекся и Мазепа». Послѣ сближенія Дорошенка съ татарами, многіе изъ старшинъ его оставили и перешли на сторону Самойловича. Мазепа продолжалъ служить Дорошенку и былъ отправленъ имъ въ качествѣ посла въ Крымъ. На пути онъ былъ захваченъ кошевымъ Сѣркомъ и выданъ Ромодановскому лишь потому, что тотъ арестовалъ жену Сѣрка. Такимъ образомъ Мазепа оставилъ Дорошенка не потому, что нашелъ болѣе выгодное мѣсто, а вслѣдствіе непредвидѣннаго стеченія обстоятельствъ. Что касается до перехода Мазепы на сторону Москвы, то, по мнѣнію г. Уманца, «для всѣхъ малороссійскихъ патріотовъ подобный переходъ былъ естественнымъ финаломъ службы при Дорошенкѣ». Задача Дорошенка оказалась неисполнимой; самъ онъ лишился твердой почвы; его имя компрометировано турецкимъ подданствомъ. Въ тоже время, какъ ни плохо жить за Москвой, она одна даетъ Малороссіи нѣкоторую гарантію и спокойствіе.

Далѣе г. Уманецъ, въ третьей главѣ своего труда, переходитъ къ разсмотрѣнію отношеній Мазепы къ «семьѣ Самойловича». Бла-

годаря своему уму и образованію, Мазепа скоро становится въ близкія отношенія къ гетману и исполняетъ разнаго рода его порученія въ Москвѣ, какъ личныя, такъ и государственныя; но никогда онъ не является дѣйствующимъ отъ своего имени: «въ Москву и Кіевъ онъ возилъ только мысли Самойловича и нигдѣ не дѣйствовалъ оффиціально по собственному усмотрѣнію». Обвиненіе Мазепы въ доносѣ на Самойловича (какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ авторъ) ни на чемъ не основано; оно только предполагается. Доносъ не подписанъ Мазепой и настолько наивенъ, что Мазепа не могъ быть даже его двигателемъ. Послѣ паденія Самойловича, избраніе Мазепы въ гетманы многіе представляютъ результатомъ взятки князю Голицыну. Г. Уманецъ рѣшительно отвергаетъ это обвиненіе. Подарки Голицыну, по его мнѣнію, были взяткой сильному временщику, съ цѣлью купить его благоволеніе и поддержку въ Москвѣ; они не имѣли прямого отношенія къ избранію; съ другой стороны, козаки, низложившіе своего гетмана, поднявшіеся на старшину, вышедшіе изъ повиновенія начальству—не могли подчиняться внушеніямъ чуждаго имъ человѣка. «Ясно—не Голицынъ подсунулъ Мазепу козакамъ, но въ данную минуту Мазепа—самый популярный человѣкъ, если не во всей Малороссіи, то въ лагерѣ подъ Коломакомъ.

Избранный въ гетманы, Мазепа оставался вѣренъ Москвѣ, но «вѣрность эта, по мнѣнію автора, прежде всего вытекала изъ того, что безъ Москвы у него нѣтъ точки опоры—народъ и старшина сами выдавали и казнили измѣну. Сблизившись съ Петромъ, Мазепа сначала вѣрилъ въ него и надѣялся на лучшее будущее для Малороссіи; только этой вѣрой и могутъ быть объяснены нѣкоторые поступки гетмана, какъ напр., устройство крѣпостей на югѣ противъ татаръ, возбужденіе войны съ турками и татарами. Возстаніе Петрика въ это время въ извѣстномъ смыслѣ было пробнымъ камнемъ для Мазепы; но изъ этого испытанія онъ вышелъ вѣрнымъ Петру и Россіи. Ясно, что въ это время Мазепа еще не держитъ въ умѣ мысли объ отдѣленіи Малороссіи отъ Москвы и вполнѣ стоитъ за Петра и его политику. Ихъ раздѣляетъ только рядъ реформъ, начатый Петромъ по возвращеніи изъ-за границы. И авторъ осуждаетъ быструю перемѣну старыхъ порядковъ на новые; онъ старается умалить значеніе этихъ перемѣнъ, которыя рано или поздно должны были случиться сами, такъ какъ онѣ вызывались всѣмъ строемъ тогдашней жизни Россіи. Еще болѣе возмущаютъ его тѣ жестокости

которыми сопровождались реформы. «Изъ-за Петра реформатора и прогресиста, въ видѣ какой-то стихійной силы, быстро выдвигается дикарь, ослѣпленный мишурой западной цивилизаціи... Петръ ставитъ нигилизмъ на степень государственнаго учрежденія. Получается царь на подкладкѣ Базарова.» Въ это время сближеніе съ Москвой, въ суровыхъ рукахъ Петра, сулило только постоянныя войны, раздѣлъ страны, освободившейся при Хмельницкомъ, рекрутскіе наборы, новые налоги и новое изданіе крѣпостного права до обязательнаго обученія кораблестроенію включительно. Масса недовольныхъ Петромъ и Мазепой. Всѣ обвиняютъ Мазепу за чуждыя народнымъ инстинктамъ войны, тяжелую службу вдали отъ родины, утѣсненія отъ проходящихъ войскъ, уступку полякамъ праваго берега Днѣпра, тяжелыя повинности и налоги, словомъ, за все, что называлось «умаленіемъ Малороссіи». Но и Мазепа разочаровывается въ Петрѣ, доказательствомъ чего служатъ стихотворенія, приписываемыя авторомъ Мазепѣ: дума и элегія, и относимыя имъ къ 1698—99 годамъ. Въ дѣлѣ сближенія царя съ Польшей и возстанія Палія Мазепа является уже противникомъ Петра; онъ старается удержать царя отъ этого шага и на нѣкоторое время успѣваетъ въ этомъ; въ дѣлѣ же Палія онъ вынужденъ былъ исполнить волю Петра: отдать Бѣлую-Церковь полякамъ, а самого Палія арестовать. Неудовольствіе на гетмана проявляется даже въ бунтѣ противъ него въ 1704 г. въ лагерѣ подъ Любаромъ. Но и въ Москвѣ его положеніе было не прочно; подумывали уже рѣшительно объ отмѣнѣ правъ Малороссіи, и въ 1706 г. въ Кіевѣ, на обѣдѣ у гетмана, Меншиковъ прямо высказалъ эту мысль. Старшины подняли голову, стали читать «гадяцкіе пункты» и разсуждать о независимости Малороссіи. Близкіе люди—Данило Апостолъ и Димитрій Горленко говорили Мазепѣ: «Яко мы за душу Хмельницкаго всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украину отъ ига ляцкаго свободилъ; такъ противнымъ способомъ и мы, и дѣти наши, въ вѣчные роды душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ за гетманства своего, по смерти своей, въ такой неволѣ зоставишъ». Рисуя далѣе общественное настроеніе въ Малороссіи, авторъ замѣчаетъ, что умри даже Мазепа въ 1708 году, задуманное имъ дѣло нисколько бы не измѣнилось. Ему кажется даже, что «наклонность измѣнить Москвѣ у Мазепы была слабѣе, чѣмъ у большинства старшинъ и козаковъ. Но если источникъ измѣны доходилъ до самой глубины народныхъ массъ, то планъ дѣйствія и его выпол-

неніе принадлежать одному Мазепѣ.—Измѣняя, чего хотѣлъ Мазепа? — Независимой Украины?—Федеративнаго союза съ Польшей?—Чего-либо въ свою личную пользу?—спрашиваетъ авторъ, — и разсматривая тогдашнее высокое положеніе Мазепы, глубокую старость, бездѣтное вдовство, онъ приходитъ къ заключенію, что, въ случаѣ удачи, Мазепа не могъ-бы воспользоваться плодами своей измѣны (стоило-ли хлопотать для одного-двухъ лѣтъ!), въ случаѣ-же неудачи рисковалъ всѣмъ. Слѣдовательно, личное честолюбіе и выгоды, не объясняя измѣны, не очерчиваютъ и ея цѣли». Не могъ онъ работать и для родственниковъ. Онъ не могъ думать о наслѣдственной передачѣ гетманства или княжества: оказавшееся невозможнымъ для Хмельницкаго, въ десять разъ было невозможнѣй для него. Наканунѣ измѣны Мазепа такъ объясняетъ старшинамъ свое личное отношеніе къ тревожному вопросу: «предъ всевѣдущимъ Богомъ протестуюся и на томъ присягаю, что я не для приватной моей пользы, не для высшихъ гоноровъ, и ни для иныхъ яковыхъ прихотей, но для васъ всѣхъ, подъ властью и региментомъ моимъ зостающихъ, для женъ и дѣтей вашихъ, для общаго добра матки моей, отчизны бѣдной, Украины, всего войска Запорожскаго и народу Малороссійскаго, и для подвышенія и расширенія правъ и вольностей войсковыхъ, хочу то при помощи Божіей чинити, чтобы вы, съ женами и дѣтьми, а отчизна зъ войскомъ Запорожскимъ, какъ отъ Московской, якъ и отъ шведской стороны, не погибли». Сказавши это, Мазепа поцѣловалъ крестъ съ животворящимъ древомъ.

Въ рѣчи, произнесенной имъ 25 октября 1708 г. предъ козацкими полками, при всей разности ея редакцій, вездѣ заключается одна и та-же мысль: «Вотъ когда пришло время свергнуть съ себя ненавистное иго и сдѣлать Украину страной свободной и ни отъ кого независимой!» — «И такъ, заключаетъ авторъ, конечно цѣлью измѣны служила для Мазепы полная независимость Малороссіи.

Да и могло-ли быть иначе? Шансы на популярность и, пожалуй нѣкоторые шансы успѣха, имѣла только идея самостоятельнаго государства.

Таковы мнѣнія г. Уманца о политической дѣятельности гетмана Мазепы, котораго онъ старается представить благороднѣйшимъ, умнѣйшимъ и преданнѣйшимъ сыномъ Украины. Для полноты обзора его книги и для болѣе подробной характеристики гетмана, намъ оставалось-бы разсмотрѣть административную дѣятельность Мазепы и его личную душевную жизнь, выразившуюся въ увлеченіи Матре-

ной Кочубей и княгиней Дольской. Но и здѣсь, въ обѣихъ сферахъ общественной и личной жизни авторъ остается вѣренъ себѣ, представляя Мазепу такимъ же симпатичнымъ дѣятелемъ и человѣкомъ. Какъ дальновидный администраторъ, онъ, хотя и безуспѣшно, все-таки пытается задержать развитіе крупнаго землевладѣнія и развитіе крѣпостного права въ Малороссіи; въ отношеніяхъ къ Матренѣ Кочубей отъ остается вполнѣ корректнымъ; съ Дольской же его сближали общіе дипломатическіе интересы. Эти стороны жизни гетмана авторъ очень подробно разсматриваетъ въ двухъ большихъ главахъ, которыя являются лучшими и прочнѣе другихъ обоснованными въ цѣлой монографіи.

Авторъ въ концѣ книги подвергаетъ разбору сохранившіеся портреты Мазепы и прилагаетъ 14 документовъ; но мы не будемъ останавливаться на первыхъ, потому что они не входятъ въ нашу задачу; вторые не имѣютъ особеннаго интереса и касаются, по своему содержанію, второстепенныхъ вопросовъ въ жизни гетмана, а нѣкоторые и вовсе не касаются его.

Но нельзя обойти вниманіемъ двухъ вопросовъ, которые ставитъ г. Уманецъ:

1. Почему не удалась измѣна Мазепы?—

2. Какое вліяніе неудавшаяся измѣна имѣла на Малороссійскій народъ?—

Причины неудачи измѣны авторъ видитъ, во 1-хъ, въ направленіи Карла на югъ, вмѣсто того, чтобы идти на сѣверъ. Во 2-хъ, въ положеніи занятомъ народомъ, который, враждуя со старшиной, питалъ надежду найти на нее управу въ Москвѣ у царя. Въ 3-хъ, старшины боялись будто-бы внутренней неурядицы, которая всегда бывала вѣрной союзницей Москвы. Мы же думаемъ, что не столько пугали старшину безпорядки, сколько боязнь потерять маетности и то пріобрѣтенное общественное положеніе, которое она успѣла занять, но легко могла потерять въ наступавшемъ переворотѣ.— «Было общее недовольство, говоритъ авторъ, но взрыва народныхъ чувствъ не было и, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, не могло быть. Но главная причина, погубившая Мазепу, въ томъ, что онъ имѣлъ дѣло съ Карломъ—типомъ прямолинейнаго человѣка, не способнаго угадывать теченіе и дѣйствовать сообразно положенію вещей.

Что касается до 2-го вопроса—о вліяніи измѣны на народъ,—то г. Уманецъ думаетъ, что «измѣна временъ Мазепы, съ ея неудачнымъ концомъ, была необходима для того, чтобы разъ навсегда по-

кончить съ иллюзіями, отрезвить массу и поставить народное чувство Малороссіи на новую дорогу. Это одна изъ тѣхъ ошибокъ, которыя почти обязательны въ начальный періодъ народной жизни. Только благодаря ей, здѣсь быстро вырабатывалась новая форма патріотизма. Только послѣ нея преданность Россіи перестала носить оттѣнокъ измѣны родному царю, а измѣна «всей Россіи»—характеръ патріотизма по отношенію къ родинѣ... Всѣ поняли необходимость въ надеждѣ на лучшіе дни, вмѣстѣ съ Псковомъ и Новгородомъ, Рязанью и Тверью... «вкупѣ лихо отбуваты»

Такимъ образомъ монографія г. Уманца затрогиваетъ серьезные и очень важные вопросы, группирующіеся вокругъ загадочной и непонятой личности гетмана Мазепы. Для своихъ выводовъ онъ пользуется имѣющимися уже матеріалами и изслѣдованіями, давая фактамъ лишь новое освѣщеніе и объясненіе. Точно также онъ уклоняется отъ полемики по спорнымъ вопросамъ, а даетъ такія характеристики фактовъ и лицъ, какія кажутся ему болѣе близкими къ истинѣ. Дѣйствительно, во многихъ случаяхъ нельзя не согласиться съ вѣрностью выводовъ автора, но отъ этого еще больше чувствуется необходимость и въ изданіи новыхъ матеріаловъ, относящихся къ гетманству Мазепы, и въ пересмотрѣ тѣхъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ, съ горячей любовью къ своему предмету, даетъ Ѳ. М. Уманецъ.

И. Каманинъ.

Къ исторіи поселенія евреевъ въ Польшѣ и Руси вообще и въ Подоліи въ частности. И. В. Галанта. (*Восходъ, 1897 г. №№ 8 и 9*).

Существованіе евреевъ въ предѣлахъ древней Польши въ концѣ XII в. и въ самомъ началѣ XIII в.—фактъ неоспоримый, фактъ общепризнанный: за него данныя изъ области нумизматики (Гленбокскій кладъ) и изъ области дипломатики. А разъ существованіе евреевъ въ Польшѣ въ XII в. есть фактъ безусловной достовѣрности, извѣстіе Козьмы Пражскаго о массовомъ переселеніи евреевъ въ 1098 г. изъ Богеміи въ Польшу, вызванномъ ужасами крестоваго похода, заслуживаетъ въ свою очередь полнаго довѣрія. Послѣднее событіе даетъ уже возможность говорить о причинахъ движенія евреевъ въ Польшу изъ Западной Европы. Первой причиной передвиженія ихъ съ запада на востокъ можно считать тѣ бѣдствія, какія тамъ ихъ преслѣдовали со стороны католическаго фанатизма. Вторая причина усматривается

авторомъ въ тѣхъ правахъ и преимуществахъ, какія предоставляли евреямъ князья и короли, какими обезпечивали они возможность жить согласно обычаямъ и религіознымъ узаконеніямъ. Въ концѣ XV в. приливъ еврейскаго населенія въ Польшу цѣлыми массами произошелъ изъ литовско-русскихъ областей, послѣ формальнаго изгнанія ихъ оттуда великимъ княземъ Александромъ Казимировичемъ,—въ 1495 году.

Слѣды существованія евреевъ въ древней Руси, дающіе намъ право считать ихъ весьма давними здѣсь поселенцами, видны уже въ исторіи XI в.: митрополитъ Иларіонъ ведетъ литературную съ ними полемику; пренія съ еврейской пропагандой велъ и преподобный Өеодосій печерскій; а ватиканское пятокнижіе, написанное гдѣ-то на Руси въ 1094 году, говоритъ о значительномъ вліяніи древне-русскаго языка на его языкъ. Евреи, такимъ образомъ, явились въ древней Руси далеко до XI в., быть можетъ, въ то время, когда Хозары, исповѣдывавшіе іудейскую вѣру, были владыками южной Руси. Въ этой же главѣ г. Галантъ, при оцѣнкѣ данныхъ, служащихъ къ подтвержденію давняго пребыванія евреевъ на Руси, справедливо отвергъ еврейское яко-бы происхожденіе новгородскаго епископа Луки Жидяты.

Поселеніе евреевъ въ Подоліи, хотя и потребовало себѣ цѣлой главы, осталось однако вопросомъ открытымъ; такъ какъ г. Галантъ надгробной надписи изъ м. Таврова, относимой къ 1240 году, придаетъ мало значенія, а читатель, незнакомый съ литературой затронутаго имъ вопроса, едва-ли повѣритъ ему наслово, что «время появленія евреевъ въ Подоліи можно, на основаніи историческихъ данныхъ, разбросанныхъ въ респонсахъ польскихъ раввиновъ, отнести къ столѣтію, предшествовавшему бѣдствіямъ 1648—49 гг., т. е. къ XVI столѣтію» (стр. 22), по той простой причинѣ, что самъ онъ, такъ тщательно указывающій, на чемъ построено и обосновано любое его положеніе, въ данномъ случаѣ обошелъ молчаніемъ изданіе, которое было въ его рукахъ. Въ послѣдней главѣ авторъ остановился на крупныхъ явленіяхъ изъ исторіи евреевъ, отъ болѣе поздняго времени, это на Синодѣ четырехъ странъ, выдвинувшемъ между прочимъ политическое значеніе раввиновъ, и на появленіи мистическихъ сектъ саббатіанцевъ, братства Іуды Хасида, франкизма и цадикизма. Усматривая причину появленія, конечно, отчасти, послѣднихъ въ страшномъ погромѣ, разразившемся надъ головами евреевъ въ 1648 и 1649 годахъ, авторъ, не щадя красокъ, старается набросать свои чувства,

въ которыя и облекаетъ безспорно одну изъ печальныхъ страницъ исторіи польскихъ и русскихъ евреевъ. Напрасно также, по нашему мнѣнію, думаетъ г. Галантъ что «Хмельницкій, расправляясь съ евреями самымъ варварскимъ и звѣрскимъ образомъ, не руководствовался въ данномъ случаѣ одними только политическими соображеніями, и дѣйствовалъ отчасти еще подъ вліяніемъ жажды мести евреямъ за нѣкоторыя имъ лично принесенныя обиды и оскорбленія, причиной которыхъ былъ еврей». Едва-ли Хмельницкому, объявившему борьбу не польскому государству, а польскому шляхетству, и державшимъ сторону послѣдняго евреямъ, было мѣсто и время считаться со своими личными чувствами въ то время, когда онъ совершалъ такой исторической важности и столь крупный переворотъ въ жизни польскаго государства. Натанъ Гановеръ, на котораго ссылается авторъ, слишкомъ наивенъ въ своихъ извѣстіяхъ, а его сообщеніе о доносѣ со стороны еврея польскому правительству о заключенномъ Хмельницкимъ союзѣ съ крымскимъ ханомъ, такъ и дышетъ полнѣйшимъ незнаніемъ способа веденія дипломатическихъ переговоровъ въ то время, чего нельзя и требовать отъ рядового еврея.

Е. Кашпровскій.

Вс. Срезневскій. Изъ первыхъ лѣтъ научно-литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго (1831—1839). (*Журналъ М-ва Нар. Просвѣщенія 1898, № 1*).

Въ январьской книжкѣ журнала М-ва Нар. Просв. В. И. Срезневскій помѣстилъ интересную статью о первыхъ шагахъ своего отца на учено-литературномъ поприщѣ. Статья эта основана на данныхъ, извлеченныхъ частью изъ переписки покойнаго слависта, частью изъ его бумагъ, а частью изъ дѣлъ Харьковскаго университета.

Начало литературной дѣятельности И. И. Срезневскаго представляетъ большой интересъ. Великороссъ по рожденію, привезенный двухмѣсячнымъ ребенкомъ въ Харьковъ и не выѣзжавшій изъ Малороссіи до окончанія университета, Срезневскій сознавалъ себя великороссомъ и въ одномъ изъ писемъ къ матери съ глубокимъ чувствомъ говорилъ о «милой своей родинѣ», которой не зналъ вовсе.

Въ то же время онъ съ жаромъ отдается изученію малорусской народной словесности и становится однимъ изъ самыхъ видныхъ, если не самымъ виднымъ представителемъ кружка, для членовъ котораго малорусскія изученія являлись не дѣломъ холодной любознательности, а были результатомъ горячей любви къ родинѣ. Въ 1839 г. Срезневскій отправился въ заграничную командировку и прервалъ свои занятія малорусской этнографіей, къ которымъ болѣе не возвращался. Юношескія увлеченія прошли навсегда. И увлеченіе И. И. Срезневскаго малорусской этнографіей и полное охлажденіе къ ней авторъ статьи объясняетъ такъ: «Молодого человѣка не могли не привлекать къ себѣ и поэтическія думы, и музыкальныя пѣсни, и малоизслѣдованная, полная интереса исторія Малороссіи, и богатство сохранившейся въ народѣ живой старины, но онъ относился ко всему этому какъ наблюдатель, изслѣдователь, а не какъ патріотъ-украинецъ». Такое объясненіе, на нашъ взглядъ, не представляется удовлетворительнымъ. Юноша, чуть не мальчикъ не могъ отнестись къ предмету своихъ занятій, какъ спокойный изслѣдователь интереснаго матеріала, да и не такъ относился къ нимъ И. И. Ср—ій. Не вѣрнѣе ли смотрѣть на юношескія увлеченія его, какъ на дань настроенію тогдашняго харьковскаго общества, среди котораго, какъ указываетъ и авторъ статьи, пробудился въ ту пору живой интересъ къ прошлому своей родины. Кружокъ давнихъ пансіонерскихъ пріятелей, въ которомъ вращался Срезневскій во время пребыванія въ университетѣ, могъ только возбуждать и поддерживать въ молодомъ студентѣ симпатіи къ малорусскому народу и народному творчеству. Въ статьѣ Вс. И. Срезневскаго сообщаются любопытныя свѣдѣнія о членахъ этого кружка. Это были: Шпигоцкій, братья Евецкіе и Росковшенко. Всѣ они были въ большей или меньшей степени малороссы-патріоты. Наиболѣе пылкимъ патріотомъ былъ повидимому, Шпигоцкій, переводившій на малорусскій языкъ Мицкевича. Объ одномъ изъ Евецкихъ, (Θедорѣ) Срезневскій отзывается, какъ о «большомъ знатокѣ малорусскаго языка», оба брата доставили ему «массу пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, описаній обрядовъ», оба напечатали нѣсколько работъ, относящихся къ Малороссіи, «Увлеченіе Украиной у обоихъ братьевъ Евецкихъ впослѣдствіи превратилось подъ вліяніемъ П. П. Дубровскаго, издателя «Денницы», въ увлеченіе панславизмомъ». Къ этому примыкалъ еще І. А. Джунковскій, не занимавшійся, впрочемъ, этнографіей. На основаніи предисловія къ «Запорожской Старинѣ», начало общихъ занятій Срезневскаго и его товарищей этнографіей можно

отнести приблизительно къ 1826 г. Въ 1831 г. Ср—ій, при участіи всѣхъ своихъ пріятелей кромѣ Джунковскаго, издаетъ «Украинскій Альманахъ». (Объ «Украинскомъ Альманахѣ см. ст. Вс. Изм. Срезневскаго въ «Кіев. Ст.» 1893, № 1). Съ этого времени разъѣхавшіеся изъ Харькова пріятели присылаютъ собранный ими матеріалъ Ср-му, въ его «скарбницу». Самъ Изм. Ив. собираетъ массу матеріаловъ въ 1832—33 гг., когда живетъ, въ качествѣ домашняго учителя, въ семьѣ Подольскихъ, въ м. Варваро́вкѣ, Екатеринославской губ., вблизи пороговъ. 97-лѣтній запорожецъ Гречка много разсказывалъ ему о старинѣ, отъ 80-лѣтняго бандуриста записалъ онъ нѣсколько думъ и старинныхъ пѣсенъ. Матеріалы, собранные Срезневскимъ и были изданы имъ въ «Запорожской Старинѣ.

Съ этого времени литературныя знакомства Ср-го расширяются. Завязываются отношенія съ Гулакомъ-Артемовскимъ, Г. Ѳ. Квиткой, Максимовичемъ и мн. др. Къ сборнику пѣсенъ подъ заглавіемъ «Собраніе памятниковъ народной украинской словесности» приложенъ уже длинный списокъ сотрудниковъ. Еще болѣе разростаются эти сношенія по мѣрѣ выхода книжекъ «Запорожской Старины», захватывая въ свой кругъ и великорусскихъ ученыхъ. Въ 1834 г. И. М. Снегиревъ пишетъ Срезневскому: «Новые въ своемъ родѣ труды Ваши, посвященные Малороссіи, возбуждаютъ живѣйшіе участіе свѣжестью мыслей и чувствованій, прелестною оригинальностью слога. Страненъ мнѣ показался отзывъ «Сѣверной Пчелы о малорусскомъ языкѣ, который будто достался въ удѣлъ чумакамъ. Неужели она видитъ въ благородномъ ревнованіи Квитокъ, Гулаковъ, Срезневскихъ что либо подозрительное? Не постигаю, ибо смотрю чистыми глазами и съ чистымъ сердцемъ, которое не можетъ остаться холоднымъ при созерцаніи истиннаго, добраго и освященнаго. «Какъ бы удивился почтенный И. М. Снегиревъ, если бы почиталъ писанія нашихъ современныхъ публицистовъ, которые недалеко ушли въ своемъ міросозерцаніи отъ публицистовъ «Сѣверной Пчелы».

Особенное значеніе имѣло для Ср-го сближеніе съ Вадимомъ Пассекомъ, Метлинскимъ и Костомаровымъ. Первый, жившій тогда въ своемъ имѣніи близъ Харькова и много работавшій по изученію Малороссіи, обратился къ Ср—му съ приглашеніемъ принять участіе въ задуманномъ имъ изданіи журнала и скоро очень сблизился съ нимъ, хотя затѣянное изданіе и не состоялось. Еще ближе были отношенія Ср—го къ А. А. Метлинскому, «Амворосію Могилѣ», «самому

полному и отчасти восторженному украинофилу», по словамъ де-Пуле. При посредствѣ Метлинскаго Ср—ій познакомился и съ Н. И. Костомаровымъ. «Изм. Ив-чъ много способствовалъ развитію въ Костомаровѣ его «стремленіи къ изученію малорусской народности»; при его помощи К—въ, «вооружившись новыми взглядами», началъ учиться малорусскому языку, ранѣе мало ему знакомому, изучать повѣсти Квитки». Подъ вліяніемъ Ср—го К—въ «перешелъ къ изученію живой малорусской рѣчи», «началъ дѣлать этнографическія экскурсіи изъ Харькова по сосѣднимъ селамъ, по шинкамъ, которые въ то время были настоящими народными клубами». «Любопытно отмѣтить, прибавляетъ авторъ, что К—въ въ характерѣ увлеченія работами по малорусской старинѣ и народной словесности скоро ушелъ далеко отъ Изм. Ив-ча, своего бывшаго руководителя: въ 1837 г. онъ началъ только учиться по-малорусски, а въ 1839 г. въ одномъ письмѣ къ Изм. Ив-чу писалъ про малорусскій языкъ, какъ про «нашу мову». Въ другомъ письмѣ къ Ср—му К—въ говоритъ, что Метлинскій, прочитавъ его письмо, «такъ заразъ и закепкуе, на те винъ козакъ и батько его козакъ и диды ёго козаки, весь родъ его козаки украинскіи, а я бидный неофитъ, перекрещенець, перевертень и тымъ тилько мени можно и простыти, що хочъ може я и не вмию гораздъ зовсимъ переродыться, такъ коханне у мене щыре и серце за Вкраину бьеться, бильше, нижъ у якого справжнёго южнорусса». Близкія отношенія К-ва со Ср-мъ прервались лишь въ 1846 г. и, возобновившись, впослѣдствіи не носили уже прежняго характера.

Вторая половина интересной статьи Вс. И. Срезневскаго посвящена разсказу о посылкѣ Изм. Ив-ча въ заграничную командировку, по возвращеніи изъ которой онъ уже не возвратился къ прежнимъ занятіямъ.

Въ приложеніи къ статьѣ перепечатано предисловіе къ «Запорожской Старинѣ».

Воспоминанія о Н. И. Костомаровѣ и А. Н. Майковѣ. Николая Барсукова.
Спб. 1898 г. 31 стр.

Читатель будетъ сильно разочарованъ, заинтересовавшись прекрасно изданной брошюркой г. Барсукова, т. к. не найдетъ онъ въ ней того, чего ожидаетъ: всѣ воспоминанія отрывочны и мало касаются тѣхъ лицъ, ради которыхъ написаны. Такъ напримѣръ:

«Иныхъ, какъ говорятъ, лекціи Костомарова влекли на площадь (sic); меня же неудержимо потянули онѣ къ *Полному Собранію Русскихъ Лѣтописей*, изданному по Высочайшему повелѣнію Археографическою Коммиссіей; а потому я и до сей минуты съ благодарностью и благословеніями поминаю и буду поминать до скончанія жизни моей это почтенное имя»... Такъ говоритъ о Н. И. Костомаровѣ г. Барсуковъ, который былъ слушателемъ его въ знаменательный въ исторіи петербургскаго университета періодъ 1861 года. Читатель естественно заинтересованъ узнать подробности о лекціяхъ Н. И. Костомарова, о его отношеніяхъ во время студенческихъ исторій 1861 года, какъ это представлялось г. Барсукову и т. п. Ничего нѣтъ; зато почему-то г. Барсуковъ подробно, слишкомъ даже подробно, описываетъ, какъ онъ ѣздилъ въ деревню, и затѣмъ ходатайствовалъ при посредствѣ родственниковъ, чтобы вторично попасть въ университетъ... 18 января 1862 года г. Барсуковъ познакомился съ Н. И. Костомаровымъ; «результатомъ нашего свиданія было то, что онъ засадилъ меня за азбучный указатель къ Нестору, а этотъ указатель привелъ меня къ благодѣтелю моему Аѳанасію Ѳедоровичу Бычкову, опредѣлившему меня на службу въ Археографическую Коммиссію»...

Въ маѣ 1862 г. Н. П. Барсуковъ ѣздилъ съ Н. И. Костомаровымъ и А. Н. Майковымъ обозрѣвать Новгородъ. На г. Барсукова Н. И. Костомаровъ возложилъ обязанность «лѣтописца»; «въ *Дорожный дневникъ*, говоритъ Н. П. Барсуковъ, я вносилъ все то, что производило впечатлѣніе на моихъ знаменитыхъ спутниковъ; но сохранить ихъ вдохновенныя бесѣды на память потомству я не сумѣлъ!»...

Этотъ дневникъ съ 3 по 11 мая 1863 года и напечатанъ теперь г. Барсуковымъ... Но, какъ безсодержателенъ онъ! Читаешь его и невольно спрашиваешь, гдѣ же Костомаровъ? Вѣдь это же былъ самый интересный спутникъ по мѣстамъ, извѣстнымъ исторически!... Перечисленіе монастырей, разныхъ ничего не значащихъ мелочей детальное указаніе мѣста, гдѣ обѣдали и какого гдѣ архимандрита застали, къ какимъ мощамъ прикладывались—вотъ и все содержаніе *Дневника*.

Самое интересное въ брошюрѣ г. Барсукова—это письмо къ нему Н. И. Костомарова на старо-славянскомъ языкѣ, въ которомъ знаменитый историкъ былъ, какъ извѣстно, мастеръ. Мы выписываемъ для образца начало и конецъ этого любопытнаго письма: «Чадо

Николае, благородный сыне честнаго родителя именемъ Платона! Се азъ худый и многогрѣшный старецъ, недостойный лѣтописатель Великаго Новгорода и Пскова, цѣлую тя вселюбезнѣ и реку ти: радуйся и здравъ буди! Что убо твориши и коего ради орудія сѣдиши далече въ предѣлахъ Тамбовскія страны? Имѣеши ли нѣкое дѣло или покою предаешися, покой же къ грѣху приводитъ. Еще бо младъ еси и всяческія крѣпости душевныя и тѣлесныя исполненъ: поработай же о Господѣ наученію книжну, наипаче же въ бытописанія земли Русскія упражняйся, да Богу споспѣшествующу, плодъ многъ принесеши на пользу братіи и земли своей».

«Да благословитъ Господь вся входы и исходы твоя, чадо Николае, да исполнитъ желаніе сердца твоего. Не презирай мя, чадо, худаго и недостойнаго, и паче всѣхъ человѣкъ грѣшнѣйшаго старца Николая, еже на Невѣ рѣцѣ суща, въ дому Карманова, на островѣ св. Василія, во градѣ Петроградѣ, нѣмецки же Петербургѣ.

Ноемврія 24, въ день субботній. св. великомученицы Екатерины, лѣта отъ воплощенія Бога Слова 1862»...

Въ заключеніе «Воспоминаній» Н. П. Барсуковымъ приведена выдержка изъ дневника гр. П. С. Шереметьева, въ которомъ расказывается о встрѣчѣ графа съ А. Н. Майковымъ у Я. П. Полонскаго. А. Н. Майковъ разсказывалъ о поѣздкѣ съ Н. И. Костомаровымъ въ Новгородъ. «Пріѣхавъ въ Новгородъ, говоритъ гр. Шереметьевъ, они взяли лодку и поѣхали кататься по озеру. Во время катанья надвинулась гроза. Костомарову вдругъ пришло въ голову сравненіе бури на Ильменѣ съ волненіями Новгородцевъ. Но какъ Ильмень не глубокъ, такъ и Новгородъ, не смотря на свои волненія, былъ также не глубокъ, и вотъ со стороны все ближе и ближе надвигается Москва, подобно бурѣ, и наконецъ накрываетъ Новгородъ...» Вотъ другой эпизодъ: причаливъ къ берегу, вся компанія стала устраиваться на привалъ; они заказали бабѣ сварить уху изъ только что наловленной рыбы; пока она варила лещей, они сѣли около. Костомарову понадобилось отойти на пять минутъ; вдругъ онъ возвращается и объявляетъ, что какая-де у него внезапно явилась мысль: Новгородцы непремѣнно должны быть Малороссійскаго происхожденія! Вѣдь вотъ эта баба говоритъ не хлѣбъ, а хлібъ. И то, и другое внесено Костомаровымъ въ свой трудъ «Вотъ до чего иногда доходила его легкомысленность»! сказалъ Майковъ»...

Приводя слова А. Н. Майкова, Н. П. Барсукову слѣдовало-бы оговориться, что мысль Костомарову не новгородской бабой навѣяна, но что она была высказана еще раньше поѣздки въ Новгородъ, въ 1862 году въ статьяхъ «Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси» и «Двѣ русскія народности». Обѣ статьи первоначально появились въ «Основѣ» 1861 года.

X.

Обзоръ журналовъ.

Русская Старина № 1—2, 1898.

„*Московскій обѣдъ 28 дек. 1857 г. и его послѣдствія*". (№ 1 и 2). Когда Высочайшіе рескрипты на имя виленскаго и с.-петербургскаго генералъ-губернаторовъ объ улучшеніи положенія крестьянъ дошли до Москвы, многіе мѣстные жители рѣшили запечатлѣть обѣдомъ столь великое событіе въ Россіи. Говорили рѣчи и провозглашали тосты за здоровье Государя. Описаніе обѣда со всѣми рѣчами было напечатано въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ числѣ другихъ рѣчей была напечатана и непроизнесенная на обѣдѣ, по случайнымъ обстоятельствамъ, рѣчь извѣстнаго откупщика Кокарева отъ имени купечества, призывавшая всѣ классы общества, и купечество въ особенности, денежными средствами къ участію въ великомъ дѣлѣ освобожденія. Рѣчь Кокарева произвела громадное впечатлѣніе, и дворянство сильно вознегодовало на цензуру. Мин. Нар. Просвѣщенія А. С. Норовъ потребовалъ объясненій отъ Каткова и цензора Краузе по поводу ея напечатанія. Въ результатѣ послѣдовало запрещеніе перепечатывать описаніе обѣда въ другихъ повременныхъ изданіяхъ. Но прежде чѣмъ распоряженіе объ этомъ запрещеніи достигло Одессы, въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» были помѣщены выдержки изъ ст. «Русскаго Вѣстника» о московскомъ обѣдѣ. (Нужно замѣтить, что изданіе и редактированіе «Одесскаго Вѣстника, по ходатайству попечителя Одесскаго Учебнаго округа Н. И. Пирогова, было предоставлено Ришельевскому Лицею). Перепечатка эта вызвала энергическій протестъ со стороны генералъ-губернатора гр. Ал. Гр. Строганова. Въ своихъ отношеніяхъ къ Министру Нар. Просв., онъ высказываетъ взгляды на печать и цензуру. Такъ онъ пишетъ: «тосты за здравіе Государя

должны быть предлагаемы коротко, не допуская никакихъ разбирательствъ, безъ всякой иной побудительной причины, какъ только потому, что онъ императоръ... Основаніемъ къ такому моему убѣжденію служитъ логическій выводъ, что допущеніемъ огласки мнѣній pro исключаемъ возможность... воспрещать оглашеніе мнѣній contra».—Если въ допущеніи къ произнесенію этихъ рѣчей на обѣдѣ была виновата полиція, то вина цензуры, давшей разрѣшеніе на печатаніе статьи, еще болѣе важна: «многое, что можетъ быть почти безъ неудобства высказано на словахъ, принимаетъ характеръ совершенно другой знаменательности, будучи выражено въ письмѣ; предаваясь же тисненію, оно часто содѣлывается чрезвычайно важнымъ». Въ заключеніе гр. Строгановъ проситъ, «чтобы я, недоумѣвающій повидимому обязанностей цензуры, освобожденъ былъ отъ отвѣтственности за оную,... и передать столь трудную и щекотливую для меня обязанность Попечителю Одесскаго Учебнаго Округа, служащему подъ непосредственнымъ вашимъ начальствомъ. Г. Пироговъ вѣроятно будетъ имѣть болѣе смѣтливости и умѣнья примѣнять свои мнѣнія къ направленію, которое принимаетъ въ имперіи цензура въ *настоящее время*». Въ письмѣ къ министру нар. пр. онъ вообще обращаетъ вниманіе Министра на несоотвѣтственное направленіе, принятое редакціей журнала «Одесскій Вѣстникъ». «Съ появленіемъ нѣсколькихъ нумеровъ, я уже могъ замѣтить во мнѣніяхъ гг. редакторовъ нѣкоторые признаки вреднаго стремленія къ системѣ критическаго разбора важныхъ административныхъ и общественныхъ вопросовъ... Считаю долгомъ заявить, что если редакція не измѣнитъ усвоенной ею программы и особенно своего оттѣнка, я не буду колебаться (буду ли стоять во главѣ цензуры, или нѣтъ) и прекращу изданіе Одесскаго Вѣстника». Въ заключеніе гр. Строгановъ проситъ о снисходительности къ цензорамъ: «этимъ двумъ чиновникамъ, подчиненнымъ г. Попечителю—предсѣдателю цензурнаго комитета, трудно не допускать къ печати такихъ статей, которыя будучи читаны, чему бывали примѣры, въ литературныхъ собраніяхъ г. Попечителя, въ присутствіи довольно большаго числа профессоровъ, уже удостоены предварительнаго одобренія въ этихъ совѣщательныхъ бесѣдахъ»...— Письма гр. А. Г. Строганова были переданы на разсмотрѣніе товарища Мин. Нар. Пр. князя П. А. Вяземскаго. Князь далъ слѣдующее заключеніе: «послѣ такого воззрѣнія на литературу и цензуру нельзя для общей и государственной пользы не желать, какъ и самъ гр. Строгановъ того желаетъ, что бы освободили его отъ обязанностей цен-

зуры, которую, тоже согласно ходатайству его, передать Попечителю Одесскаго учебнаго округа.

Князь П. А. Вяземскій, исполняя порученіе Министра Народнаго Просвѣщенія Е. П. Ковалевскаго, вторично разсмотрѣлъ всѣ статьи «Одесскаго Вѣстника», на которыя указывалъ графъ Строгановъ, и пришелъ къ заключенію, «что въ общемъ нѣтъ въ нихъ ничего вреднаго. Въ частностяхъ же иныя изъ этихъ статей заключаютъ въ себѣ нѣкоторыя въ цензурномъ отношеніи неумѣстныя и неприличныя выходки»... Обвиненіе «О. В.» послѣдовало и отъ херсонскаго губернскаго предводителя дворянства Касинова.— «Статьи этого журнала, по словамъ К., выводятъ небылицу на дворянское сословіе, обвиняя его въ злоупотребленіи помѣщичьей властью..., провозглашаютъ, что въ странѣ не должно быть другаго труда, кромѣ свободнаго»... Касиновъ особенно негодуетъ на попечителя Одесскаго уч. окр. Н. И. Пирогова, будто бы покровительствующаго вредному направленію газеты и помѣщающему въ ней собственныя статьи, не соотвѣтствующія своимъ содержаніемъ и характеромъ занимаемому имъ служебному посту.

Поставленный въ двухсмысленное положеніе этимъ разногласіемъ, Е. П. Ковалевскій предложилъ члену главнаго управленія цензуры А. Г. Тройницкому дать и свое заключеніе. А. Г. Тр. нашелъ, что нѣкоторыя статьи заключаютъ въ себѣ только неосторожныя фразы и выраженія, а статьи Н. И. Пирогова, какъ могущія вызвать полемику, неудобную при его административномъ положеніи, довольно нетактичны. Въ виду же того обстоятельства, что въ «Од. В.» нынѣшняго года въ другихъ номерахъ помѣщались статьи истинно дѣльныя и полезныя, едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ генералъ-губернатора, что нынѣшняя редакція этой газеты приняла направленіе рѣшительно вредное. Однако принимая во вниманіе съ одной стороны рѣзкое противорѣчіе во взглядѣ на редакцію этой газеты между главнымъ начальникомъ края, попечителемъ Одесскаго уч. округа и съ другой стороны недостаточную компетентность профессоровъ Лицея, людей теоретической мысли, далекихъ отъ практической жизни, въ руководствѣ газетой, которая должна быть органомъ коммерческихъ интересовъ Южной Россіи,—г. Тройницкій полагалъ необходимымъ пригласить Лицей отказаться отъ изданія этой газеты, а графа Строганова просить избрать благонадежнаго и опытнаго редактора. Главное Управленіе цензуры, которому было повелѣно постановить окончательное рѣшеніе по дѣлу «Од. В», сдѣлало постановленіе согласно съ мнѣніемъ А. Г. Тройницкаго. Такимъ образомъ окончилось ре

дактированіе «Одесскаго Вѣстника» Ришельевскимъ Лицеемъ и активное участіе въ немъ Н. И. Пирогова.

Въ ст. „На зарѣ крестьянской свободы“ (№ 1 и 2), приводится цѣлый рядъ писемъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и Зап. Европы, писанныхъ людьми различныхъ взглядовъ и убѣжденій по вопросу ожидавшагося освобожденія крестьянъ, ярко рисующихъ состояніе умовъ нашего дворянства въ эпоху, предшествовавшую 19 февраля 1861 г. Въ числѣ писемъ есть письма и изъ Малороссіи, въ томъ числѣ и письмо Гр. П. Галагана къ Ю. Ѳ. Самарину (1857 г.). Между прочимъ изъ письма О. И. Тургеневой къ А. Р. Дрентельну мы узнаемъ, что б. начальникъ Юго-Западнаго края былъ убѣжденнымъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ.

Въ ст. М. А. Филиппова „Профессоры братья Бруно“ (№ 1), характеризуются два брата Бруно, нѣмцы по происхожденію, оба профессоры съ начала Ришельевскаго лицея, а потомъ Новороссійскаго университета. Филиппъ Карловичъ Бруно—ученый историкъ. Любопытно впечатлѣніе, произведенное нашимъ южно-русскимъ крестьяниномъ на Фил. Карл. «Одно меня удивляетъ въ этомъ народѣ, говорилъ онъ, что болѣе вѣковая крѣпостная зависимость не убила въ немъ собственнаго достоинства и не притупила его способностей; я говорилъ со многими крестьянами и мнѣ казалось, что я говорю съ людьми, которые никогда не знали рабства».—Фил. Карл. извѣстенъ сочиненіемъ о Черноморьи, второй томъ котораго изданъ уже послѣ его смерти г. Головкинскимъ.

Историческій Вѣстникъ № 1-й, 1898.

Б. Глинскій—Русская періодическая печать въ провинціи. Въ краткомъ очеркѣ начала періодической печати въ провинціи Гл. даетъ перечень всѣхъ органовъ печати за первую половину XIX в.; въ немъ упоминаются между прочимъ слѣдующія изданія: въ *Харьковѣ*—«Харьковскій Еженедѣльникъ» (1812), «Украинскій Вѣстникъ» (1816—20), «Харьковскій Демокритъ» (1816), «Труды Общества наукъ» (1817), «Украинскій Домоводъ»; въ *Одессѣ*—«Украинскій Журналъ» (1824—25), «Одесскій Вѣстникъ» (1823—93), «Листки издаваемыя Обществомъ сельскихъ хозяевъ Южной Россіи» (1831—40); въ *Кіевѣ*—«Кіевскія объявленія» (1835—38, 1850—57), «Воскресное Чтеніе» (1837—97).

Въ отдѣлѣ *критики* К. Х. помѣщаетъ рецензію о монографіи Вас. Ляскоронскаго—«Исторія Переяславской земли съ древнѣйшихъ временъ до половины XIII ст.». Кіевъ 1897. По мнѣнію рецензента трудъ Ляскоронскаго во многихъ отношеніяхъ почтенный, серьезный и вполнѣ добросовѣстный. Географическій обзоръ обработанъ съ такою полнотой, которая, пожалуй, и не требовалась задачей спеціально историческаго сочиненія. Послѣдняя глава, трактующая о главныхъ чертахъ общественнаго устройства и частнаго быта Переяславской земли, исполнена многихъ обобщеній, къ сожалѣнію, не имѣющихъ научнаго значенія.

Русская Мысль № 1 и 2. 1898.

Въ библіографическомъ отдѣлѣ (№ 1) помѣщены отзывы о слѣдующихъ сочиненіяхъ: *Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архивовъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи. Вып. IX. Изд. по ред. Н. Ө. Дубровина. Спб. 1897. 2). Пѣсни о Травинѣ. Проф. Н. Ө. Сумцова. Харьковъ 1897 г. 3) Новая Наука г. Безсонова. Проф. Сумцова. Кіевъ 1897 г*

Сверхъ того, разсмотрѣны слѣдующіе журналы, но въ нихъ ничего не нашлось относящагося къ югу Россіи: *Сѣверный Вѣстникъ* №№ 1-й и 2-й, Вѣстникъ Европы №№ 1-й и 2-й, *Русскій Архивъ* №№ 1-й и 2-й. *Русское Обозрѣніе* № 1-й.

26. Доловая росписка лоевскаго мѣщанина Крыштопа Юшковича Мишку Игнатовичу Волошанину 1678 г.

Я Крышътопъ Юшъкович, мещанин лоевъский, вѣдомо чыню симъ моим писаном, ижем зостал винен длукгу певънаго, то ест копъ шестъ грошей доброе монеты сребръное пану Мишъку Игнатовичу волошанинови тракту Любецъкого Лопатъневъскому, которую копъ шестъ звышъпомененую маю отдатъ на ден и рок от мене заложеный на ден Сошествия Святаго и Жывотворящего Духа водлуг стараго календару в року 1670 осмымъ, не похибляючы року и дня, под закладем такиежъ сумы под вшелякими варунками, кондыцыами, обовязками правными, на що для лѣпшое твердости даю сее мое писане с подписом руки от мене упрошоного. Писан в Лоевѣ року 1670 осмого (М. П.). Очевисто упрошоный печатор од Крышътопа Юшъковича до того церекграфу подписуюся Ісидоръ Охрѣмович, мещанин лоевъский рукою власною.

27. Росписка Рѣпицкаго священника Өеодора Симеоновича Михалю Тимоөеевичу Мухѣ въ полученіи выкупа за отказанный ему за требу грунтъ. Року 1678, месеця іюня дня 9-го.

Я Өеодор, священнык Рѣпицкий, даю писмо свое пану Михалю Тимофѣевичу прозвищом Мусѣ, которое писмо уволняет его от мене, стороны грунту Убѣжицкого, на котором вышъпомененный Михаль зостает; в том же грунту и панъ Щуковский малъ частку по жонѣ своей першой, которую частку мнѣ, священныку рѣпицкому, отказалъ за похорон и отправованя служби Божой. А гдыж вышпомененный Михаль Муха ближший был до того крунту, поеднал мене, священныка рѣпицкого, за вшистку отправу, взявши от похорона и за столи и от субутника, заплатилъ мнѣ панъ Михаль, ведлугъ зможности своей, далъ мнѣ пят талярей, на всем сталося мнѣ досит. А хтобы важился пана Михаля турбоват, албо в тое ся втручоват, тѳды повинен на старшого вини сто золотыхъ заплатит, а и заплативши повинен грунт при пану Михалю зостават. Тое писмо я вышпомененный священнык отдаю в дому пана Лаврѣна Григориевича в райци чернѣговского и при пану Богдану Петровичу, мѣщанину любецкому. Өеодор священныкъ Симеонович, на тот час резыдуючый в Рѣпках, рукою власною своею подаю писмо вышпомененному пану Михалю Тимофѣевичу Мусѣ.

28. Купчій листъ Максима Васченка Нѣжинца на проданную Гурину Зубашенку половину грунта. Року Божего 1679, 15 дня месеца декаврия.

Я Маѯим Васковъ сынъ зъ Любеча, по прозвиску Нѣжинец, чиню явне сим писанем моим вѣчистым записом, жем продал половину

грунъту всего от мала до велика и поле з сѣножати, криницѣ и що належит, що ми з братом моим Процикоm были купили у Семена Чорного за коп шест бес пулзолотого, я теж Ма$\overset{\kappa}{}$сим продалем Гурину Зубашенку за суму грошей золотихъ девят свою половицю всего вѣчными часы, же я Ма$\overset{\kappa}{}$сим не маю части жадной, анѣ дѣти мои, толко Гуркови волно буде на своей половици що хотѣти чинити, и вол(но) буде продат, даровати и самому будоватъся, яко на своем добром купленом кгрунтѣ. Я теж Ма$\overset{\kappa}{}$сим Васченко вимовляю собѣ двѣ соснѣ бортних у Конском, а мой брат Процик сяборство из Гурином Зубашенком, поки Богъ позволит, на що и писмо даю от себе Гурину вѣчними часи, при людех добрих и вѣри годних, найперше Павел Евсѣенко Потѣйскакун, року и дня вышменованого. Писар того писаня Феодор Данилович, священник Кротинский рукую власною.

29. Долговая роспискъ лоевскаго мѣщанина Васка Лодена Мишку Игнатенку. 1680 г. февраля 1-го.

Я, Васко Лоден, мещанин лоевъский, вѣдомо чиню тым моим писанем, ижем зостал винен пану Мишъку Игнатенку, отчычу лопатневъскому, то ест золотых тридцатъ твердое монеты личбы литовские; которую то золотых тридцат и золотый маю отдати и скутечне зыстится на рок и ден от мене доброволне зхожоный, то ест на ден Рожества Пресвятыя Богородици, ведлуг старого календару, в року дастъ Богъ прийдучом тисеча шестсотъ осимъдесят третим, непохибляючи менованого дня и року, звышъпомененый терминъ под вшелякими обовязками правъными в середине сего моего церокграфу описанаго отдат и зыстится маю. На що для лѣпшое твердости даю сее писане с подписом руки от мене упрошонаго. Дѣелося при людех добрых, вѣры годных, мещанах и отчычах лоевъских, при Тереху Романовичу и Лазару Шишъковичу. Писан в Лоевѣ, року Божего 1680, февраля 1 дня. (М. П.). Очевисто упрошоный печатар от Васка Лодня до того церекграфу подписуюсе Спиридонъ Охрѣмович, свещеникъ лоевъский.

30. Закладная любецкаго мѣщанина Богдана Петровича Шпака любецкому священнику Григорію Прокоповичу на огородъ. 1680 г. априля 5-го.

Я, Богдан Петрович Шпакъ, мешанин любецкий, вѣдомо чиню симъ моим писанем, ижем на пилную свою потребу вызычил у господина отца Григория Прокоповича, священика любецкого Пятницкого, грошей золотых тридцат, в чумъ ему зоставую до пахання и до

вукупена огоруд свуй отцовский, и при тим куплений през мене самого у пана Яна Стецкаго, в значного шляхтича любецкого, который то огород никому ни в чомъ незаведеный и не пѣнный и тилко отецъ Григорий Прокоповичъ повинен пахат, а если бы якъ к лѣпшому пожиткови своему оборочать, а в томъ ни хто господинови не маетъ перечить с кревних моихъ, яко и з инших посполитых людей, хтобы смѣвъ важитися и перепоною быти господинове, таковый на уряд любецкий вину заплатит десет золотих; на що дле лѣпшои вѣрности даю сие мое писане господинови с подписом руки моей власной и при печати. Диялося в Любечи року 1680, месеца апреля дня пятого. (М. П.). Богдан Петрович, мещанин любецкий рукою власною.

31. Урядовый листъ по дѣлу Грицка Чеботченка съ Купрѣемъ Нечипоровичемъ Богушемъ о наслѣдствѣ. Року тисеча шестсотъ осмъдесятъ первого, априля 12.

На вряди перед нами Василием Устимовичом, сотником любецким, Иваном Терешенком, товаришомъ сотни любецкой, Михайломъ Венским, товаришем сотни полковой черниговской, а особливе при бытности Стефана Кодаковича, на тот час зостаючого войтом любецким, и Івана Норца, мищанина любецького, и при иных, прекладал скаргу Грицко Чоботченко, мешканец тракту любецкого на Купърѣя Ничипоровича Богуша в той способъ, же по змартю Кирила Чоботченка, брата рожоного старшого, небожчыка славнои памети оставшыс жона его вдовою безпотомые на имя Маря Ревухинна принела собѣ было вышпомененного Купрѣя за малжонка на въсе свое господарство и мешъкали з собою лѣт чотыри, потом змерла и осталос набытку немало, воспол набытого небожчикою из Грицковым братом, першым малжонком своим, а гды помирала, помененому Грицку не дано вѣдати, и остался грунт Яцьковъский, купъленый недавъно за старанем небожчиковым Кириловим, опроч давънѣйшых добъръ набытых. О котором то помененный Грицко, видячи себе быт близшым, доходил, теды помененный Купърѣй, пораховавъшыс з сумъленемъ своим, не въдаючыс далеце в право, а видячы же ему и такъ добре сталос, уступил того зовъсим на вѣчност грунтъ Грицку Чоботченку, брату рожоному небожчикувому Кириловому, першого мужа брату, толко купъчого листа не подал и на въряде не объявлял. Теды мы зверху имянованный вряд, видячы приналежытый ужыток тых добъръ имянованный грунтъ Яцковъский, купълѣный от Евътуха, зятя Рыбалченкового, лежачый у села Галкова (?), зо въсим подаем в моц и посесию Грицку Чоботченку,

ведлуг зреченя Купърѣевого и опису самого купъчого листа. Ежели бы ся хто близшый одозвал, суму откъладаючы, и на том потребуючой сторони казалисмо и сей нашъ врядовый выдати для лѣпъшои твердости лист, при бытности зверху имянованных особъ и притисненемъ печати врядовой любецъкой, а на подписе нижей имянованных рукъ. Дѣелося у Любечу, року, мѣсеца и дня вышъписанного. Васил Устыменко, на сей часъ сотникъ любецкий рукою (М. П.). О которой то справи добре свѣдомым, бывъшы подписуюс Кирил Гапонович Худолѣй рукою.

32. Закладная, выданная Василемъ Плющемъ Мишку Игнатовичу. 20 апрѣля 1682 г.

Wiadomo czynię tym moim listem, iżem wzioł u pana Miszka Ihnatowicza, wołoszczanina Łopotniowsskoho, klacz własnusz nie wczym nikomu niezawiedzionuiu w kopach dwunastu litewsko liczbo, ja Wasili Pluszcz, zostający w opiece u Ostapa, przyiaciela swego y sestrzenca boiarzyna dobrodzieja naszego, ktorze te pieniędzy mam ja własny wyszpomieniony Wasili Pluszcz, obawatel łoiowsky, panu Miszku Ihnatowiczu, wołoszaninu Łopatkowskomu, oddac we trzy lata liczbo litewsko, poczowszy w roku teraz idącym 1682, w miesiącu aprilu die 20, o Wielkiey Nocy ruskiey, a ieżeli by nie mogł wyszpomienionemu nistifikowac, tedy ostrow Macieiew, pod Burowicami leżący za Dnieprem, ktorym ma on władac, iako swoim, do oddania pieniedzy własnych iego w zakład z sosnoiu bortnoiu na wieczne czasy, w tym że ostrowie o nieczka sosna, niczym tego roku y dnia nie chibiąc pod wszelakimi warunkami y kondiciami wrawnymi, tak zamkowemi, iako y magdeburskimi, winien y powinny będe ten dług utsciwie oddac w domie jego własnym. Pisan w Łoiowie, roku y dnia wyszmianowanego. Michał N. . . . iako pisma nieumieietny de tego dobrowolnego ceregrafu mieszczanin łoiowsky prosił ręki swoiey podpisac. Potap, mieszczanin łoiowsky, Kali Pobołowiec, wołoszanin łoiowsky tez ruki swoie kazali podpisac.

33. Купчій листъ, выданный любецкимъ земяниномъ Климомъ Кирѣйченкомъ Ивану Масловцу на грунты. Року тепер идучом 1684, месеца августа 1 дня.

Перед нами, Василием Устимовичом, сотником любецким, Лазаром Феодоровичом, атаманом городовым любецким, Яковом Лукьяновичом, войтом любецким, и при бытности иных людей, нижеименованных особъ, ставшы очевисто на йимя Клим Кондратович Кирѣйченко, земянин любецкий, сознал явне, ясне и доброволне, ани з жадного

примушеня, в тые слова мовячи: ижъ я, мѣючи кгрунтъ свой власный, лежачый обмежу з одной стороны от грунта Законовского, а другой стороны от Онопрѣйковъского грунта, тылом от рѣчъки Варежки, а в проти у шлях любецкий лежачий на Листве, а от третюю от Клима Червечошка и Гриня Галабурды, которую уживал прежде небожъчикъ Пантелѣй Галабурда и продал был отцеви моему Кондрату Кирѣйченку, а я, вышъпомененный, яко посессор тых добръ, будучи потребъный пѣнязей, продал есми и зрекшыс на вѣчность уступил, то естъ Ивану Андрѣевичу Масловцу за готовую и рук моих дошлую суму пѣнязей, а мяновите за копъ осмънадцат грошей личбы и монеты литовъской, позваляючы ему тым грунтом владѣти, поля пахати и заросли росчыщати, албо и дерево бортъное по той час ты уводити, ежелибыся зложое показати мѣло алъбо рачей продати, дати и даровати и заминяти и яким хотячы правом от себе пустит ведлуг воли и уподобаня своего, а жаден в том ему перешкодою быти не мае, так я самъ, вышъпомененный, яко теж жона моя и потомки, албо с кревных моих близких и далеких, ани з людей общых, яко никому ни в чем пенно, ани заведено, под зарукою вины на вряд близко належачый золотых ста, а и по заплаченю вины предся тая моя продажа от помененного Ивана и поссесоровъ его отдалена и отсужена быти не мает, яко и сес купъчый лтст вечыстой продажы мати мѣет моц зуполную. При котором то справованю сего запису быт рачыли люде добрыи и вѣры годныи, то ест Микита Масловец, Луцько Маслович, Гришъко Бурдукъ, Миколай Гавриловичъ Орищенко и Макъсим Коробъко, и на том, за для лѣпшой вѣры и певности, далисмо сей купъчый лист помененому Ивану с подписом особъ и притисненемъ печати врядовой, а на подписе нижей имянованного руки писарское. Дѣелося у Любечу, року, мѣсеца и дня вышописанного. (М. П). Кирил Гапонович Худолѣй, писар любецкий, рукою.

34. Квитанція, выданная Гаврилом Янченкомъ Авраму Кваченку въ уплатѣ долга. Року 1684, месеца ноемвриия 9 дня.

Перед нами, Василием Устимовичом, сотником любецким, Лазарем Феодоровичом, атаманом городовым любецким, Яковом Лукяновичом, войтом любецким, и при бытности Сидора Яцковича, на тот час будучого войтом кротынскимъ, и при иных нижей особъ имянованных людех, ставшы очевисто Гавърыло Янченко, обыватед кротынский, сознал явне, ясне и доброволне, ани з жадного примушеня, в тых словах мовячы, иж мовит, я мѣючы писане от Аврама Кваченка, приятеля своего. писане на грунтъ его, лежачый в уѣзди

Любецком, посполе с кротынцами даное через Лаврина Цымбалистого, которому винен был помененый Аврам талеров чотыри за Енчанку, и не мѣвъшы чым отдати, през оное писане тот грунтъ отчызну свою вручал Гаврилу до часу, абы тот долгъ отдал Лаврину за него; теды Гаврило, окупившы тот грунтъ, владѣл през лѣт килканадцат. А гды повернувъшыся до своей отчызны Аврам и отдал долг свой Гавърылу ведлуг порахунку що ся доходило, а я теж, помененный Гавърыло, его квитую во всем цале, злецаючы вси его добра под протекстом своим держачыи, а писане тое згубил, которое от Лаврина мѣвъ Гаврило на грунтъ Аврамовъ; а ежели бы хто з оным писанемъ отозвался турбовати Аврама и през сие писане вряду любецкого квитацию, таковый вины заплатит на вряд близко належачый залотыхъ ста, а и по заплаченю вины сия справа отминятися не повинна, яко и сия квитация мати мѣет зуполную моц. И на том, задля лѣпшои вѣры и твердости, мы, зверху имяносанный вряд, потребуючои сторонѣ казалисмо сию квитацию выдат с подписом рукъ и притисненемъ печати урядовой любецкой, а на подписе нижей имянованных особъ. Дѣялося в Любечу, року, месеца и дня вышписанного.

(М. П.). Кирил Гапонович, писар любецкий рукою.

35. Вытис с книг мѣских права майдеборскаго ратуша черниговского. О соглашеніи между Мишкомъ Игнатовичемъ и Татьяною Оксеновною Андреихой Безбожненковой относительно владѣнія грунтами. Року тисяча шестсотъ осимдесят семого, месеца февъраля двадцат осмого дня.

Перед нами Стефаном Отроховичом, войтом черниговъским, Иваном Тарасовичом, бурмистром, и райцами, в ратушу черниговъском засѣлыми, ставъшы очевисто, Мишко Игнатович и Татяна Оѯеновъна Анъдрѣиха Безбожненковая, жытелка черниговъская, згодне, доброю волею своею перед урядом мѣским помярковала, любо розница межи ними о част кгрунъту небожчыка Ивана Скраги была при сели Лопатнюх и о другую част в Сивери, ув острове Матееве, почавъшы тот островъ увес границею в тракте Любецком и Лоевъском, у Сухий Вир, з Сухого Виру у рѣчъку Смячу, з речки Смячи у рѣчъку Горнечу, з речъки Горнечы у Дорогое болото, з Дорогого болота ув островъ Матеевъ, з деревом бортным и до бортя згожымъ, з полями, ролями, запустами, облогами, з селисчами, сеножатми, езерами, углядами, лесами, борами, зо всими пожитками, до тых частей кгрунъту належачыми, вымовивъшы Мишко

прироботъ свой в крунте своем отцевъском, даючы моцъ и владзу одно другому тым всимъ кгрунътом менованымъ частъми по половицы вѣчными часы владѣти и пожитки мѣти, и межи собою якъ хотѣти одно другому, которое захочет сплатити и кому хотѣти дати, продати, даровати и записати; и на далшое утвержене тое угоды своее то утвердили, иж от сего часу по половици в тыхъ кгрунътах части мают ходити, пожытки всякие на себе брати и спокойне держати, не перешкажаючы одно другому, ани в далшые часы межы собою не мают турбовати, ани до права позывати, под виною на вряд належитый золотых ста; еслибы от сего часу которая з межи них сторона тое помяркованъе и згоду нарушати мѣла, на том доброволная их згода до книгъ мѣских ратушных черниговъских ест записана, с которых и сес выпис под печатю урядовою мѣскою ратушною черниговъскою ест выдан. Писан в ратушу черниговъском. Емелян Иванович Яхимович, писар мѣский черниговъский. (М. П.).

36. Декретъ по поводу жалобы Никиты Скугара съ сябрами на священника Пронковича о захватѣ земли. Року тепер идучом тисяча шестсот осмъдесят осмого, месеца июня осмнадцатого дня.

Перед нами іеромонахом Климентием Тишевичем, уставником катедры черниговское, Иосифом Павловичом Іезуневъским, іеромонахомъ, зослаными от его пастырское милости на ревизию справ духовных и Ерофеем Котовичем, священныком Пречыстенским любецким, так теж вряду свицкого Прокопием Никифоровичем Орловъским, выстановленным на тую справу сотником наказным любецкимъ, Гришком Бурдуком, атаманом городовым любецким, а особливе Тишкомъ Романовичомъ, старостою и дозорцем любецкимъ, и Феодором Красковъским, чынил протестъ и прекладал скаргу Микита Скугар ис сябрами своими на честного господина отца Григория Пронковича, священника любецкого Пятницъкого, о занятю бы огорода их Скугаревского, о котором опи(су)вается в сим же декрети нижей описанном; теды мы, вряд, зверху имянованныи особы, казалисмо перед себе запризват обѣ стороны поводовую и жалобъную на усправедливене, а гды стапули, пытали ихъ помененного Микиты ис сябрами, якимбы способом оны узнавали, же отецъ Григорій их огорода част бы никоторую ку своему огороду, купъленому от Якова Мателюхи, прозываемаго Лашуковского, о котором шырей опи(су)вае в купъчом листи, чы своею достовѣръностю, чыли теж признатемъ посторонных людей? Теды помененный Микита ис сябрами своими вымирялся таким способом: же мы, мовит, прежних часовъ не паметаем досконале, як родичы поки уживали нашы, а сами прешлых

часовъ в отлеглом мешъканю през руину военную зоставали на розных мѣсцах, теды, мовит, нам признают люде, а меновите: Петро Бубенникъ, который при купълению и завоженю межы отцу Григорию от Якова Мателюхи был и написаный в рядовые в купъчой отца Григориевой, а другий Володымеръ. А гды передъ себе на вряд казалисмо станут помененным Бубеннику и Володимеру и пыталисмо их, ежелебы оны, достовѣрне бывъшы свидомыи заводу и межы тым огородом поможным, лежачым за Нагорною Брамою любецкою ку улицы Гончарыской, теды Бубенник моцно взялся и Володымер на попартъе правное Микиты на господина и под виною декляровался, же не толко, мовит, доведу того, же господин през завод Мателюхин, зайшовъ Скугаревского огородъ, леч и огорожу старой межы в земли найду, и так квестию завдавъшы честному господину отцу Григорию из его заводцем, одозвался ити на мѣсце межы шукат, а гды, пойшъли и шукал за позволенем врядовым, где схотѣлъ, теды не знайшолъ на томъ мѣйсцу, где имяновал, ни жадной признаки, тылко еденъ кулъ в земли знайшъли старый на межы господиновой, якъ и Мателюха заводивъ при продажи и тепер з заводы сеѣ справы тож посвидчал противъ ложных словъ Бубенниковых и фалчывого признаваня. Которой то справы мы, зверху имянованный вряд, з обох сторон выслухавшы контроверсий поводовой и жалобъной, а узнавъшы шалвѣрство Бубенниково, наказали ему ревсковат, яко нецнотливой губи, и вси шкоды и наклады правныи честному господину отцу Григорию при караню вины панской нагорожат, а прикривши их сим декретом навѣ.... честному господину на вѣчность на спокойное ужыване, яко свое власное, поки тепер межа лежыт, ведлуг его купъчой, владѣти позволяем. А хтобы в потомные часы отозвался честного господина отца Григория албо теж его посессоровъ през сей декрет турбоват за тот огород в якой мѣри, яко и сей нецнотливый Бубенник, таковый на вряд близко належачый заплатит вины золотых сто, а и по заплаченю вины при ненарушоной цѣлости сей декрет захован повинен быти. Дѣялося в Любечу року, месеца и дня вышей писанного. Іеромонах Климентий Тишевич, уставник его пастырской милости. Іеромонах Іосифъ Павлович, вишписаний. (М. П.) (М. П.) Юрый Александрович, сотникъ любецкій рукою. Кирил Гапонович Худолѣй писар.

37. Тестаментъ любецкаго мѣщанина Дмитра Григоріевича Козачка. 1689 г., сентября 29.

Во йимя Отца и Сына и святого Духа, святую живоначалную и нераздѣлимую Троицѣ—Аминь. Я рабъ Божий, Дмитер Григоровичъ Козачко, обеватели и мещанин любецкий, чыню вѣдомо и явно

сознавую сим моим тестаментом каждому, кому будет того вѣдати потреба, тепер и на потомные часы, иж будучи я навѣжоный от Господа Бога обложонною хоробою и на смертелной постели лежачы и видечи себе близшаго ку смерти, а нижли ку животу, теды умыслилем то собѣ перед часом годины смертелное за доброе памети и з доброго розсудку моего, убозтво мое роспорядит и росправит, абы по жызвотѣ моем межы близкими кревными и повинными моими, яко теж и межы людми общыми покой стобливый заховат, а на моем сумленю нѣчого не залегло. На первѣй полецаю душу мою грѣшную в руцѣ Створителеви, а тѣло мое грѣшное Стефан, полусынокъ мой, погребом хрестиянским мает поховат, и вшелякие памятки дорочные за душу мою грѣшную при церкви Божой мает отправит, ведлуг звычаю хрестиянского. Которому то звышменованно(му) Стефанови, полусынови моему, по смерт отказую так дом у мѣстѣ стоячий, зобополне з ним убудованый коштом и працею нашею, зовсѣмъ на вся, як сам в собѣ мѣет ис пляцем моим власным у версте в концы лежачим, при том же дворѣ и огород лежачий подле Чисмика, томуж Стефану, полусынови, отказую, а знову зас другий двор мой власный, под Любечом у Вомчымехах стоячий мой власный, ни кому ни в чым не пѣнный, коштом и працею моею убудованый, як сам в собѣ мѣет, тот отказую по смерти дочце моей Поси; а до того теж кгрунтъ мой власный, добра лежачии тамже у Вомчимехах под Любечом, так поле розробленое и зарослое що илеколвек ест моего власного розробку, теды тое все звышменованым Стефану, полусынови, и дочцѣ моей Поси напол мает поделит. А що ест маю част дерева бортнаго отчиною з розных людей датаго и дарованого, теды Стефану отказую деревъ пят, а дочцѣ моей Поси чтыре. Гумно теж тамже у Вомчимехах наше власное и тое посполу звышменованым Стефану и дочцѣ моей Поси в зобополном держаню мают мѣти. При котором справованю сего тестамента були люде добрые и вѣры годные, меновѣте: Семен Болоушко, Максимъ Бубенникъ, Иван Терещенко, Клим Безноско, обевателе и мещане любецкие и инших при том часе будучих людей вѣры годных, справы добре свѣдомых. А хто бы смѣл и важился сес мой тестаментъ, остатнюю волю мою, нарушит и касоват, теды с таковым суд буду мѣти на ономъ страшномъ судѣ Христовѣ пред Судиею нелицемѣрнымъ. Писан у Любечу, в дому Дмитра Григоревича, року 1689, месеца сентеврия 29 дня. За устною и очевистою прозбою Дмитра Григоревича до того тестаменту подписуюс Васил Устименко, на тот час сотником любецким рукою (мѣсто двухъ печатей). За устною и очивистою прозбою Дмитра Григоревича до того тестаменту подписалемсе Ерофей Іоанович, священик Пречистен-

ский любецкий. Року 1698, месеца иануария 4 дня. Пред нами, Павлом Ворошилом, сотником любецким, Семеном Василевичом, атаманом городовым, а Маξимом Стасиком, войтом любецким, и пред иными людми при том часе будучими, ставши персоналите Степан Козаченко, мещанин любецкий, просил нас, власти, абысмо на томже его тестаментѣ виписали по отцу ему спадлые добра и вивели литерою з духовници, якиис вже он продал пану Авраму Никифоровичу на вѣчност, на що и купчую от себе урядовне дал. Напрод на пляц з садом и з огородом на предмѣстю, и на двѣ синожати, а потим у Вомчимехах на селище з грунтом, з полями и зарослями з утчиною. Що для лѣпшой вѣдомости казали записат, року и дня зверхумененного.

38. Рѣшеніе любецкаго сотеннаго уряда по спору Андрея Злобы съ Юскомъ Злобою объ огородѣ. Року 1691, месеца августа 10 дня.

Поред нами урядом, Миною Михайловичом, на тот час зостаючим сотником наказнимъ любецъким, Илком Стоконским, старостою любецким, Кирилою Гапоновичом Худолием, товаришом сотни любецкой, прекладал намъ скаргу Андрий Злоба, жител шибириновъский пак тежъ на Юска Злобу, жителя села Онтонович, ижъ, мовит незънаю зъ яких мир огород мой отцевский уживает Юско безправне; теди ми на жалобу Андрия Злоби велили припозватъ пред себе и Юска Злобу, що тежъ, пришедши перед уряд, Юско и мовит Андрию Злоби: Нит, мовит, тоби в тум вгороди ни жадной частки. Що тежъ чуючы тии слова, Андрий Злоба вдался до людей, именно: до Ероша Стасика, старинного человика и мещанина любецкого. Теды на тую справу того часу трафился там и Eрошъ Стасик, мещанин любецкий, и почалѣ ми его питати под сумлением, жеби признал о той огород. И онъ, яко памятаючий на смертъ свою, мовит нам: Признаю, мовит, въсе що видаю, ижъ, мовит, той огород, котoрий и тепер лежачий берег попа пятницкого помижный с поповым огородом, теди купил Андриев Злобин дидъ Юрка в моеѣ тютки рудной за золотых 5, которая и межу отвела небожчику Юрку диду Андриеву. Теди тое почувши признате Юско Злоба от помененного Ероша Стасика и сам в тие слова сознал и уступил тогожъ часу того огорода и во всюм злецил на вичность Андрию Злоби. Що теди ми вислухавши, звишменованый уряд, тои справи, казалисмо и писмо з уряду нашего Андрию Злоби написать с подписом рукъ и притисненемъ печати врядовой. Писан в Любечу, року, месеца и дня вишъписанного. (М. П.). За позволенем пана сотнѣка, яко самого писат невмиетного, место сотнико-

вой руки подписую я писар Мина Михайлович, сотник наказний любецкий.—Я теж Илия Иванович, слуга его милости пана полъковъника, видючи подпис руки пана Мины, сотника наказъного, руку свою подписую.

39. Выпис с книгъ мѣских права майдеборского ратуша черниговъского. О продажѣ Исакомъ Григоріевичемъ Голобояриновичемъ части грунта своимъ сябрамъ Мишку Лопатнѣвцу, Мартину Кононовичу и Федку Мишковичу. Року Божого тисяча шестсотъ деветдесят третего, месеца июля одинадцатаго дня.

На уряде их царского пресвѣтлаго величества мѣским черниговъскимъ, передъ нами Ефимом Иевълевичом, войтомъ черниговъским, Иваном Тарасовичом, бурмистром, и райцами, в ратушу черниговъском заседаючыми, ставъшы очевисте панъ Исакъ Григоревичъ Голобояриновичъ, бывъшый бурмистръ черниговъский, явне, ясне и доброволне до книгъ мѣских ратушных черниговъских признал, иж онъ, маючы част кгрунъту в Матѣевъском острове у Суховирсчыне, в тракте любецком з сябрами Марком Каменским и Мишкомъ Лопатичовъским, и Федком и Мартином Кононовичом, свою част власную з деревом бортным и до борта згожим, лесами, борами, дубровами, ... и всими пожитками, до тое части належными, на вѣчност паном Мишку Лопатнюв'ьцу, Мартину Кононовичу, Федку Мишковичу, им самим, жонам и потомком их за сто и за двадцат золотых грошей личъбы литовъское продал, и грошы отобравъшы, тут же на уряде квитовалъ, даючы моцъ и владзу Мишку и Мартину и Федку, им самим, жонамъ и потомком их при своих частех, тым частю грунътом, счо панъ Исакъ владѣлъ, такъже спокойне владѣти, пожитки мѣти и от себе кому хотѣти дати, продати, даровати и записати; которое продажи части кгрунъту проданого сознаваючый панъ Исакъ самъ и потомки его вѣчными часы боронити не мают и мочы не будутъ под закладом других ста золотых и двадцати золотых на вряд належитый черниговъский. А на далшое утверженъе тое проданое части кгрунъту речоный сознаваючый, панъ Исакъ тутже перед урядом зрекъшыс в реалъную и спокоиную вечыстую поссесыю паном Мишку Лопатънювъцу и Мартину и Федку подал, зрекъсе и вѣчными часы тую част кгрунъту помененым уступил. Счо все для памети до книг мѣскихъ ратушных черниговъскихъ ест записано, с которых и сей выпис, под печатю мѣскою, ест выдан. Писан в ратушу черниговъским.—Емелянъ Иванович Яхимович, писар мѣский черниговъский. (М. П.).

40. Обликъ, вѣданный Петромъ Семеновичемъ Тимоху Маковѣенку на занятые дѣвнадцать золотыхъ и пять чоховъ. 1696 г, мая 8.

Я, на имя Петро Семеновичъ, даю на себе тое писаніе пану Тимухови Маковенкови, ижъ облѣкгуюся отдати, щомъ виненъ дванадцять золотихъ и пять чоховъ о святомъ Петрѣ, албо тижъ о жнивахъ, а не алѣ Господь Богъ мене под своею ласкою, яко Богъ Отецъ мой ласкавий, ежели Господь мене спроможетъ, я ся обѣцую и прудше отдати, а теперъ мене якосъ Господь Богъ фортуною доброю оминулъ, лечъ надѣю маю на него и знову приверне до мене; а тепер пана Тимофтея прошу и писаніе ведлугъ того долгу на себе даю. При томъ былъ панъ Стефанъ Шчербина, другий панъ Стефанъ Куликъ. В Киевѣ дѣялося тое мѣсяца мая дня 8, в школѣ святой Пречистой року 1696 того. Петръ Семеновичъ рукою своею власною подписуюся.

На сей обликъ одобралем я Тымох Маковѣенко у Петра Семеновича долъжного своего золотых сѣмъ, в Киевѣ року 1696 того мая 9 дня. Дѣялося в дому судовом киевским козацким.

41. Листъ, данный любецкимъ сотникомъ земянину Степану Коробку. 1697 г, іюля 27.

Ихъ милостям паном, на вряди зостаючим, вшелякаго стану людем, при залеценю уклону моего доносим вѣдати, иж оказател сего листу нашего на имя Степан Коробок, земянин тракъту любецкого, простует у города украинские на зaживаня пашни, котрого если бы мог нашъ же жител любецкий, прозываемий Гузик, до права потягати, а бы тому Гузеви вѣра не дана, а сего листу подавци ни в чом не турбовано, чого по вашим милостям жадаючи и о том вѣдати доносячи, зостаю на завше вашим милостям во всем зычливый приятель, а рад служити Тимофей Юревичъ, сотник любецкий. З Любеча, 1697 року, мѣсяца юля 27 дня.

42. Урядовое письмо о соглашеніи между Максимомъ Коробкомъ, священникомъ Григоріемъ Прокоповичемъ и Мартиномъ Зарѣцкимъ относительно владѣнія садомъ. Року тисяча сѣмъсотного первого, мѣсяца авъгуста 21 дня.

Пред урадомъ любецкимъ, Петромъ Тереметкомъ, атаманомъ городовымъ, Авърамомъ Никифоровичомъ, войтомъ любецъкимъ, Онискомъ Высоцкимъ, товаришомъ сотенным, Романом Пѣшкою, мещанином любецкимъ, и при бытности многихъ людей зацныхъ при томъ часѣ будучихъ, ставъши очевисто Максимъ Коробокъ з чест-

нимъ господиномъ отцемъ Григоріемъ Прокоповичомъ, священником свято-Пятницкимъ любецкимъ, своимъ поможнымъ сябромъ, прекладали жалосне скаргу свою на Мартина Зарѣцкого, жителя коробковъского, который Мартинъ Зарѣцкий, присвоючи собѣ садовину, имъ Максиму и отцу Григорію сполную, на подгорю в Коробкахъ стоячую, Ивана Максименка Коробка обнажилъ з свити, и оную свиту Іванову на урадъ принесши, презентовалъ тое, ижъ якоби в своей власной садовѣнѣ Івана Максименка заставъши, тую свиту з него Івана знялъ. А на подпарте своей справы, тот же Мартин Зарѣцкий становил свѣдка, Дмитра Ветошку, такъ же жителя коробковъского, который Ветошка пред нами урадомъ призналъ, в тіе слова мовячи: ижъ, мовит, за сотнинства пана Тимофѣя Юревича, помежку Мартиномъ Зарѣцкимъ и межи Стефаномъ а Максимомъ Коробками объ туюжъ межу вщалася була турбація, на которой межи Коробки и колокъ були забили, потомъ, неудаючися до права урадового, сами помежку собою дома погодилися и колокъ той з межѣ выкинули, положивши вины на урадъ любецкий копъ десят, хтобы могъ на потомъ объ тую межу яковую вчать турбацію. На которое Ветощино свѣдотство Максимъ Коробокъ з сполнымъ сябромъ своим отцемъ Григоріемъ, хотячи дати слушную реляцію, просили нас ураду до Коробковъ на межу; где гдысмо на прозбу ихъ до Коробковъ зѣхали, теды отецъ Григорий и Максимъ Коробокъ становили пред нами, урадомъ, людей посторонних, Кирилу Коваля, Лавърина Кукару, Стефана Пищика, мещан любецких, людей старожитныхъ, которіе особы под сумленем межу отведши, пред нами, урадомъ, признали, ижъ, мовитъ не слушне Мартинъ Зарѣцкий з Івана Коробка свиту знялъ на семъ пагорку, поневажъ, мовит, якъ мы запомнимъ же межа лежитъ Зарѣцкихъ з Коробками, почавъши от улицы коробковъской до самого Григорева по узгорномъ, а самий подол належит Зарѣцкимъ; который подол для того Коробки дали Зарѣцкимъ на селитбу, же Зарѣцкіе онымъ поступили част сѣножатей луговых за тую селитбу Коробковъскую, поневажъ, мовит, давъно тутъ Зарѣцкіе неживали, але жили на Клиговѣ, а якъ тут почали жить, на самомъ подоли жили, а узгорокъ и самая гора з лѣсомъ и з садовиною здавъна належит Коробкомъ, а не Зарѣцкимъ. Що и Демъянъ, Прасового зять, на межи стоячи своимъ свидотствомъ потвердилъ, ижъ, мовит, Іванъ Зарѣцк..., на смертелной постели лежачи, мнѣ говорил: тіе, мовит, прищепки, которіе на узорку я щепивъ, то я не на своемъ грунтѣ, але на Коробковъскомъ прищепилъ, которіе прищепки, жебы не було по моей смерти турбацій, нехай Марко оттолъ выкопавъшы пересадит. На которое людей старожитныхъ подсумленное признане Мартинъ За-

рѣцкий (з) Максимом Коробкомъ и з отцемъ Григоріемъ, при нас, урадовѣ, помежку собою зуполную принявъши згоду, на межи подлугъ людского признатя, рубежи порубали и копъци покопали; а же садовина, в садку Грицихи Зарѣцкой стоячая, тимижъ рубежами нѣкоторая отишла, тую садовину мѣла Грициха, що будутъ прищены, знести, а дички з землею повинни быт при Максиму Коробку и при отцу Григорію. И на томъ погодилися и руки межи собою подававъши, вину сами межи собою положили на звѣрхнѣйшую власть, золотых сто, а на близко лежачий урадъ копъ двадцат. Которую оныхъ зобополную згоду, мы, урадъ, для лѣпшой памяти, казали записат, и потребуючой сторонѣ казалисмо сее наше урадовое выдат писмо, з подписомъ рукъ и притисненемъ печати, року, мѣсеца и дня звышъписанного. (М. П.) (М. П.) (М. П). Петро Терешенко, атаман городовый любецкий.—Васил Полонѣцкий, сотникъ любецкий подписалемся для крѣпости, жебы впередъ не турбовалися, поневажъ доброволне сами згодилися. —Авърамъ Никифорович, войтъ любецкий.

43. Атестація любецкаго сотеннаго уряда по поводу спора Павла Теремецкаго и Василя Богуша съ Алексѣемъ Красковскимъ о наслѣдствѣ. 1708 года, апрѣля 20.

На врадѣ сотенномъ любецъком, перед Василіем Полонѣцким, сотникомъ любецкимъ, при пану Демяну Посудевском, товаришу знатномъ полковомъ, при атаманнѣ курѣнном и товариству многому, на тот часъ в Любечу будучому, такъже от пана Струтинского, старосты замкового, присланнымъ шафару мѣскомъ Петру Безпалчомъ до тогожъ суду причиною за своимъ человѣкомъ до мѣста належачим и для прислухана ся справи таковой: Павел Теромецъкий, товаришъ сотенный и Васил Богушъ мѣский чоловѣкъ, ускаржаючися перед судомъ доходили собѣ отчизны в кгрунтах тестевских Оснаковских пахатных, по жонах своих, Алексѣя Красковского, брата родного тых жонъ Теремецкого и Богуша, подлугъ права ратушного мѣского чернѣговского, в якомъ доложоно, жебы з третей части кгрунту, на небожку Красковскую спадаючую, виховала матка их Фесю и Настю, сестри Алексѣеви, и замужъ видала з тоеижъ части, незаймаючи нѣмало отдѣленной части, в том же правѣ спецѣфѣкованой Івана Красковского по отцу толко брата родного оних женъ, Насти и Феси, лечъ оные жени хотѣли собѣ у вѣчност тую част, до виданя толко онымъ належную, сдержати, чого имъ в ратушном правѣ не отсужено, до якого нинѣшний урядъ любецкий стосуючися наказалъ былъ жебы дали покой жонѣ небожчика Івана Красков-

ского и дѣтемъ его, того кґрунту сукцессоромъ, а вже по половинѣ з Алексѣемъ Красковскимъ подѣленим, и болшъ не турбовати Красковской Іванѣхи и Алексѣя, а до згоды з собою пришли, якожъ перед судомъ доброволне помѣрковалися були и прощение взяли, за що Алексѣй, братъ тых жонъ Феси и Настѣ, по отцу и матцѣ родний, з любвѣ своей ку сестрамъ, четвертую част в половинѣ своей кгрунту, пахатного толко, хотѣлъ лекговати по смерти своей, чимъ оны не уконтентовавшиеся, до вишъшого удалися, по прощеніи своемъ, права. Що мы, уряд любецкий, вѣдячи их упартост и неблагодарствіе, велилисмо записати, а потребуючой сторонѣ видати сию атестацию. Дѣялося в Любечу року 1708, априля 20 дня. Василий Полонѣцкий, сотникъ любецкий. (М. П.).

44. Жалоба Ивана Коробка на Пятницкаго священника Григорія за завладѣніе грунтомъ.

Видение мое моей жалобъной скарґи о свое дѣдовское и отцевское житие, на чом зоставал дѣдъ мой и отец мой в селѣ Коробъкахъ, на чомъ и мнѣ Ивану Макъсимовичу Коробъку зостават приходило и дѣтям моѣмъ, отдаючи повинност монаршую и панскую; а же мѣю скорбъ от дядка моего Стефана небожчика, а тепер от панѣ Красковекой, обивателки любецькой, которая невинне мой грунтъ привлащаетъ и тримаетъ, и мене отбивает от части дядка моего Степана Коробъка; в таком дѣлѣ мой отецъ Макъсимъ откупил единаго брата Осипа часть заставную в десяти золотыхъ; а третий брат бил Степанъ вишереченный на своей третей части; теди оный Степан, отца моего брат, почал добиватис третего брата части, (а) отецъ мой, Макъсимъ, мовил: аще мнѣ вернеш половину утраты моей, могу и третую часть брата нашего розъделити по половѣнѣ; на що и люде звели обоѣхъ до миркованя, жеби Степан Макъсиму, брату своему, дал десет золотихъ; на що изволил Степан такъ учинити. Тоды по малом времени принес два таляри, а зостал винен чотири золотих, узял же . . . . тойже дядко мой Степан у шести копах и свою часть заставил Петру Гузяю у шести копахъ до отдання грошей, а гди прийшло время отданя грошам, ми не были в дому, з отцемъ моѣмъ Макъсимомъ на живах били, он Степан, брат отца моего, не вѣдаем, чи он продал, чи он заставил у осми копах отцу Григорию, Пятницъкому попу любецкому. Теди отецъ мой Макъсимъ, пробувши жнива, до господи приѣхавши, отецъ Григорий Пятницкий мовил отцу моему Макъсиму: я тобѣ сябръ, Макъсиме. А отецъ мой сказал: я того не

знаю, покажи, отче, купъчую, чили в заставѣ, чили на вѣчность, а он священникъ мовил: уже в Чернѣговѣ писмо зостает. Не добре, отче, такъ моглъ би я знат, що брат мой такъ у . . . тит мал. Теди колко разъ отец мой Макъсим упоминался купъчой братней, онъ, священникъ, тим отбивал, же у Чернѣговѣ и до сих временъ не знаем, чили купил, чили в заставѣ; бо где многих людей старожителей питаем, чили не знае о той то купъчой, не можемъ допитат, для якой речи от такого часу тримает грунтъ тот дядка моего Степана в селѣ Коробъкахъ попъ Пятницкий, отец Григорий, бо еще за памяти отца Григория прохали, абы становился пред судъ зо мною и купъчею показал; и так тое вакует до сих час от блаженной памяти небожчика пана Якова Лизогуба, полковника чернѣговского старого; а тепер не можем терпѣти таких утисков, кривды, що нашим добърим даремно владѣют и розмножиются, а ми худѣемъ и убожи биваем за ихъ неправедное купление; бо гдижъ моглъби мене Ивана Макъсименка Коробъка силою притягнути, аби увидѣлъ купъчую правдивую, аби болшей не докучал объ тую часть грунту. Я Иван Коробокъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Томъ LX, 1898 г., январь, февраль, мартъ.

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Въ „Кіевской Старинѣ“ печатаются: самостоятельныя изслѣдованія по исторіи южной Россіи и разнообразные матеріалы для нея, въ видѣ особо цѣнныхъ историческихъ документовъ, мемуаровъ, хроникъ, дневниковъ, записокъ, воспоминаній разсказовъ, біографій, некрологовъ и характеристикъ, описаній, вещественныхъ памятниковъ южнорусской древности и замѣтокъ обо всемъ вообще, что составляетъ принадлежность и характерную особенность исторически сложившагося народнаго быта или служитъ проявленіемъ народнаго творчества и міровоззрѣнія, каковы неизслѣдованные обычаи религіозные, правовые и т. д., исчезающіе древніе напѣвы, незаписанныя думы, сказки легенды, пѣсни и проч.

Библіографическія свѣдѣнія о вновь выходящихъ у насъ и за границею изданіяхъ, книгахъ и статьяхъ по исторіи южной Россіи, сопровождаемыя критическими замѣчаніями.

При журналѣ, по мѣрѣ надобности, будутъ помѣщаться портреты замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи южнорусскаго народа, виды древнѣйшихъ монастырей, церквей и другихъ зданій, имѣющихъ значеніе для мѣстной исторіи, снимки съ древнѣйшихъ гравюръ и произведеній живописи, рисунки и изображенія всякаго рода украшеній одеждъ, оружія, предметовъ домашняго обихода и проч.

Рукописи, доставленныя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и измѣненіямъ. Рукописи, признанныя для печатанія неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіи шести мѣсяцевъ; обратной высылки ихъ авторамъ редакція на свой счетъ не принимаетъ.

Редакція проситъ авторовъ доставлять книги и брошюры для рецензій.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

ТОМЪ LXI.

1898 г.

Кіевъ, типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра
Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Мих. ул., д. № 4-й.
1898.